

ISSN 1694-7207

**КАЗЫ ДЫЙКАНБАЕВ АТЫНДАГЫ
КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН
ТЫШКЫ ИШТЕР МИНИСТРЛИГИНИН
ДИПЛОМАТИЯЛЫК АКАДЕМИЯСЫНЫН
ЖАРЧЫСЫ**

**ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ИМЕНИ КАЗЫ ДИКАМБАЕВА**

**BULLETIN
OF DIPLOMATIC ACADEMY OF THE MINISTRY
OF FOREIGN AFFAIRS OF THE KYRGYZ REPUBLIC
NAMED AFTER KAZI DIKAMBAEV**

№ 6(06)

**Рецензируемое периодическое издание,
рекомендованное Высшей Аттестационной Комиссией
Кыргызской Республики**

Бишкек -2015

Аналитикалык-маалымат
журналы № 6(06)2015
ISSN 1694-7207

Негиздеген:
К.Дикамбаев атындагы Кыргыз
Республикасынын Тышкы иштер
Министрлигинин Дипломатиялык Академиясы

Редакциялык Кеңеш:

1. Айтмурзаев Н.Т.- К.Дикамбаев ат. КР
ТИМ Дипакадемиянын ректору, КР
АБГУЭ, тех. ил. канд., доц.
2. Осмоналиев К.М. - К.Дикамбаев ат. КР ТИМ
Дипакадемиянын окуу иштери боюнча
проректору, юрид. ил. докт., проф.
3. Мамбеталиева Г.С.- саясий ил. докт.,
К.Дикамбаев ат. КР ТИМ
Дипакадемиянын каф. профессору
4. Кемелбаев Н.- К.Дикамбаев ат. КР ТИМ
Дипакадемиясынын ардактуу профессору, КР
АБГУЭ.
5. Саралинов М.У.- К.Дикамбаев ат. КР ТИМ
Дипакадемиянын кафедра башчысы, КР
АБГУЭ
6. Курманов З.К. - тарых. ил. докт.,
проф.
7. Искандаров А.И. - саяс.ил докт., РТ АБГУЭ
8. Шаболотов Т.Т. - саяс. ил. докт.
9. Адыкулов А.А. К.Дикамбаев ат. КР ТИМ
Дипакадемиянын Тышкы саясат изилдо
Борборунун директору, психол. ил. канд., доц.
10. Бекбоева А.К. – К.Дикамбаев ат. КР ТИМ
Дипакадемиянын окум.катчы, филос. ил.
канд., доц.

Редакциянын дареги:

Кыргызстан. 720040, Бишкек шаары,
Эркиндик бульвары, 36
телефон: 66-01-85, 66-13-83, 62-27-48 факс:
(996-312) 66-01-85 эл.дарек: dipacadem@ktnet.kg

Эскертүү: Журналдагы материалдарды
ксерокопиялык, микрофильмдик жана башка
ыкмалар менен нускалоодо, көчүрүп басууда
колдонууда журналга шилтеме берүү зарыл.

Журналдын редакциялык кеңешинин пикири
менен макалалардын авторлорунун пикири туура
келбей калышы мүмкүн.

Информационно-аналитический журнал
№ 6 (06) 2015
ISSN 1694-7207

Учредитель:
Дипломатическая Академия Министерства
иностраных дел Кыргызской Республики им.
К.Дикамбаева

Редакционный Совет:

1. Айтмурзаев Н.Т.-ректор Дипакадемии МИД КР
им. К.Дикамбаева, ЧПП КР, канд. тех. наук,
доц.
2. Осмоналиев К.М. - проректор по учебной
работе Дипакадемии МИД КР им.
К.Дикамбаева, докт. юрид.наук, проф.
3. Мамбеталиева Г.С.-докт. полит.наук,
и.о.проф. каф. Дипакадемии МИД КР им.
К.Дикамбаева
4. Кемелбаев Н.К.-почетный проф.
Дипакадемии МИД КР им. К.Дикамбаева,
ЧПП КР
5. Саралинов М.У. - зав. кафедрой
Дипакадемии МИД КР им. К.Дикамбаева,
ЧПП КР
6. Курманов З.К.- докт. ист. наук, проф.
7. Искандаров А.И. - докт. полит. наук, ЧПП РТ
8. Шаболотов Т.Т.-докт. полит. наук
9. Адыкулов А.А. – директор Центра анализа
внешней политики Дипакадемии МИД КР
им. К.Дикамбаева, канд. психол. наук, доц.
10. Бекбоева А.К. – ученый секретарь
Дипакадемии МИД КР им. К.Дикамбаева,
канд. филос. наук, доц.

Отв. за выпуск Вестника: проф. К.М. Осмоналиев

Адрес редакции:

Кыргызстан. 720040, г. Бишкек,
Бульвар Эркиндик, 36
телефон: 66-01-85, 66-13-83, 62-27-48
факс: (996-312) 66-01-85
эл. почта: dipacadem@ktnet.kg

Внимание: При использовании, перепечатке,
микрофильмировании и других формах
копирования материалов ссылка на журнал
обязательна.

Мнение редакционного совета журнала может
не совпадать с точкой зрения авторов статей.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Раздел 1. Актуальные проблемы международных отношений и обеспечения безопасности	
Выступление Министра иностранных дел Кыргызской Республики Э. Абдылдаева на Общих дебатах 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (г. Нью-Йорк, 1 октября 2015 года).....	7
Statement by His Excellency Mr. Erlan Abdyldaev , Minister of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic at the General Debate of the 70th Session of the United Nations General Assembly (New York, 1 October 2015).....	15
Айтмурзаев Н.Т. Туризм как один из ресурсов политики «мягкой силы» государства	22
Аламанов С.К. Критический взгляд на современную водную политику стран Центральной Азии	26
Искандаров А.И. Безопасность в Центральной Азии как ключевой аспект региональной интеграции	33
Сафранчук И.А. Политика администрации Б. Обамы в Афганистане	40
Корякин И.П. Международная безопасность в современных условиях (на примере Украины).....	47
Абдраимов М.Д. Исламский фактор в Центральной Азии: вчерашние истоки сегодняшних реалий.....	51
Атабеков К.К. Содержание международного сотрудничества и координации в борьбе с терроризмом в рамках СНГ	57
Бегаим Нурлан. Социальная обусловленность международного общения	62
Карагулов А.О. Об этапах становления сотрудничества государств Центральной Азии с Организацией Исламского Сотрудничества	66
Elvira Kalmurzaeva. Post-Soviet Kyrgyzstan's National Ideological Discourse	71
Туголбаев Д.О. Обеспечение безопасности заграничных учреждений в кризисных ситуациях.....	81
Исаматова А.Т. Самоидентификация и стратегический выбор Кыргызской Республики в глобальном пространстве безопасности	86
Кадыркулова М. Беженцы и онтологическая безопасность страны в свете конструктивизма	93
Сарыбаев Э. Влияние глобализации на развитие новых независимых государств	99
Кумарова Д.Т. Женский терроризм в современном политическом процессе.....	105

Раздел 2. Материалы научно-практических конференций

Выступление первого заместителя министра иностранных дел КР г-жи Д. Кемеловой на научно-практической конференции «70 лет ООН – поддержание мира и согласия, ответственность и будущее»	111
Выступление г-на Г. Манукяна , руководителя Администрации Регионального Центра Превентивной Дипломатии для Центральной Азии на научно-практической конференции «70 лет ООН – поддержание мира и согласия, ответственность и будущее»	113
Выступление Чрезвычайного и Полномочного Посла Туркменистана в Кыргызской Республике г-на Б. Ниязлиева на научно-практической конференции «20-летие Нейтралитета Туркменистана: международное сотрудничество во имя мира, безопасности и развития»	115
Pyas Dhami. Understanding Diplomacy and Foreign Policy Challenges of Turkey and Kyrgyzstan	120
Kairat Osmonaliev. Foreign Relations in Central Asia: Its Transatlantic Dimensions and impact on Kyrgyzstan	122

Раздел 3. Современные вопросы политологии, истории, социологии, права и педагогики

Табалдиева В.Ш. Содержание и разновидности запроса о международной правовой помощи по уголовным делам	126
Джоробекова А.Э. Патриотизм как условие национальной консолидации в условиях глобализации.....	132
Адыкулов А.А. Бессознательное и религиозность в психологии человека.....	137
Жамбаева У.Б. Политико-правовой аспект Тибета в составе КНР.....	153
Канатбек Азиз. О политико-правовой природе президентской власти на ранних этапах становления независимого Кыргызстана.....	158
Доромбекова А.О. Интерактивные методы, применяемые на семинарских занятиях по философии по направлению «Международные отношения».....	161
Брусиловский Д.А. Семья как основа межкультурного и межрелигиозного сотрудничества в условиях глобализации (на материалах тюркоязычных народов).....	173
Kurmanova G.K. Developing intercultural awareness	179
Ибраев М.С. Стабильность Конституции и Конституционной палаты – гарант устойчивости государства и соблюдения законности в Кыргызской Республики	182
Садиев Г. Суд как субъект правоприменения в сфере международной правовой помощи по уголовным делам	185

Клименок Д.Ф. Место этнорелигиозных факторов в капиталистическом и в социалистическом обществе России	190
Абылаев А. Ответственность за коррупцию в отдельных зарубежных странах.....	196
Султанмуратова М. Некоторые вопросы предупреждения налоговых преступлений в свете современной уголовной политики: национальный и международный опыт.....	202
Осмоналиева Ж.М. История становления и распространения института омбудсмана в зарубежных странах	206
Adylbek Sharshenbaev. Community-driven development projects and Corruption in the Kyrgyz Republic	211
Алмаз уулу Атай. Международно-правовой статус сторон и виды участников вооруженного конфликта.....	221

Предисловие

Уважаемый читатель, вашему вниманию представлен очередной Вестник Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики имени Казы Дикамбаева № 6. Этот номер Вестника стал логическим продолжением смыслового содержания предыдущих номеров и отражает результаты более глубокого рассмотрения, изучения и раскрытия отдельных аспектов и проблем международных отношений, жизнедеятельности мирового сообщества и политики, как на региональном, так и в мировом уровне в целом.

Так, в данном издании размещены тексты выступления Министра иностранных дел Кыргызской Республики Э. Абдылдаева на Общих дебатах 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН прошедшей в г. Нью-Йорк 1 октября 2015 года, выступление Первого заместителя Министра иностранных дел Кыргызской Республики Д. Кемеловой на научно-практической конференции «70 лет ООН – поддержание мира и согласия, ответственность и будущее», в нем нашли свое отражение статьи известных государственных деятелей, ученых, результаты их исследований, оценки и взгляды которых посвящены таким актуальным вопросам и проблемам международных отношений и мировой политики как: угрозы и вызовы международной безопасности; вопросам и проблемам обеспечения региональной безопасности; проблеме международного терроризма; радикального исламизма, и религиозного экстремизма и т.д. В статьях Вестника отражен историко-философский взгляд в исследовании глубинных причин сегодняшних реалий в аспекте влияния религиозного фактора в мировой политике, а также анализ правовых аспектов, устройства и регулирования некоторых институтов на государственном и международном уровнях.

Должен отметить, что Вестник Дипломатической академии с 2015 г. вошел в Перечень рецензируемых изданий, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией Кыргызской Республики, что также говорит о высокой ценности данного издания.

С пожеланиями творческих успехов,

**Ректор Дипломатической Академии
МИД Кыргызской Республики
им. Казы Дикамбаева,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Кыргызской Республики**

Н. Айтмурзаев

Раздел 1. Актуальные проблемы международных отношений и обеспечения безопасности

Выступление

**Министра иностранных дел Кыргызской Республики Э. Абдылдаева
на Общих дебатах 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН**

(г. Нью-Йорк, 1 октября 2015 года)

**Уважаемый г-н председатель,
Уважаемые главы делегаций,
Уважаемый Генеральный секретарь ООН,
Дамы и господа,**

Позвольте поздравить г-на Могенса Ликкетoftа с избранием председателем 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН и пожелать ему успехов на этом высоком и ответственном посту. Вместе с тем, выражаю признательность председателю 69-й сессии г-ну Сэму Кутеса за плодотворное руководство ее работой.

Также хочу поздравить государства-члены ООН и коллектив ООН во главе с Генеральным секретарем г-ном Пан Ги Муном с 70-летним юбилеем Организации и утверждением новой глобальной повестки в области развития до 2030 года.

Мы приветствуем тему нынешних общеполитических прений **«70 лет ООН: дорога мира, безопасности и прав человека»**, которая четко и красноречиво говорит сама за себя.

Г-н председатель,

Текущий год также ознаменован и 70-летием со дня окончания Второй Мировой Войны, ставшей самой кровавой и разрушительной в истории человечества. Считаем, что важнейшим итогом войны стал, прежде всего, разгром сил, вставших на путь вероломной агрессии. Не меньшее значение имело поражение бесперспективной политики, основанной на античеловеческой идеологии и тщетных попытках утверждения нового миропорядка. Победа во Второй Мировой Войне способствовала утверждению таких ценностей, как признание свободы и равноправия народов, универсальность международно-правовых норм, не делящих мир на великие державы и остальной мир. В данном контексте считаем исторической роль ООН в качестве универсальной международной организации, включающей практически все страны мира, к которой любое государство могло бы апеллировать в случае ущемления его интересов и безопасности.

Сегодня позитивная роль и значение ООН в жизнеобеспечении человеческой расы остаются незыблемыми и неоспоримыми. Организация остается единственной универсальной и наиболее легитимной структурой в области многосторонней дипломатии и межгосударственного сотрудничества. Кыргызстан признает центральную роль ООН в поддержании международного мира и безопасности, решении современных вызовов финансово-экономического, социального, культурно-гуманитарного и экологического характера, продвижении вопросов защиты прав человека, а также укреплении дружественных отношений между странами в соответствии с принципами международного права. Мы

выступаем за взаимный учет интересов и равноправные отношения между субъектами международного права, построение справедливого и демократического миропорядка, основывающегося на многостороннем подходе. Считаем, что именно такому развитию международных отношений должна способствовать деятельность Организации Объединенных Наций.

Г-н председатель,

По иронии истории, 70-летие окончания Второй Мировой Войны и создания ООН, ставшего символом единения и коллективизма, по времени совпало с тревожной международной ситуацией. Спустя четверть века после завершения «холодной войны» международное сообщество вновь столкнулось с угрозой поляризации мира, нарушением основополагающих норм международного права, ростом вооруженных конфликтов и других негативных тенденций. Вместо разрушенной берлинской стены возводятся новые стены из санкций, запретов и торговых барьеров. Среди членов Совета Безопасности ООН усилились разногласия, что не способствуют поддержанию мира и стабильности. Мы столкнулись с ситуациями, когда некоторые государства предпочитают действовать вне рамок Совета Безопасности ООН. Такой подход считаем контрпродуктивным, несоответствующим целям и принципам Устава ООН, и ведущим к усугублению разногласий, потере доверия, дестабилизации международной обстановки и новой гонке вооружений.

Г-н председатель,

На прошедшем Саммите ООН по устойчивому развитию мы все стали участниками знаменательного события и одновременно приняли на себя высокое обязательство по коллективному обеспечению в последующие пятнадцать лет устойчивого развития человечества в гармонии с природой. Кыргызстан приветствует принятие семнадцати всеобъемлющих целей устойчивого развития и связанных с ними целевых задач. Мы приложим все усилия для их полноценной реализации соразмерно национальным возможностям, а также продолжим целенаправленную работу по улучшению неисполненных полностью показателей целей развития тысячелетия.

Вместе с тем, реализация целей устойчивого развития на национальном уровне требует решения вопроса его адекватного международного финансирования. Этот вопрос горячо и всесторонне обсуждался между наименее развитыми странами и государствами-донорами на Третьей конференции ООН по финансированию развития в эфиопской столице Аддис-Абебе в середине июля этого года. Мы согласны с мнением, что развивающиеся страны должны брать больше ответственности за финансирование национальных программ развития за счет эффективного использования внутренних резервов, улучшения налогового администрирования, борьбы с коррупцией. Однако, страны-доноры также должны оставаться вовлеченными и, как можно скорее, выполнить свои обязательства по увеличению объема официальной помощи в целях развития до показателя 0,7 процентов от своих валовых национальных доходов.

С другой стороны, хотели бы особо подчеркнуть необходимость и возможность создания и сохранения благоприятных условий для устойчивого развития государств. В этой связи Кыргызстан, с учетом своего национального опыта, исходит из того, что **любое государство имеет право на собственное**

развитие. Считаем, что такое право неотъемлемо и не может кем-либо или чем-либо ограничено. Уверен, что вопросы гарантий такого права также актуальны и для большинства развивающихся стран по всему миру. Как представляется, это особо близко государствам, не имеющим выхода к морю, малым островным государствам, странам, наиболее уязвимым к изменению климата, а также с большими долговыми обязательствами, не имеющим широких возможностей по искоренению бедности.

С сожалением приходится констатировать, что сегодня все чаще возникают ситуации, когда отдельные государства, руководствуясь сугубо эгоистичными интересами, стремятся осуществлять свое развитие за счет других стран, ограничивая их возможности. Полагаем, что такого рода тенденции не должны иметь места в современном цивилизованном мире.

Вместе тем констатируем, что понятие «право государства на развитие» до сих пор четко не закреплено в международном праве. Необходимо, конечно, уточнить, что право на развитие все же имеется в международном праве, однако исключительно в контексте Прав Человека. Речь, прежде всего, идет об Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека и других документах. Вместе с тем считаем, что реализация соответствующих прав человека не может быть полноценной в случае, если аналогичным правом не будет обладать сам субъект международного права.

Кыргызстан считает, что соблюдение и гарантии права государства на развитие со временем должны стать основой построения справедливых международных отношений на глобальном уровне, наряду с такими принципами как уважение территориальной целостности и суверенитета, отказ от применения силы и невмешательство во внутренние дела.

В этой связи, Кыргызстан видит необходимость широкого распространения концепции «Права государства на развитие» в рамках ООН. Предлагаем начать рассмотрение этого вопроса на экспертном уровне.

Г-н председатель,

Устойчивое развитие каждого государства во многом зависит от вопросов обеспечения безопасности и стабильности, в том числе на общемировом уровне. Полагаем, что сегодня страны должны отложить в сторону все разногласия и совместными усилиями под эгидой ООН активнее бороться с терроризмом и насильственным экстремизмом. Кыргызстан решительно осуждает все акты терроризма, независимо от их мотивов, где бы и кем бы они ни совершались. У терроризма есть корни и причины, но нет никаких оправданий.

При этом хотели бы подчеркнуть, что мировое сообщество нуждается в совместном эффективном противодействии не только экстремизма, но и в отношении его насильственных проявлений. Сегодня мы становимся свидетелями того, что характер экстремистских угроз значительно меняется. Такого рода проявления уже в меньшей степени распространяются по географическому принципу, - имеет место повсеместная инфильтрация экстремистской идеологии в сознания людей, что подрывает основы общества изнутри в самых различных регионах мира. Различные экстремистские и террористические организации, консолидировав свои силы на базе единой экстремистской идеологии, становятся мощными преступными структурами, имеющими широкую сеть своих единомышленников.

В этой связи, мы считаем, что понятие экстремизма не должно ограничено рассматриваться исключительно с точки зрения применяемых насильственных методов, но прежде всего в ракурсе принятия превентивных мер по недопущению пагубного идеологического влияния. Также считаем необходимым нацелить политику государств на противодействие экстремистским проявлениям в этой сфере, обеспечить эффективную защиту светского характера государства, укреплять взаимодействие с традиционными религиями при реализации права граждан на свободу вероисповедания.

Говоря о противодействии терроризму на национальном уровне, хотел бы отметить, что кыргызская сторона добросовестно выполняет свои обязательства и привержена конструктивному участию на национальном, региональном и международном уровнях в борьбе с этим злом. Резолюция 2178 Совета Безопасности ООН расценивается нами как решительный шаг в противодействии иностранным боевикам-террористам. В рамках ее реализации мы направили свои усилия на укрепление пограничного контроля, авиационной безопасности, повышение потенциала правоохранительных органов и улучшение системы обмена информацией. В феврале и мае текущего года суд страны признал «Исламское Государство», «Ан-Нусра» и ряд других организаций террористическими и экстремистскими и запретил их деятельность в Кыргызстане. 24 июля 2015 года подписан закон, предусматривающий ответственность за наемничество и участие граждан страны в вооруженных конфликтах или военных действиях на территории иностранного государства. Наши правоохранительные органы ведут активную борьбу с терроризмом и насильственным экстремизмом и мы полны решимости продолжить ее.

Мы искренне заинтересованы в мирном и стабильном развитии братского Афганистана. Ровно год назад состоялась инаугурация Президента Гани Ахмадзая и сформировано Правительство национального единства во главе с д-ром Абдуллой Абдуллой, что ознаменовало первую в истории Афганистана демократическую передачу власти. Считаем важным выведение афганской экономики на путь стабильного и устойчивого развития, что имеет решающее значение в борьбе с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков. Призываем международное сообщество в лице доноров полностью выполнять свои обязательства по оказанию содействия Афганистану. Со своей стороны, Кыргызстан готов к тесному взаимодействию с Афганистаном по региональным торговым, энергетическим и коммуникационным проектам.

Нынешняя ситуация в ближневосточном регионе, раздираемом затяжными конфликтами, межконфессиональными столкновениями, является предметом особой обеспокоенности. В результате гибнут тысячи невинных людей, включая детей и женщин. Призываем страны региона и конфликтующие стороны к прямым переговорам под эгидой ООН с целью выхода на политическое решение проблем. Без проявления твердой политической воли и решимости невозможно остановить человекоубийство и проложить путь к национальному единству, примирению и восстановлению. Считаем, что внешнее вмешательство в любой конфликт должно оставаться в качестве крайней меры и применяться исключительно с санкции Совета Безопасности ООН.

Вместе с тем, полагаем необходимым обратить особое внимание и на то, что сегодня появляются новые вызовы мировой цивилизации, которые отходят от форм сугубо межгосударственных конфликтов и приобретают контуры идеологического

противостояния. Причем речь идет не только об экстремистских религиозных проявлениях, но и о попытках различных сил насаждать собственное видение путей развития отдельных государств. Полагаем, что в данном контексте необходима принципиальная оценка таким проявлениям, независимо от источников распространения таких идеологий. Считаем, что члены Совета Безопасности ООН, взявших в качестве стран-победителей по итогам Второй мировой войны на себя ответственность за судьбу мира, сегодня также должны взять на себя ответственность и по противодействию таким проявлениям, которые подрывают фундаментальные основы развития межгосударственных отношений.

Г-н председатель,

70 лет прошло с момента первого использования ядерного оружия и 45 лет с даты вступления в силу Договора о нераспространении ядерного оружия. Да, человечеству удалось не допустить рецидива применения ядерного оружия. Однако, пока будет существовать ядерное оружие, будет сохраняться риск его преднамеренного или непроизвольного использования. С сожалением отмечаем, что Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний до сих пор не вступил в силу, а Обзорная конференция 2015 года государств-участников Договора о нераспространении ядерного оружия завершилась без принятия важнейшего итогового документа. В этих условиях Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии является весомым вкладом в общемировой процесс ядерного разоружения. Как депозитарий и координатор стран-участниц этого Договора, Кыргызстан выражает благодарность России, Китаю, Франции и Великобритании за ратификацию Протокола о негативных гарантиях безопасности, а также призывает США, как можно скорее, выполнить соответствующие внутригосударственные процедуры.

Недавно мы стали свидетелями успешного завершения многолетних переговоров в формате Иран и «Группа шести» и принятия Совместного всеобъемлющего плана действия по иранской ядерной программе. Хочу поздравить Исламскую Республику Иран по случаю этого исторического события. В качестве участницы одной из новейших безъядерных зон, Кыргызстан призывает страны Ближнего Востока создать в регионе зону, свободную от ядерного оружия и всех других видов оружия массового уничтожения и систем его доставки. Это станет важной вехой в области разоружения, способствуя установлению мира на Ближнем Востоке.

Г-н председатель,

В качестве важнейшего инструмента устойчивого развития, обеспечения безопасности страны мы рассматриваем укрепление всего спектра сотрудничества с нашими непосредственными соседями. В условиях нашего региона сотрудничество и всесторонний диалог рассматривается нами в качестве единственного и безальтернативного пути решения имеющихся вопросов.

С другой стороны, приходится констатировать, что далеко не все существующие проблемы в регионе Центральной Азии удастся успешно и оперативно разрешать. Речь, в первую очередь, идет о развитии торгово-экономических отношений на справедливой и взаимовыгодной основе. По-прежнему недостаточно активны усилия по разрешению пограничных вопросов, координации усилий в области обеспечения региональной безопасности,

либерализации правил торговли, гармонизации национальных законодательств, обеспечения транзита по межгосударственным автомобильным и железнодорожным магистралям, координации подходов к развитию энергетики и транспортировке энергоносителей.

Вопросы совместного водопользования также остро стоят на повестке вопросов межгосударственных отношений в Центральной Азии. В этой связи хотелось бы отметить, что при реализации избранного курса развития Кыргызстан намерен особое внимание обратить на развитие своего гидроэнергетического потенциала, который является основой устойчивого развития страны. Наша принципиальная позиция состоит в том, что водные ресурсы и энергетика неразрывны и неотделимы друг от друга. В этой связи, в целях реализации своего права на развитие, Кыргызстан использует свой водно-энергетический потенциал для достижения поступательного социально-экономического развития, в том числе на основе модели «зеленой» экономики.

Не менее важным фактором неопределенности регионального масштаба является неурегулированность пограничных вопросов в Центральной Азии. Вместе с тем, их успешное решение, без сомнения, отвечает интересам всех государств региона. Это в значительной степени способствовало бы повышению транзитного потенциала наших стран, развитию приграничной инфраструктуры, улучшению экономической ситуации и снижению социальной напряженности в регионе.

С учетом изложенного считаем, что развитие всестороннего регионального сотрудничества должно быть основой для обеспечения устойчивого развития, стабильности и безопасности всей Центральной Азии. Фактическое отсутствие прямого многостороннего политического диалога непосредственно между самими странами Центральной Азии усугубляет имеющиеся региональные проблемы, препятствует экономическому развитию наших стран. С сожалением приходится констатировать, что имея общие проблемы, страны нашего региона на международных площадках не выступают единым фронтом и не объединяют свои усилия по решению этих вопросов на глобальном уровне.

В этой связи считаем, что сегодня как никогда назрела необходимость создания широкой **диалоговой площадки в формате пяти стран Центральной Азии**. Создание такого качественно нового механизма, в рамках которого можно было предметно обсуждать вопросы торговли, экономики, границ, энергетики, водопользования, транспортного сопряжения, экологии, изменения климата, видится нам насущно необходимой.

Призываем наших соседей рассмотреть нашу инициативу. Кыргызстан в свою очередь готов приступить к обсуждению деталей создания новой региональной платформы.

Г-н председатель,

В политической декларации Саммита ООН по устойчивому развитию мы условились укреплять демократию, добросовестное управление, верховенство закона и уважение прав человека и обеспечивать экономический рост, которые благоприятно содействуют устойчивому развитию. Мы полностью разделяем этот тезис и со своей стороны вносим достойный вклад в международные усилия в этом направлении.

Вместе с тем считаем важным особо отметить, что Кыргызстан имеет свой исторический путь развития демократии, не привнесенный извне и являющийся

коренным элементом национального самосознания. Демократические ценности на протяжении многих веков лежали в основе развития нашего общества и не являются для нашего народа абстрактной чужеродной субстанцией. Кыргызстан в настоящее время, опираясь на собственный исторический и культурный опыт, последовательно продолжает развивать и укреплять национальную модель государственного управления, основанную на принципах парламентской демократии.

На днях в Кыргызстане состоятся очередные выборы в национальный парламент, которые во многом станут индикатором уровня демократического развития страны, а их итоги - залогом единства народа и стабильности. Мы намерены обеспечить проведение этих выборов на основе демократических принципов открытости и справедливости в соответствии с национальным законодательством и международными обязательствами.

В августе этого года произошло историческое событие для Кыргызстана. Мы стали полноправными членами в Евразийском Экономическом Союзе. Кыргызстан получил беспрепятственный доступ на региональный рынок товаров и услуг, капитала и рабочей силы, а также дополнительную возможность развивать сельское хозяйство и промышленность, раскручивать транспортно-транзитный потенциал. Участие в этой интеграционной структуре также будет способствовать повышению конкурентоспособности национальной экономики и ее интеграции в мировые хозяйственные связи.

Вместе с тем, благодаря положительным результатам проведения в последние годы целенаправленной экономической политики, в 2014 году Всемирный Банк исключил Кыргызстан из числа бедных государств и перевел в разряд развивающихся стран со средним уровнем дохода. Для поддержания устойчивых темпов экономического роста в Кыргызстане 2015 год объявлен Годом укрепления национальной экономики.

Хотелось бы также отметить, что в Кыргызстане ведется бескомпромиссная борьба против коррупции. В 2014 году Кыргызстан улучшил статус в международном рейтинге восприятия коррупции, переместившись с 150-й на 136-ю позицию. Мы настроены продолжать работу в данном направлении в соответствии с международной кампанией по укреплению добросовестного управления.

Защита прав человека является одним из основных приоритетов государственной политики. Кыргызстан старается полностью исполнять взятые на себя обязательства в рамках Устава ООН, Всеобщей декларации прав человека и других международных правочеловеческих договоров и соглашений. Сегодня в Кыргызстане действуют свободная пресса и активное гражданское общество, укрепляется межэтнический мир и согласие.

В настоящее время наша страна усиленно работает над своим избранием в члены Совета ООН по правам человека на 2016-2018 годы. В этой связи имею честь еще раз обратиться к государствам-членам ООН поддержать нашу кандидатуру на выборах в ноябре этого года.

Г-н Председатель,

В заключение выступления снова хочу вернуться к теме зарождения 70 лет назад ООН, которое вселило нам чувство уверенности в завтрашнем дне и стала

воплощением лучших общечеловеческих идеалов и защитником интересов всех народов мира.

За 70 лет своего существования ООН прочно утвердилась как эффективный и общепризнанный центр системы международной безопасности и ответственности. Неоценимым достижением ООН являются механизмы предотвращения конфликтов, беспристрастного посредничества, поддержания мира и миростроительства. ООН также стала важнейшим инструментом решения международных социально-экономических, финансовых, культурно-гуманитарных и других проблем. Специализированные учреждения, фонды, программы и органы системы ООН являются востребованными и эффективными партнерами развивающихся государств.

Сегодня человечество проходит сложный отрезок на пути своего эволюционного развития, а ООН проходит испытание на свое соответствие требованиям современного миропорядка. В этой ситуации мы должны объединить общие усилия государств-членов ООН в борьбе с глобальными вызовами и угрозами международной безопасности и по обеспечению устойчивого развития. В авангарде этой кампании должна быть реформированная ООН, которая должна иметь безусловную политическую и финансовую поддержку своих государств-членов. В этой связи призываю поддержать и укрепить нашу Организацию. Со своей стороны, Кыргызстан всегда будет активно и ответственно действовать в рамках ООН с целью поддержки ее деятельности и совместного решения глобальных проблем.

Спасибо за внимание.

**Statement by His Excellency Mr. Erlan Abdyldaev,
Minister of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic at the General Debate of the
70th Session of the United Nations General Assembly
(New York, 1 October 2015)**

**Mr. President,
Excellences,
Ladies and Gentlemen,**

First, let me congratulate His Excellency Mr. Mogens Lykketoft on his election as President of the 70th Session of the United Nations General Assembly and wish him every success in serving in this key role. . I also wish to convey my appreciation to His Excellency Mr. Sam Kutesa for his productive (fruitful) leadership during the 69th Session.

It also gives me great pleasure to congratulate UN Member States and UN Secretariat headed by Secretary-General Mr. Ban Ki-moon, on the Seventieth Anniversary of the Organization and adoption of the new global development agenda - the Sustainable Development Goals - which offer us an ambitious vision of our world by 2030.

We welcome the theme for this year's General Debate, "The United Nations at 70: the Road Ahead for Peace, Security and Human Rights", which clearly and eloquently speaks for itself.

Mr. President,

This year also marks the 70th Anniversary of the end of World War II -a war which stunned humanity with its extremes. We, the Kyrgyz people, believe that the most important outcome of the war was the defeat of a force which aggressively pursued an inhumane vision of the world by committing atrocities, violating boundaries, and arbitrarily privileging some human lives over others. This Victory inspired the embrace of values the UN helps uphold today: freedom and equality of peoples, universality of international law, which does not divide the world into the great powers and the rest of the world. We believe the United Nations has a historical role to play as the international organization for the globe --including almost all countries of the world, and providing the stage for any state to make a global appeal if and when its interests and security are challenged.

Today, it is irrefutable that the United Nations plays a positive and important role in improving livelihood of citizens all over the globe. Kyrgyzstan recognizes the central role of the United Nations in maintaining international peace and security; addressing the diverse challenges in financial, economic, social, cultural, humanitarian and environmental spheres; promoting and protecting human rights; and, providing a platform to strengthen friendly relations between countries in accordance with the principles of international law.

The Kyrgyz people firmly believe in the establishment of a just and democratic world order that is based on the equality of nations and their interests in accordance with international law, and that is governed by a multilateral approach. We further believe that the United Nations' activities should promote and enable this paradigm.

Mr. President,

Ironically, the 70th Anniversary of the end of World War II and the establishment of the United Nations - which has become a symbol of unity and collaboration - coincides with an alarming international situation. A quarter-century after the end of the "Cold War," the international community is once again faced with the threat of a polarized world, gross violation of fundamental rules of international law, and growth of armed conflicts. Yet, instead of the diminished Berlin Wall, new "invisible" walls of sanctions, bans and trade barriers have been erected. Differences among the members of the UN Security Council have increased, challenging the Council's ability to maintain peace and stability. Increasingly, we are faced with situations where some States choose to act without a UN Security Council mandate. We consider such an approach counterproductive and non-compliant with the purposes and principles of the UN Charter. Further, we believe if this continues, not only will differences be exacerbated and confidence in the UN erode, but the resulting insecurity could spark a new and dangerous arms race.

Mr. President,

During the recent momentous UN Summit on the Adoption of Sustainable Development Agenda, each country made an optimistic and challenging 15 year commitment to improve the human condition while being better stewards to our environment. Kyrgyzstan welcomes the adoption of the seventeen overarching sustainable development goals and related targets. We will deploy our efforts for their full implementation in keeping with national capacities and will continue to work hard to improve on the achievement of outstanding Millennium Development Goals.

The Kyrgyz people, however, believe that sufficient financial support from the international community is crucial to the successful the implementation of Sustainable Development Goals at the national level. This question drew heated and thorough debates at the Third UN Conference on Financing for Development in Addis Ababa this past July. We concur with the view that developing countries should take more responsibility for financing national programs, through development of efficient use of internal resources, improvement of tax administration and the fight against corruption. However, the donor countries continue to have a key role, and we encourage them to fulfill their commitments to increase official development assistance to 0.7% of their gross national income expeditiously

On the other hand, we would like to emphasize the need to create and maintain an environment that would enable successful sustainable development. Kyrgyzstan believes that each state has a right to sustainable development and should guide that development, regardless of size, wealth, or geography. This is an inherent right that cannot be limited. Respecting this right is essential for the majority of the developing countries across the world. This is particularly relevant to land-locked countries, small island states, countries most vulnerable to climate change, as well as those with significant debts who do not have the opportunity to eradicate poverty.

We note with regret that more and more often, there are situations when states are guided only by their own self-interest, and strive to further their development at the expense of other countries. We believe that such actions are inconsistent with the values

and rights the UN embodies. We further believe that the pursuit of the Sustainable Development Goals should seek to protect this equal right to development.

We note that the "right of the state to development" is still not a clearly established part of international law. We believe this omission should be corrected. This right should be incorporated in international law. Meanwhile the United Nations Charter, the Universal Declaration of Human Rights and other documents provide definitions of human rights. The implementation of relevant human rights cannot be complete if the right of the state to development" is not subject to international law.

Respect for the right of each state to development should be the foundation of just international relations at the global level, along with principles such as the upholding territorial integrity and sovereignty, non-intervention and the rejection of the use of force.

In this regard, Kyrgyzstan sees the need for the wide dissemination of the concept of "states' rights to development" in the framework of the UN. We recommend that this issue begin to be considered at an expert level.

Mr. President,

Successful sustainable development of every state depends largely on maintenance of security and stability, including at the global level. We believe that countries need today to put aside their differences and more actively work together under the auspices of the United Nations to combat terrorism and violent extremism. Kyrgyzstan strongly condemns all acts of terrorism irrespective of their motivation, whenever and by whoever committed. Terrorism may have roots and causes, but they will never be justified.

At the same time, we would like to stress that the international community needs to work together more effectively not only in combating extremism, but also in countering its violent manifestations. Today we are witnessing the fact that the nature of extremist threats are varying greatly. This kind of manifestations has spread to a lesser degree on a geographical basis - there is widespread infiltration of extremist ideology in the consciousness of the people that undermines the foundations of society from within in various regions of the world. Various extremist and terrorist organizations, after consolidating their power under a single ideology, are also birthing powerful criminal activities with a wide network of like-minded people.

In this regard, we believe that the concept of countering extremism should not be considered limited only to addressing violent methods used. The concept must also include preventive measures to reduce the influence of harmful ideologies. We also consider it necessary to focus state policy on combating extremist manifestations, protecting the secular character of the state, strengthening interaction with the traditional religions with implementation of the rights of citizens to freedom of religion.

Speaking of counter-terrorism activities at the national level, I would like to note that Kyrgyzstan has faithfully fulfilled its obligations and is committed to constructive engagement at national, regional and international levels in the fight against this evil. We regard the UN Security Council Resolution 2178 as a decisive step in combating foreign terrorist fighters. As part of its implementation, we have directed our efforts to strengthen border controls, aviation security, capacity building of law enforcement agencies and improving the exchange of information. In February and May this year, our courts recognized the "Islamic State", "An-Nusra" and other organizations as terrorist and

extremist and banned their activities in Kyrgyzstan. On 24 July 2015 a law was adopted that establishes liability for mercenary activities and participation of citizens in armed conflicts or military actions on the territory of a foreign state. Our law enforcement agencies have been active in the fight against terrorism and violent extremism, and we are determined to continue this fight.

We are sincerely interested in the peaceful and stable development of brotherly Afghanistan. Exactly one year ago the inauguration of President Ghani Ahmadzai took place and Government of National Unity headed by Dr. Abdullah Abdullah was formed, marking the first democratic transfer of power in the history of Afghanistan. We consider it important to bring the Afghan economy to the path of stable and sustainable development, which is crucial in the fight against terrorism and drug trafficking. We call upon the international community, particularly donors to comply fully with their commitments to provide assistance to Afghanistan. For its part, Kyrgyzstan is ready to work closely with Afghanistan on regional trade, energy and communication projects.

The current situation in the Middle East, tom by protracted conflicts and sectarian violence, is of particular concern. As a result, thousands of innocent people are killed, including women and children. We call upon the countries of the region and the conflicting parties to start direct negotiations under the auspices of the United Nations in order to reach a political solution to the problems. It is impossible to stop bloodshed and pave the way for national unity, reconciliation and reconstruction without a strong political will and determination. We believe that external intervention in any conflict should remain a last resort and used only with the sanction of the UN Security Council.

At the same time, we believe it is necessary to pay special attention to the fact that new challenges to the values and world order that the UN promotes and protects are emerging today. These challenges differ from the more traditional purely inter-state conflicts; rather they have the flavor, of ideological confrontation. And it is not just manifest in religious extremism; it also appears in various attempts to impose their own vision of development on individual countries. We believe a principled assessment of such practices is required, irrespective of sources of the spread of such ideologies. We believe that the UN Security Council members, who had taken responsibility for the fate of the world as the victorious powers in World War II, now also have to take responsibility to combat such practices, which undermine the fundamental basis of the development of interstate relations.

Mr. President,

70 years have passed since the first use of nuclear weapons, and 45 years from the date of entry into force of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Yes, humanity has managed to prevent the recurrence of the use of nuclear weapons. However, as long as nuclear weapons exist, the risk of their intentional or unintentional use will exist too. We regret to note that the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty has not yet entered into force, and the 2015 Review Conference of the States Parties to the Treaty on the Non- Proliferation of Nuclear Weapons ended without adoption of the most important outcome document. In these circumstances, the Treaty on Nuclear- Weapon-Free Zone in Central Asia represents a significant contribution to the global process of nuclear disarmament. As the Depositary and the Coordinator of the State Parties to the

Treaty, Kyrgyzstan expresses its appreciation to Russia, China, France and Great Britain for the ratification of the Protocol on Negative Security Assurances, and urges the United States to ratify this instrument without further delay.

We have recently witnessed the successful completion of long-standing negotiations in the format of Iran and the "Group of Six" and adoption of the Joint Comprehensive Action Plan on the Iranian nuclear program. I want to congratulate the Islamic Republic of Iran on the occasion of this historic event. As a member of the newest nuclear-weapon-free zone, Kyrgyzstan urges countries of the Middle East to establish in the region a zone free of nuclear weapons and all other weapons of mass destruction and their delivery systems. This will be a milestone in the field of disarmament, promoting peace in the Middle East.

Mr. President,

We consider the strengthening of the entire spectrum of cooperation with our neighbors as a crucial key for sustainable development and our national security. Cooperation and Inclusive dialogue are the only ways to solve problems in our region.

On the other hand, it must be noted that not all of the existing problems in the region of Central Asia can be successfully and expeditiously resolved. Primarily, this is the case of the development of trade and economic relations on an equitable and mutually beneficial basis.

Yet, the efforts to solve border issues, promote regional security, pass trade liberalization rules, harmonize national legislation ensure safe transit over interstate roads and railway lines, energy development and transportation are still insufficient.

The issue of shared use of water resources is also on the agenda of Central Asian's inter-state relations. In this regard, it should be noted that in implementing the national development of Kyrgyzstan, the main focus will be given to hydropower potential development, as a basis of sustainable development of Kyrgyzstan to realize its right to development, Kyrgyzstan uses its water and energy potential to achieve sustained economic and social development, including the model of "green" economy.

The outstanding boundary issues in Central Asia are another crucial issue regionally. However, there is no doubt that their successful resolution is in the interests of all states in the region. That will considerably promote the increase of transit potential and development of border infrastructure, which should also improve the economy and help reduce social tension in the region.

Given this, we consider the development of comprehensive regional cooperation should be fundamental to ensuring sustainable development, stability and security for entire Central Asia.

The lack of direct multilateral political dialogue among Central Asian countries, in fact, exacerbates regional problems and bars economic development of our countries. Unfortunately, it is noted that having common problems, our countries still do not show a united front on the international platforms and do not use joint efforts to build shared solutions.

In this regard, we suppose that today, more then ever, the time has come for creating a broad dialogue platform between all five Central Asian countries.

We believe it vital that a new mechanism be established to foster discussions about trade, economy, borders, energy, water, transport interfaces, environment and climate change.

We call upon our neighbors to consider our initiative. Kyrgyzstan, in turn, is ready to start discussing the details of a new regional platform.

Mr. President,

In the Political Declaration of the UN Summit on Sustainable Development, we agreed to strengthen democracy, good governance, rule of law, the respect for human rights and to ensure economic growth - all of which positively contribute to sustainable development. We fully agree with this statement, and make a worthy contribution to the international efforts in this direction. However, it should be pointed out that Kyrgyzstan has its own history of democracy. It was not introduced from the outside but is fundamental to our national identity. For centuries, democratic values have formed the basis of our society - they are not foreign, 'abstract ideas. Based on our own historical and cultural experience, we have been consistently continuing to develop and strengthen our government based on the principles of parliamentary democracy. Kyrgyzstan will soon hold parliamentary elections which will be an indicator of the country's level of democratic development. These elections will be based on the democratic principles of openness and fairness in accordance with the national legislation and international obligations.

In August this year, there was an historic event for Kyrgyzstan. We became a full member of the Eurasian Economic Union. This membership gives Kyrgyzstan unrestricted access to the regional market for goods and services, capital and labor, as well as a further opportunity to develop agriculture and industry, to spin transport and transit potential. Participation in this integration structure will also enhance the competitiveness of the national economy and its integration into the world economic relations.

In the past year, we have more important accomplishments in our ongoing development. With pride we note that in 2014, the World Bank moved Kyrgyzstan from the category of poorest countries to the category of middle income countries. In order to maintain sustainable economic growth in Kyrgyzstan, the year 2015 was declared «Year of strengthening the national economy».

I would also like to note that Kyrgyzstan has been conducting an uncompromising fight against corruption. In 2014, Kyrgyzstan moved up from the 150th to the 136th spot in international rankings on corruption perceptions. We are determined to continue to work in this direction in accordance with the international campaign to strengthen good governance.

One of the main priorities of the state is the protection of human rights. Kyrgyzstan seeks to fulfill its obligations to the UN Charter, the Universal Declaration of Human Rights and other international human rights treaties and agreements. Today, Kyrgyzstan enjoys free press and has an active civil society with strengthened inter-ethnic ties.

Kyrgyzstan nominates its candidacy to the UN Human Rights Council for the period of 2016 - 2018. Once again, I have the honor to call on the UN member states to support our candidacy for a seat on the UN Human Rights Council during the elections in October of this year.

Mr. President,

In conclusion, I want to go back to the theme of creation of the United Nations 70 years ago, which has given us a sense of confidence in the future and has become the embodiment of the best of universal ideals in advocating the interests of all peoples of the world.

In the 70 years of its existence, the United Nations has firmly established itself as an effective and fully recognized center of international security and responsibility. The United Nations' invaluable achievements have included a mechanism for conflict prevention, impartial mediation, peacekeeping and peace building. The United Nations has also become an essential tool for the solution of international socio-economic, financial, cultural, humanitarian and other problems. Specialized agencies, funds, programs and structures of the United Nations system are very relevant and effective partners of developing countries.

Today, humanity is passing through a difficult, and the United Nations is being tested on its ability to cultivate the modern world order. In this situation, we must unite the common efforts of the Member States of the United Nations in dealing with global challenges and threats to international security and sustainable development. At the forefront of this campaign should be the reformed United Nations, which enjoys unconditional political and financial support of its Member States. In this regard, I encourage all to support and strengthen our Organization. For its part, Kyrgyzstan will always act actively and responsibly in the United Nations with the aim of supporting its activities and joint solutions to global problems.

Thank you.

Айтмурзаев Н.Т.,
кандидат технических наук, доцент,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Кыргызской Республики,
ректор Дипломатической академии МИД КР
им. К.Дикамбаева

УДК 008-32К

Туризм как один из ресурсов политики «мягкой силы» государства

Ключевые слова: государство, туризм, культура, регион, Великий Шелковый путь, общество, традиции, горный, цивилизация.

Аннотация: В статье рассматривается туризм как один из ресурсов политики «мягкой силы» и его роль в развитии позитивного имиджа страны.

Кыргызстан издревле входил в зону среднеазиатской цивилизации и являлся важным узлом на оживленных трассах международных, дипломатических и культурных коммуникаций между Востоком и Западом. Занимая выгодное географическое положение на торговых путях, он впитывал в себя культурные достижения Востока и Запада. В настоящее время Кыргызстан становится все более привлекательным для любителей эко- и этнотуризма, летнего и зимнего отдыха, подготовки спортсменов к предстоящим соревнованиям в условиях среднегорья, альпинистов, а также людей, интересующихся историей и сегодняшним развитием государств, расположенных на Великом Шелковом пути.

В этой связи, в мире наблюдается определенный интерес к Великому¹ Шелковому пути, в том числе и к Кыргызстану, как к его части. Также некоторый интерес прослеживается к нашей стране, как к новому, неисследованному в туристическом отношении району мира, возможность посещения которого появилась только после получения независимости.

Туры по Великому Шелковому пути представляют собой различные вариации маршрутов историко-культурной и этнографической направленности, как правило, имеющих транзитное прохождение через территорию Кыргызстана с посещением одновременно нескольких государств, таких как Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Китайская Народная Республика.

Транзитное прохождение туристических маршрутов через эти страны дает возможность сочетать в себе изучение самобытной культуры с получением непосредственных впечатлений от контактов с природой и местным сообществом. Немаловажное значение в развитии туризма имеют туристические продукты в купе историко-культурного наследия и традиций кочевых народов, расположенных на Великом Шелковом пути. Поскольку большая часть Великого Шелкового пути проходит по высокогорью, а часть территории Кыргызстана занимают горы, то именно они являются наиболее привлекательным ресурсом для туристов, интересующихся транзитным туризмом.

¹ См. об этом Антонов М. Пути реализации проекта Всемирной Туристической Организации “Silk Road Tourism Promotion Project”.-М., 2013 –С.12-19.

В настоящее время туристы в подавляющем большинстве прибывают в Кыргызстан и выбывают из него через соседние государства – Узбекистан, Казахстан и Китай. Основной причиной тому является то, что многие из программ Великого Шелкового Пути проходят через нашу республику как промежуточный пункт. Значительную роль для развития туризма Кыргызстана на определенном этапе имело Соглашение о взаимном признании виз странами-участниками СНГ.

Одним из ресурсов политики “мягкой силы” Кыргызстана является интегрирование в мировую туристическую индустрию посредством экстремально- горно-приключенческого туризма, который пользуется заметным спросом на мировом туристическом рынке. Высочайшие горные вершины, ледники, пещеры, озера, реки являются важными возможностями нашей страны для туристов, стремящихся к экстремальным испытаниям: альпинизм, спелеология, горнолыжный туризм, рафтинг и треккинг. Используя уникальный потенциал природы и культурного наследия Кыргызстана, необходимо гармонично интегрироваться в мировую туристическую индустрию и достичь интенсивного развития туризма в республике, обеспечив устойчивый рост занятости и доходов населения, и, как следствие, стимулирование развития смежных с туризмом отраслей.

Разнообразные и частично освоенные рекреационные ресурсы и курортно-оздоровительные учреждения на озере Иссык-Куль, а также практически неосвоенные, с точки зрения организованного международного маршрута, туристические возможности таких озер, как Сон-Куль, Чатыр-Куль, Арстанбап, Сары-Челек, уникальных урочищ и ущелий, составленные оптимальным образом туристические продукты могут стать весьма привлекательными.

Кыргызстан обладает уникальными природными ресурсами, историко-культурными достопримечательностями мирового масштаба, а также, необходимыми условиями для развития международного туризма. Опыт развития зарубежных стран показывает, что международный туризм является крупным источником пополнения бюджета многих государств и играет роль стимулятора внешней и внутренней политики в развитии позитивного имиджа нашей страны.

Информация о туристических возможностях Кыргызстана за рубежом весьма ограничена. Частным компаниям затруднительно проводить самостоятельную рекламу Кыргызстана за рубежом по многим причинам, да это не их задача. Однако они занимаются этим, исходя из имеющихся возможностей. Реклама туризма Кыргызстана переплетается с рекламой туристического продукта и фирмы самостоятельно не могут проводить такую работу в достаточном объеме. Очевидно, что в этом вопросе необходима координация усилий всех заинтересованных сторон – Кыргызских турфирм, государства и с широким вовлечением иностранных организаций.

Исходя из того, что в мире постоянно возрастает интерес к международному туризму, прогнозируя перспективы развития туристического комплекса Кыргызской Республики, прежде всего, следует исходить из необходимости всестороннего анализа и учета различных факторов, имеющих международное, региональное и национальное значение, с одновременной оценкой их позитивных и негативных воздействий на имидж в современных условиях страны.

К сожалению, на сегодняшний день Кыргызстан для многих зарубежных туристов остается «землей неизведанной»¹. Туризм, по меньшей мере, последние лет семнадцать, определен приоритетной отраслью экономики Кыргызстана. В «Национальной стратегии устойчивого развития на 2013-17 гг.»² этот сектор все также в ряду приоритетов наряду с энергетикой, горнодобычей. За истекшие годы страна не получила от этой отрасли то, что вполне могла бы получить при имеющемся потенциале и заметно возросшем интересе к нашей стране. По мнению специалистов необходимо сделать переход от традиционной к иной системе маркетинга в туризме. Например, использование интернет-технологий и рекламы. Благодаря указанным механизмам можно реально содействовать расширению участия Кыргызстана в международных туристических обменах, играющих важную роль с точки зрения установления лучшего взаимопонимания между народами и формирования объективного представления об их жизни, традициях и обычаях, воспитания толерантности и уважения многообразия национально-культурных, религиозных и нравственных убеждений. В связи с этим, содействие динамичному развитию туристической отрасли должна стать одной из актуальных задач культуры³.

Туристическая привлекательность Кыргызской Республики во многом зависит от состояния памятников природного и историко-культурного наследия, от количества престижных культурных событий, проводящихся в стране, от уровня комфортности предоставления культурных услуг, от уровня обслуживания в учреждениях культуры.

Как мы отметили, Кыргызстан имеет все возможности стать успешной туристической страной. Ландшафтно-климатическое разнообразие позволяет развивать практически все виды туризма: кочевой, этнографический, познавательный, горнолыжный, спортивный, вело- и автотуризм, спелеотуризм, охотничий туризм, а также широкий спектр санаторно-курортного и оздоровительного видов отдыха.

Одним из важнейших направлений работы в развитии сферы туризма должно стать продвижение отечественных туристических продуктов на международном⁴ рынке. Следует совершенствовать практику информирования потенциальных зарубежных клиентов о туристических возможностях Кыргызстана, организовывать участие кыргызской экспозиции в крупнейших международных туристских выставках за рубежом, презентации Кыргызстана в качестве туристского направления. Так, как зарубежом имеется не так много информации,

¹ Елена Мешкова. Туризму, как всякому бизнесу, нужна тишина, в том числе внутривластная (Мнение экспертов) <http://slovo.kg/?p=22782> [Электронный ресурс], дата обращения: 11.12.13

² Атамбаев А. «Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы» http://www.president.kg/ru/news/ukazy/1466_tekst_natsionalnoy_strategii_ustoychivogo_razvitiya_kyrgyzskoy_respubliki_na_period_2013-2017_gody/ [Электронный ресурс], дата обращения: 11.01.14

³ Министерство Культуры, Информации и Туризма КР. Проект_ Стратегия развития сферы культуры до 2020 года <http://minculture.gov.kg/2020-жылга-стратегия?lang=ru>[Электронный ресурс], дата обращения: 05.01.14

⁴ Орех С.А. Туризм Кыргызстана <http://www.kyrgyzstan..> [Электронный ресурс], дата обращения: 15.11. 2015

что Кыргызстан – страна с неповторимым природным и культурным наследием и своеобразной традиционной культурой.

Природное и культурное наследие составляет важнейший национальный ресурс, потенциально способный создать стране мировую известность и тем самым способствовать росту туристической привлекательности. Поэтому сохранение и дальнейшее развитие уникального природного и историко-культурного пространства Кыргызской Республики должны оставаться ключевой задачей не только культурной дипломатии по развитию туристической отрасли, но и государственной политики. Необходимо при этом отметить, что планомерное развитие туристической отрасли невозможно без объединения усилий и распределения обязанностей между субъектами отрасли, а также выработки общей стратегии и плана действий на будущее. Данный вопрос Правительство начало рассматривать еще в начале в 1990-х годов. Так, первый вариант Концепции развития туризма был принят 6 ноября 1995 года на пятилетний срок. 8 сентября 2000 года вступила в силу Концепция развития туристической отрасли в Кыргызской Республике до 2010 года. В настоящее время работа проводится в соответствии с «Национальной Стратегией устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы», где развитие туристической отрасли является одной из важных задач культурной дипломатии.

С учетом тенденций развития мирового рынка можно выделить основные виды туризма в Кыргызстане:

-туризм на Великом Шелковом пути, представляющий собой различные вариации маршрутов историко-культурной и этнографической направленности, как правило, имеющих транзитное прохождение через территорию Кыргызстана;

- горно-приключенческий туризм: альпинизм, треккинг, конный туризм, рафтинг, охота, туры, связанные с изучением фауны, флоры, географии, археологии, геологии и других.

Кыргызстан испытывает соперничество со стороны других стран Центральной Азии, активно использующих фактор культуры для обеспечения политической стабильности, устойчивого развития общества в целом. Ведь каждая страна испытывает необходимость в выработке специальной маркетинговой стратегии по осуществлению позиционирования культуры своей страны для улучшения имиджа на международной арене, в том числе и Кыргызстан.

Список использованной литературы:

1. Антонов М. Пути реализации проекта Всемирной Туристической Организации “Silk Road Tourism Promotion Project”.-М., 2013 –С.12-19,

2. Мешкова Е. Туризму, как всякому бизнесу, нужна тишина, в том числе внутривластная <http://slovo.kg/> [Электронный ресурс], дата обращения: 01.12.15

3. «Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы» <http://www.president.kg..> [Электронный ресурс], дата обращения: 11.01.15

4. Министерство Культуры, Информации и Туризма КР. Стратегия развития сферы культуры до 2020 года <http://minculture.gov.kg> [Электронный ресурс], дата обращения: 05.11.15

5. Орехс СА. Туризм Кыргызстана <http://www.kyrgyzstan.> [Электронный ресурс], дата обращения: 15.11.2015

Аламанов С.К.,
Чрезвычайный и Полномочный Посол Кыргызской Республики,
Президент Кыргызского географического общества,
завотделом географии ИГ НАН КР

***Критический взгляд на современную водную политику стран
Центральной Азии***

Запасы поверхностных водных ресурсов в объеме 150 куб. км на территории ЦА формируются в Республике Таджикистан (45,6%), Кыргызской Республике (27,2%), Республике Казахстан (19,3%), Республике Узбекистан (6,0%), Туркменистане(1,9%). Коэффициент трансграничной зависимости водных ресурсов (доля речного стока, поступающего извне) составляет в Республике Казахстан 44%, Республике Узбекистан 77%, Туркменистана 94%. И это свидетельствует о необходимости проведения государствами ЦА согласованной политики по рациональному их использованию.

В настоящее время вододеление в Центральной Азии основывается фактически на водно-энергетическом режиме каскада водохранилищ в бассейнах рек Сырдарья и Амударья и установлении лимитов на объемы водопотребления для каждого государства по бассейнам трансграничных рек согласно «Соглашения о сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников», подписанного министрами водного хозяйства в г. Ашхабаде 18 февраля 1992.

Основной проблемой во взаимоотношениях между странами является несбалансированная система эксплуатации водных ресурсов в гидроэнергетическом режиме, при которой зимние паводки сменяются дефицитом воды в период вегетации основных сельскохозяйственных культур. Решение проблем в области управления и совместного использования водно-энергетических ресурсов трансграничных рек в целях ирригации для стран нижнего течения – Казахстана, Туркменистана и Узбекистана, и гидроэнергетики для стран зоны формирования стока – Кыргызстана и Таджикистана, возможно сегодня только путем проведения постоянного диалога. Это возможно через проведение консультаций, переговоров и политической воли глав государств.

Позиция Республики Казахстан в построении водных отношений с сопредельными государствами определяется его значительной зависимостью от стока рек из соседних государств, которые приносят в пределы страны 44% поверхностных водных ресурсов. Водные интересы и позиция Республики Казахстан в бассейнах рек Сырдарья, Чу, Талас и Каркыра обусловлены тем, что в них располагаются значительные площади орошаемых земель и проживает более 3 млн. человек. Существует реальная угроза для водной системы Казахстана от трансграничного поступления загрязненной воды. Казахстан заинтересован в сохранении и улучшении природно-экологических и социально-экономических условий на этих территориях. Поэтому его руководство предпринимает ряд мер

политического и практического содержания по созданию выгодных для себя водных отношений на основе переговоров.

Водные интересы и позиция Республики Казахстан в бассейне р. Сырдарьи обусловлены следующими обстоятельствами:

- в бассейне ему принадлежит территория площадью 34,3 млн. га с населением 2,6 млн. человек, охватывающая две административные области: Южно-Казахстанскую и Кызыл-Ординскую;

- удельный вес региона в общенациональном валовом производстве составляет около 15%. Регион имеет аграрно-сырьевую направленность, в которой ведущая роль принадлежит растениеводству с преобладанием производства хлопка, риса и кормов для животноводства;

- здесь расположен ряд крупных предприятий республики, на долю которых приходится около 60% всего промышленного производства;

- агропромышленный комплекс потребляет 93-95% всех используемых водных ресурсов региона, и является тем сектором экономики, состояние и нужды которого определяют водную политику и направленность водохозяйственного комплекса;

- вода, поступающая из Узбекистана по Сырдарье, имеет минерализацию 1,1-1,2 г/л. Из более 40 ингредиентов, вода отвечает нормативам лишь по 50% показателей и не соответствует требованиям хозяйственно-бытового использования;

- существует реальная угроза для водной системы Казахстана от интенсивного забора трансграничных подземных вод Узбекистаном для разностороннего использования, включая подпитку водоносных горизонтов;

- в связи с интенсивной хозяйственной деятельностью вода р. Сырдарьи в пределах Казахстана не пригодна для хозяйственно-бытовых, питьевых и рыбохозяйственных целей, а при орошении необходима почти повсеместная профилактика почв от засоления, требующая многократного разбавления;

- за счет развития мелиорации по бассейну р. Сырдарьи, природно-экологические и социально-экономические условия улучшились в 1,5-2,0 раза в верхнем и среднем течении реки и ухудшились в 2,5-3,0 раза в низовье и дельте;

- для Казахстана утеряны большие площади в дельте Сырдарьи и Аральское море.

По данным Казахского института стратегических исследований при Президенте РК, при современной системе водопользования в бассейне р. Сырдарьи РК несет огромный экономический и экологический ущерб, который составляет более 43 млн. долл. США ежегодно (1999 г.). Ежегодный ущерб, наносимый только Кызылординской области, исчисляется миллиардами тенге (аналитика Минсельхоза КР на 2006 год). Экономическая и водно-экологическая ситуация в регионе оценивается как кризисная. Здесь следует отметить, что расчеты, подобные приведенным выше, не имеют общепринятой методической основы и могут отражать интересы стороны, которая их приводит.

Водные интересы и позиция Казахстана в бассейнах рек Чу и Талас обусловлены следующими обстоятельствами:

–водные ресурсы, перетекающие из Кыргызстана в Казахстан из стока реки Чу обеспечивают орошаемое земледелие на площади 131тыс. га;

–водные ресурсы, перетекающие из Кыргызстана в Казахстан из стока реки Талас, обеспечивают орошаемое земледелие на площади 63 тыс. га;

–население Казахстана в пределах бассейнов рек Чу и Талас составляет 615 тыс. человек.

Дальнейшие изменения вододеления возможны только в сторону увеличения доли Кыргызстана и в ущерб интересам Казахстана. Поэтому, сохранение существующей схемы водопользования в бассейнах этих рек отвечает нынешним и будущим интересам Казахстана.

Водные интересы и позиция в бассейне р. Каркыра обусловлены следующими обстоятельствами:

– на реке Чарын, притоком 2-го порядка которой является р. Каркыра, построено Бестюбинское водохранилище, обеспечивающее работу Мойнакской ГЭС мощностью 300 МВт и среднегодовой выработкой электроэнергии 1,027 млрд. кВт.ч;

– в приустьевой части долины р. Чарын расположена роца из реликтового согдианского ясеня, имеющая особую экологическую ценность.

Таджикистан придерживается позиции, согласно которой трансграничное водопользование должно основываться на новых принципах международного сотрудничества, а водные ресурсы страны должны удовлетворять водные потребности Таджикистана и, «исходя из принципа справедливости, он вправе самостоятельно, по своему усмотрению использовать свою воду и, соответственно, гидроэнергетический потенциал и установить необходимый ему режимы работы водохранилищ». В международно-правовом направлении активно инициирует разработку и принятие многостороннего регионального документа по водным отношениям; будет продвигать идею интегрированного управления водными ресурсами международных рек (ИУВР) всеми прибрежными государствами. Внутри страны намерен развивать орошаемое земледелие и сооружение ряда перспективных гидроузлов и ГЭС. Генеральную линию водной политики Таджикистана и основу его водной позиции, которая содержится в тезисах всех перечисленных документов, озвучил Эмомали Рахмон на Международной конференции высокого уровня по водному сотрудничеству (2013 г.): «В условиях региона, когда значительная часть водных ресурсов региона формируется на территории одних государств, а максимальное использование приходится на другие государства, надлежащее сотрудничество по устойчивому управлению и использованию водных ресурсов является ключом к долгосрочному развитию. Так, из 64 км³ формирующейся на территории Таджикистана воды страна использует лишь 10-11км³, что составляет 10% от общего стока бассейна. Между тем удельные показатели страны по объему воды и орошаемой площади на душу населения в ЦА являются самыми низкими».¹ В Стратегии развития водного хозяйства определено, что «главной стратегической линией в ирригации и дренаже является поддержание

¹ khovar.tj/.../37878. Выступление Президента РТ Э. Рахмона на Международной конференции высокого уровня по водному сотрудничеству (2013)

всех имеющихся орошаемых земель в удовлетворительном мелиоративном состоянии и недопущение снижения их нынешнего технического состояния, освоение оставшихся 856,4 тыс. га, пригодных к орошению земель.

По оценкам экспертов РТ, гидроэнергетика значительно прибыльнее сельского хозяйства. Например, прибыль Нурекской ГЭС при нынешних тарифах на электроэнергию больше стоимости всего урожая хлопка в Таджикистане.

Главной причиной существующих сегодня проблем в водно-энергетическом секторе ЦА является имманентный кризис самого орошаемого земледелия и ирригации, который с ростом численности населения региона в перспективе может только усиливаться. Поэтому дальнейшая ориентация на использование водных ресурсов преимущественно для орошаемого земледелия является тупиковым путем развития.

Только в одном Таджикистане возможно строительство более 80 крупных ГЭС. Наиболее эффективным и целесообразным в современных геополитических условиях является сотрудничество между странами ЦАР. Создаваемая в результате этого совместная собственность (*на трансграничных реках – автор*) будет способствовать улучшению взаимоотношений между хозяйствующими субъектами и государствами в водно-энергетической сфере».

Принципиальное значение имеет оценка РТ источника крупного экологического кризиса ЦАР – усыхания Аральского моря. «Попустительство в отношении рационального, бережного и ответственного использования природных ресурсов привело к фактической гибели Аральского моря. Существенно влияет на высыхание Аральского моря и огромное количество водохранилищ, построенных и строящихся на широких просторах низовья. Количество ныне действующих сооружений подобного рода превысило сто, а суммарный объем воды в них превысил нынешний объем Аральского моря более чем в полтора раза» (министр иностранных дел РТ Х. Зарифи, ГА ООН, сентябрь, 2011 г.).

На позицию Таджикистана оказывает влияние и интенсивный прирост населения, самый высокий в регионе, который является важным фактором увеличения нагрузки на водное хозяйство. С 1998 по 2013 гг. численность населения выросла с 6 млн. человек до 7,99млн. человек (по данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан на 1 января 2013 г.).

Вышеприведенные тезисы однозначно свидетельствуют, что водная политика Таджикистана будет основываться на следующих позициях:

1) Трансграничное водопользование должно основываться на новых принципах международного сотрудничества, отличающихся от схемы водodelения эпохи СССР, и учитывающего национальные интересы стран бассейнов международных рек на принципах справедливости.

2) Водные ресурсы страны должны, в первую очередь, удовлетворять водные потребности Таджикистана и «исходя из принципа справедливости он вправе самостоятельно, по своему усмотрению использовать свою воду и, соответственно, гидроэнергетический потенциал и установить необходимый ему режимы работы водохранилищ».

3) Таджикистан имеет право на развитие своего водного хозяйства, которое будет охватывать все направления водопользования и водопотребления.

Для реализации такой водной политики Таджикистан будет предпринимать и осуществлять ряд мер и мероприятий.

Позиция Республики Узбекистан определяется, прежде всего, важнейшим из национальных интересов, заключающемся в сохранении статус-кво по схеме распределения стока региональных и местных рек между странами региона, которая была сформирована при СССР, в общесоюзных интересах. Это связано с тем, что развитие орошения принесли наибольшие выгоды, на водных ресурсах Сырдарьи и Амударьи, построена и эксплуатируется одна из мощнейших в мире водохозяйственных систем, построенная для организации гарантированного и непрерывного обеспечения водой всех отраслей экономики в Узбекистане.

В целях обеспечения водной безопасности Узбекистан предпринимает ряд политических мер. Путем воздействия через международные организации, в сотрудничестве с Казахстаном и Туркменистаном, стремится вынудить Кыргызстан и Таджикистан к ратификации и реализации международных конвенций по использованию стока международных рек. В качестве основного инструмента для обеспечения своих интересов прилагает усилия для закрепления уже существующих двусторонних и многосторонних законодательных механизмов в области использования стока международных рек и охраны окружающей среды. Его позиция, которая также излагалась им на саммитах ШОС в Бишкеке, в августе 2007 года и в сентябре 2013 г., состоит в следующем: «Вопросы использования водных ресурсов трансграничных рек ЦА должны решаться с учетом интересов более 50 млн. населения, проживающего во всех странах региона; любые действия, осуществляемые на трансграничных реках, не должны оказывать негативного воздействия на сложившийся экологический водный баланс региона; действующая международно-правовая база в сфере водопользования и экологии должна стать основой построения эффективной системы совместного использования ресурсов трансграничных рек ЦА».

Такие же заявления делаются членами правительства Узбекистана на соответствующих международных трибунах.

Такая позиция определяется, прежде всего, важнейшим из национальных интересов, заключающемся в сохранении статус-кво по схеме распределения стока региональных и местных рек между странами региона, которая была сформирована при СССР, в общесоюзных интересах. Это связано со следующими обстоятельствами:

–от развития орошения в регионе в середине XX в. наибольшие выгоды приобрел Узбекистан, который увеличил в несколько раз производство ценной сельскохозяйственной продукции. Если в 1960 г. сбор (закуп) хлопка-сырца в Узбекистане составлял 2949 тыс. тонн, то в 1987 г. он увеличился до 4858 тыс. тонн. И это при условии, что в Республике Узбекистан формируется среднемноголетний сток реки Сырдарьи в объеме 4,1 куб. километров воды в год, или только 11% всего стока, но потребляется 19,7 куб. километров (53% стока);

–на территории бассейна реки Сырдарьи находятся 6 областей Узбекистана: Андижанская, Наманганская, Ферганская, Ташкентская, Джизакская и Сырдарьинская с общей площадью 59,74 тыс. гектаров(из них орошаемые поля

занимают 1892000 га), с населением более 14 млн. человек, которые живут за счет стока Сырдарьи и её притоков;

–на водных ресурсах Сырдарьи и Амударьи построена и эксплуатируется одна из мощнейших в мире водохозяйственных систем, построенная для организации гарантированного и непрерывного обеспечения водой всех отраслей экономики Узбекистана. Она состоит из 183 тыс. км оросительных каналов, в том числе 800 крупных гидротехнических сооружений, 55 водохранилищ общей емкостью 19,8 млрд. м³, более 1600 насосных станций, более 4 тысяч скважин на орошение и около 160 тыс. водораспределительных и водомерных устройств. Кроме этого, для улучшения мелиоративного состояния орошаемых земель, используются свыше 3300 мелиоративных скважин и 138 тыс. км коллекторно-дренажных сетей;

–только в Ферганской долине Узбекистан орошает за счет стока из основного ствола гидрографической системы Нарын-Сыр-Дарья 439 тыс. га и за счет местного стока из притоков и возвратных вод – 530 тыс. га.

Существенные водные интересы Узбекистана связаны с использованием водных ресурсов ряда притоков Сыр-Дарьи, сток которых формируется на территории КР и распределен между ними на основе различных документов советского периода. К ним относятся реки Сох, Шахимардан, Исфайрам-Сай, Араван-Сай, Кара-Дарья с Кампыр-Абадским водохранилищем, Майлы-Сай, Падша-Ата, Касан-Сай, Нарын с системами Большого Наманганского канала, Левобережного Нарынского канала, Большого Ферганского канала, насосных станций – по протоколам, утверждённым Минводхозом СССР в 1980/81 годах и Токтогульского водохранилища, которое должно работать, преимущественно, в ирригационном режиме, для оптимального водоснабжения орошаемых земель Узбекистана.

Позиция Кыргызской Республики в межгосударственных водных отношениях сформулирована в Конституции Кыргызской Республики, в Законе Кыргызской Республики «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики» (23 июля 2001 г.), а также в Указе Президента Кыргызской Республики «Об основах внешней политики Кыргызской Республики в области использования водных ресурсов рек, формирующихся в Кыргызстане и вытекающих на территории сопредельных государств» от 6.10.1997 г. Выполнение положений указа и закона находится в неудовлетворительном состоянии. Самым слабым обстоятельством в водной политике КР является отсутствие до настоящего времени утвержденной Национальной водной стратегии и Концепции по развитию водных отношений с государствами, связанными в единую гидрографическую систему Аральского моря.

Для реализации водной политики Кыргызстан должен инициировать разработку и принятие многостороннего регионального документа по водным отношениям; продолжать продвигать идею интегрированного управления водными ресурсами международных рек (ИУВР) всеми прибрежными государствами; должен инициировать принятие новых схем водodelения на трансграничных малых реках, стекающих со склонов горного обрамления Ферганской долины;

отказаться от Алматинского соглашения 1992 г., которое просто закрепило схему, существовавшую в советское время, и вести переговоры о пересмотре условий или о новом соглашении. Межправительственные соглашения 1992 – 2000 годов, в целом, являются продолжением водной политики СССР, ущемляющей национальные интересы Кыргызской Республики, не позволяющие развитие гидроэнергетики и сектора сельского хозяйства Кыргызской Республики. Согласно Национальной стратегии устойчивого развития Кыргызстана на период 2013-2017 годы намечено сооружение Верхне-Нарынского каскада ГЭС и Камбаратинской ГЭС-1. Реализация намеченных задач развития электроэнергетики позволит Кыргызстану в перспективе стать крупным производителем электроэнергии в регионе, обеспечить электроэнергией население и увеличить экспорт электроэнергии в соседние страны в объеме от 2 до 4 млрд. кВт.ч в год.

По нашему мнению, необходимы следующие дипломатические и практические шаги государств ЦА для совместного рационального использования трансграничных водных ресурсов и их охраны: проведение систематических переговоров по рациональному распределению водных ресурсов региона на взаимовыгодной основе. Целью переговоров должна быть разработка и принятие странами ЦА основополагающего документа на уровне Конвенции по использованию водных ресурсов ЦАР, в которой необходимо реализовать потенциалы признанных государствами ЦА принципов сотрудничества в водной сфере: упорядочение системы и повышение дисциплины водопользования в бассейне, выработку соответствующих межгосударственных правовых и нормативных актов, предусматривающих применение общих для региона принципов возмещения потерь и убытков; разработка новой и общей стратегии водodelения, рационального водопользования и охраны водных ресурсов в бассейне Аральского моря, подготовка на их основе проектов межгосударственных правовых и нормативных актов, регулирующих вопросы совместного использования и защиты вод от загрязнения путем создания рабочей группы для разработки соответствующих документов с установлением сроков их завершения.

Искандаров А.И.,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Республики Таджикистан,
доктор политических наук

УДК 327

***Безопасность в Центральной Азии как
ключевой аспект региональной интеграции***

Проблема обеспечения безопасности на любом уровне (национальном, региональном или международном) важная и довольно сложная, и потому не систематически становится предметом оживленных дискуссий на различных площадках.

Очевидно, что среди причин актуализации старых и появления новых вызовов безопасности любого государства - потеря эффективности прежней системы международной безопасности, которая в результате находится в разбалансированном состоянии, а также недостаточная адекватность многих международных соглашений по данному вопросу.

Как показывает опыт деятельности большинства интеграционных образований, вопрос формирования эффективной структуры региональной безопасности занимает немаловажное место в группе факторов, определяющих интеграционный комплекс. В свете последних событий, происходящих под влиянием глобализации, а также в связи со значительными изменениями, произошедшими в мировой политической и экономической ситуации, в геополитическом балансе укрепление региональной стабильности и безопасности, наличие возможности дать серьезный коллективный ответ как сохраняющимся по сей день, так и вновь возникшим угрозам и вызовам становится актуальной проблемой и для стран Центральной Азии. Напомним, это регион, занимающий значимое геостратегическое и геополитическое положение – на перекрестке между Китаем, Россией и Южной Азией, - обладающий неопределимыми природными и человеческими ресурсами, является средоточием, в котором скрещиваются интересы самых различных сил. Следует также отметить, что с 2001 г. после ввода сил НАТО в Афганистан, регион стал зоной влияния стран Запада и некоторых членов названной организации.

Безопасность центральноазиатского региона находится под рядом обострившихся в последнее время угроз, имеющих как внешнюю, так и внутреннюю предопределенность. На повестке дня перед странами Центральной Азии выступают несколько существующих и потенциальных общих источников опасности, как внешних, так и внутренних. К **внешним источникам**, на наш взгляд, относятся:

– распространение современных «трех зол» - международного терроризма, религиозного экстремизма и национального сепаратизма;

- существующие и потенциальные очаги нестабильности в непосредственной близости от границ региона (Афганистан);
- отставание некоторых стран региона в условиях глобализации;
- поведение основных геополитических игроков в реанимированной в наши дни так называемой Большой игре и характер их взаимоотношений (различные взгляды стран по программе «Шелковый путь»);
- незаконный оборот наркотиков и контрабанда оружия;
- наличие военных баз иностранных государств в регионе;
- активизация международных акторов, т.н. великих держав – США, России, Китая;
- противоборство мусульманских стран;
- обострение различных течений Ислама (ваххабизм, салафизм и др.) и традиционной для Центральной Азии течения Ислама - суннизма ханафитского толка;
- обострение отношения между сторонниками основных течений в Исламе- суннитов и шиитов;
- активизация деятельности радикальных исламских движений (Аль-Каида, ИДУ, Хизб-ут-Тахрир, Движение за независимость Восточного Туркестана и др.) и их скопление на афганско-центральноазиатских границах;
- активизация движения «Талибан» после вывода войск коалиционных сил из Афганистана;
- появление и распространение на территории Афганистана боевиков ИГИЛ.

В настоящей статье, не затрагивая внутренние и региональные причины, попытаемся проанализировать основные внешние источники угрозы безопасности в странах ЦА.

Следует отметить, что наибольшую угрозу в настоящее время для стран Центральной Азии исходит со стороны Афганистана, который остается основным очагом напряженности в регионе в силу действующих на его территории крупные террористические группировки - движение «Талибан» и ИГИЛ, а так же ряд других экстремистских и террористических организаций.

В стране все еще сохраняются многочисленные вызовы угрозы стабильности, которые вызывают особую обеспокоенность. Афганским властям и их международным партнерам еще не удалось решить основную задачу – обеспечение безопасности и устойчивого экономического развития страны. Аль-Каида, Движение Талибан, ИГИЛ и другие радикальные группировки все еще представляют серьезную угрозу для афганских властей и населения, как в центре, так и в отдельных регионах страны.

После выборов президента Афганистана и заключения соглашения о разделении власти между Мухаммадом Ашрафом Гани и Абдулло Абдулло у странах ЦА появилось надежда, что наконец в этой многострадальной стране будут обеспечены мир и согласие, иностранные вооружённые силы покинут

страну. Однако получилось совсем наоборот. Тандем между М.А.Гани и А. Абдулло начал давать сбои. Силовые структуры оказались не готовы противостоять боевикам экстремистских организаций. Вместе с тем, движение Талибан активизировало свою деятельность и захватывает всё новые территории, тем самым, расширяя своё влияние. Достаточно сказать, что после выборов Талибы значительно увеличили сферу своего влияния. Другая характерная особенность нынешнего периода является то, что движение Талибан, ранее контролировавшее юг страны, теперь сумело организовать противостояние на севере страны - на границе СНГ, где ранее никакой поддержки среди местного населения не имело. Практически половина территории афганской провинции Бадахшан, которая граничит с Таджикистаном на протяжении более 1000 км, находится под влиянием и контролем движения Талибан и других экстремистских и террористических организаций. Провинция Кундуз, расположенная у границ Таджикистана, была захвачена талибами. Очевидцы говорят, что в захвате административного центра провинции участвовали, в основном, боевики, выходцы из Таджикистана, Узбекистана и Кавказа. Большинство афганских экспертов считают, что в перемещении очага нестабильности с Юга на Север заинтересованы и некоторые круги в правительстве Афганистана и коалиционные силы Запада во главе с США. Известно, что существует и нелегальная программа пуштунизация севера Афганистана.

Другая опасность для стран ЦА заключается в том, что боевики ИГИЛ, активно просачивающиеся на территорию Афганистана, в большинстве своём, уроженцы стран ЦА и России. Посол РФ в Таджикистане господин Игорь Лякин-Фролов в своем интервью отметил, что террористическая группировка «Исламское государство» действует уже в 25 провинциях Афганистана из 34. Она может выставить около 3,5 тысячи боевиков и продолжает активно вербовать их из числа местных жителей.*

После начала антитеррористической операции РФ в Сирии и участия в ней международной коалиций стран Запада, единственная страна, где в последствии могут скрываться боевики, это Афганистан. Всячески содействуют им Саудовская Аравия, Катар и Турция. Если им удастся объединить их с другими экстремистскими организациями, то опасность для всех стран региона возрастает вдвойне.

Некоторые западные эксперты считают, что в идеологии ИГИЛ и Талибан имеются разногласия и вряд ли они смогут выступить единым фронтом. Вместе с тем у них, существует общий враг и единая цель. Разница в том, что одни ратуют за образование халифата а другие за Эмират. Учитывая наличие среди игиловцев граждан СНГ, возможность провокаций на границе возрастает. Если до президентских выборов единственной реальной силой, сдерживающих натиск талибов вдоль границы СНГ являлся Северный Альянс, то сейчас этого Альянса нет. Его ликвидировали. Следует отметить, что вдоль границы от Бадахшана до Герата в основном проживают непустунские этносы: таджики, узбеки, хазарейцы, туркмены и другие.

После изгнания талибов, США и западная коалиция способствовали тому, чтобы их ослабить и в конце концов свести на нет само существование Северного Альянса. Были убиты лидеры Альянса Б. Раббани, Ахмад Шах Масуд и маршал Фаим. Запад считал и считает, что Северный Альянс – это пророссийская структура и всячески старались, чтобы полностью исключить его из политической жизни Афганистана. После так называемых выборов, Ашраф Гани еще сильнее начал притеснять национальные меньшинства, и прежде всего таджиков. Хотя по численности таджикское население составляет 39-41% от общего числа населения, что почти равно с пуштунами. Единственное исключение правительство оказало узбекам, которые имеют два ключевых поста в руководстве страны (по подсказке США). Генерал Рашид Дустум является первым Вице президентом и господин Ибрагими спикером парламента.

Анализ ситуации свидетельствует, что действия правительства, особенно на антинаркотическом направлении, не всегда эффективны, а периодически возникающие инциденты вызывают негативную реакцию местного населения. Афганские силовые структуры пока еще не способны самостоятельно и эффективно противодействовать многочисленным террористическим и экстремистским проявлениям, которые серьезно подрывают процесс достижения национального примирения.

В последнее время особую обеспокоенность вызывает проникновение и заметная активизация террористических группировок на севере Афганистана, там, где еще несколько лет назад обстановка была относительно спокойной. Указанная тенденция способна подорвать стабильность не только Афганистана, но и несет потенциальную угрозу перенесения террористической и экстремистской активности на соседние с ним страны.

Вместе с тем, изучение внутренних, региональных и международных факторов, причин, аспектов развития военно-политической и стратегической ситуации в Афганистане позволяет очертить некоторые прогнозные контуры динамики этой ситуации после 2015 года.

- достижение внутриафганского компромисса и прогресс в укреплении национального мира и согласия. Афганистан рассматривается странами региона как участник экономических и других инфраструктурных проектов;

Вероятность развития по первому сценарию экспертной сообществе оценивает 25-30 процентов.

- сохранение статуса – кво.Талибан продолжает вооружённую борьбу, но не имеет достаточно сил для окончательной победы и затяжная гражданская война продолжается. Центральное правительство функционирует, но его политические и административные возможности ограничены;

Вторая сценария прогнозируется на уровне 40 процентов.

- Интенсификация гражданской войны. Начинается новая полномасштабная война между талибами, проталибскими силами, ИГИЛ и остальной частью афганского общества. Война всех против всех;

Вероятность этой сценарии равен в пределах 20 процентов.

- происходит де-факто разделения страны на север и юг. Центральное правительство теряет контроль над всей территорией. Появляется своеобразная линия, отделяющая южные регионы страны, где доминирует пуштунское население от северных регионов, где в основном проживают ранее образовавшие Северный Альянс;

Прогноз вероятности этой сценарии составляет 10-15 процентов.

Складывающейся ситуацией в первую очередь, серьезно обеспокоены северные нацменьшинства, преимущественно таджики, узбеки, туркмены, хазарейцы и др. Только они вели открытую войну с «Талибами». Ситуация беспокоит и бывших «моджахедов», которые тоже не согласны с политикой «Талибов». Неслучайно один из лидеров моджахедов выступил с предложением создать Совет моджахедов, вооружить их и быть готовым обеспечить их безопасность и членов их семей. В прошлом месяце общественность поддержала эту инициативу и создала Совет политических партий и движения моджахедов под руководством лидера партии «Исламский призыв Афганистана» Абдул Раба Расула Сайафа. Военный блок возглавил бывший министр обороны Афганистана генерал Бисмилла Мохаммади. Ситуация складывается непростая и народ опять перед сложным выбором: к кому примкнуть и что делать?

Наблюдается переброска больших групп сил «Талибан» на границы стран СНГ и причем с помощью войск коалиционных сил. Очевидцы отмечают, что в настоящее время на 60-65% территории афганского Бадахшана присутствуют талибы, оснащенные самым современным оружием.

Между тем правительству Афганистана и его зарубежным партнерам пока не удастся посадить за стол переговоров представителей «Талибан».

Хотя, несомненно, вопрос обеспечения мира и безопасности больше всего становится предметом заботы нового правительство. Начиная со дня официального вступления на президентский пост, А. Гани ведет активную как внутреннюю, так и внешнюю политику. Уже через день после вступления в должность, 30 сентября 2014 г. президент А.Гани подписал Соглашение о безопасности между Афганистаном и США. От имени правительств двух стран подписали документ посол США в Афганистане Джеймс Каннингем и главный советник президента Афганистана по вопросам безопасности М.Х. Атмар.

Все кандидаты в президенты в ходе своих предвыборных кампаний заявляли о решимости начать мирные переговоры с талибами. Поэтому А.Гани, понимая влияние некоторых стран региона на «Талибан» решил заручиться их поддержкой в вопросе привлечения талибов к мирным

переговорам. 20 октября 2014 г. он принял в Кабуле советника премьер-министра Пакистана по вопросам национальной безопасности и иностранных дел Сартаджа Азиза, 25 октября А. Гани отбыл в Саудовскую Аравию, как сообщалось для совершения умры (мусульманского паломничества), но и конечно и для встречи с руководством страны.

В ходе поездки президент провел переговоры с королём Саудовской Аравии. По возвращению из Саудовской Аравии А.Гани 28 октября с четырехдневным официальным визитом прибыл в Китай, где он встретился с председателем КНР Си Цзинь Пинем и обсудил с ним вопросы двустороннего сотрудничества. В частности, главы государств рассмотрели перспективы взаимодействия в сфере безопасности, в том числе объединения усилий в борьбе с террористической угрозой и нелегальным наркотрафиком.

На переговорах с китайским руководством А.Гани добился обещаний не только финансовой помощи, расширения торгово-экономического сотрудничества, но и посредничества Китая на переговорах между Афганистаном, Пакистаном и движением «Талибан».

После Китая новый афганский президент совершил визит в Исламабад, где провел переговоры с пакистанским руководством, посетил Главный штаб Вооруженных сил этой страны. Президент с оптимизмом говорил о состоявшихся встречах и переговорах с пакистанским руководством, но, судя по тому, что после визита число террористических актов с участием смертников и вооруженных нападений талибов в Афганистане увеличилось, представляется, что пакистанские военные (именно военное ведомство играет решающую роль в формировании политики Пакистана в отношении Афганистана) еще не стремятся наладить доверительные отношения с Афганистаном.

Тем не менее, результатом «челночной дипломатии», в первую очередь, президента ИРА М.А. Гани, в период с сентября 2014 года стали неформальные встречи представителей «Талибан» и афганского правительства в Норвегии, ОАЭ и Урумчи. Прямыми организаторами переговоров в Урумчи были спецслужбы КНР и пакистанская ISI, что подтверждает усилие Китая повлиять на военные круги в Пакистане, и на саму межведомственную разведку в вопросе начало переговоров с «Талибан».

Наряду с афганской делегацией, возглавляемой исполняющим обязанности министра обороны Мохаммадом Масумом Станикзаем, в мероприятии приняли участие китайские власти и представители ISI. Со стороны талибов в переговорах присутствовали Молла Абдул Джалиль, Молла Мохаммад Хасан Рахмани и Молла Абдул Разак. Это крупные командиры, близкие к Шура Кветты и тесно связанные с ISI и саудовскими спецслужбами, но, как и сама Шура Кветты, так и эти командиры не представляют всего спектра сегодняшнего «Талибана» в целом.

Однако, несмотря на все эти формальные и неформальные встречи представителей афганского правительства с представителями «Талибан», а

также первого раунда официальных переговоров в Исламабаде, создается впечатление, что они были ради создания видимости начало переговоров и роли Пакистана в этом. Реально эти встречи и переговоры не дали никаких результатов. Пакистан вопреки обещаниям так и не сделал ничего конкретного, чтобы содействовать успеху мирных переговоров.

9.12 2015 г. в рамках международной конференции «Сердце Азии», в Исламабаде, также был обсужден вопрос о путях обеспечения мира в Афганистане, а также вопрос возобновления переговоров между афганским правительством и движением «Талибан». В ходе четырёхсторонней встречи, посвящённой возобновлению переговоров приняли участие президент ИРА М. А. Гани, премьер-министр Пакистана Наваз Шариф, заместитель госсекретаря США Тони Блинкен, а также представители Китая. На этой встрече стороны выразили свою готовность содействовать началу мирных переговоров.

Премьер-министр Пакистана Наваз Шариф обязался принять меры для противодействия боевикам, готовящим атаки против Афганистана на территории Пакистана. Хотя такие обещания прозвучали и раньше из уст руководства соседней страны, но реальной помощи в Афганистане пока не чувствуют. Сомневаясь в искренности слов Наваза Шарифа, особенно его заявления о том, что «враги Афганистана являются и врагами Пакистана», а также позиции президента М.А. Гани за высказывания в поддержку мирных переговоров с «Талибаном» начальник Управления национальной безопасности Афганистана Рахматулла Набиль на своей странице в Facebook подверг резкой критике политику правительства своей страны и подал прошение об отставке. Он подчеркнул, что во время выступления лидера Пакистана жители провинций Тахар, Бадахшан, Гильменд и Кандагар продолжали гибнуть от рук боевиков, поддерживаемые Пакистаном.

Таким образом, в Афганистане сегодня мало кто верит в скором начале переговоров, тем более в их успехе.

Сафранчук И.А.,
кандидат политических наук,
доцент кафедры мировых политических процессов
МГИМО (У) МИД России,
советник ректора Дипломатической академии
МИД Кыргызской Республики

УДК 327(73)

Политика администрации Б. Обамы в Афганистане

В политике администрации президента Б. Обамы в отношении Афганистана можно выделить два больших этапа. На каждом из них громко анонсировались планы и базовые положения, от которых потом тихо отказывались. После провала в 2014 г. второго этапа своей политики в Афганистане администрация Б. Обамы уже не способна сформулировать новые концептуальные положения своей афганской политики.

Первый этап политики Б. Обамы в Афганистане

На первом этапе, 2009-2011 гг., предполагалось нанести повстанцам в Афганистане решающее военное поражение, а затем перейти к переговорам с талибами с позиций силы – военного и политического превосходства.

Основы для такой системы взглядов были заложены еще в период предвыборной кампании Б. Обамы в 2007-2008 гг. Тогда кандидат Б. Обама активно эксплуатировал тезис, что администрация Дж. Буша-мл. чрезмерно сконцентрировалась на Ираке, а войне в Афганистане не уделяет достаточного внимания. Б. Обама представлял в ходе своей предвыборной кампании войну в Ираке как «неправильную», которую он обязательно закончит, чтобы высвободить ресурсы для «правильной» войны в Афганистане, которую, он обещал, выиграть [1; 2; 3; 4].

Такие взгляды формировали общий настрой Б. Обамы и его советников, что теперь они серьезно возьмутся за Афганистан, а из этого логично следовало, что нужно увеличивать военный контингент и активность военных действий, чтобы нанести поражение вооруженным повстанцам в Афганистане. Такой подход стали называть контрповстанческим.

Сразу после вступления в должность в январе 2009 г. и формирования своей администрации Б. Обама столкнулся с тем, что внутри его администрации не все были согласны с таким подходом. Вице-президент Дж. Байден и ряд других влиятельных фигур в администрации отстаивали контртеррористическую стратегию, которая предполагала отказ от масштабных военных операций и сосредоточение на специальных операциях для уничтожения не массы повстанцев, а ключевых фигур из их руководства.

Б. Обама поддержал контрповстанческий подход [5]. И хотя споры между двумя стратегиями – контрповстанческой и контртеррористической – продолжались в последующие годы. Тем не менее, именно контрповстанческий подход был основой американских действий в Афганистане в 2009-2011 гг. В рамках этого подхода Б. Обама в течение 2009-2010 гг. существенно нарастил американский военный контингент в Афганистане. В годы администрации Дж.

Буша-мл. американский военный контингент в Афганистане был почти постоянным по численности – около 30 тыс. человек. Уже в январе 2009 г., когда администрация Дж. Буша-мл. готовилась сдать дела команде Б.Обамы, уходящий президент отправил в Афганистан дополнительно 6 тыс. военнослужащих. А сразу после вступления в должность Б. Обама санкционировал отправку в Афганистан еще 21 тыс. военнослужащих. Таким образом, только за первую половину 2009 г. при администрации Б. Обамы американский военный контингент в Афганистане почти удвоился. В декабре 2009 г. Б. Обама санкционировал направление в Афганистан еще 30 тыс. военных. Таким образом, весной 2010 г., когда все эти военные прибыли в Афганистан, американский контингент там приблизился к 100 тыс., то есть более чем утроился за год с небольшим пребывания Б. Обамы на президентском посту.

При этом надо подчеркнуть, что американские военные хотели еще больше. Командующий в Афганистане ген. Макристал, назначенный в мае 2009 г. и получивший, как было ранее сказано удвоившийся за первую половину 2009 г. военный контингент, уже в августе того года запросил еще от 30 до 60 тыс. военных [6]. То есть в максимальном варианте ген. Макристал предлагал еще раз удвоить только что удвоенный военный контингент. Б. Обама согласился только на минимальный уровень в 30 тыс. человек. Таким образом, Б. Обама за первый год своего президентского срока утроил американский военный контингент (с 30 тыс. до 90 тыс.), а военные хотели его учетверить (120 тыс.). В декабре 2009 г. Б. Обама, санкционируя отправку 30 тыс. военных, четко дал понять военным, что дальнейшего существенного увеличения американского контингента не будет и у них есть 18 месяцев, чтобы имеющимися силами победить в Афганистане.

В течение, 2010 г. американцы при поддержке своих союзников и некоторых дипломатов из системы ООН активно готовили почву для переговоров с талибами. Предполагалось, что контрповстанческая стратегия даст результат и с талибами можно будет договориться с позиций силы.

Военная кампания 2010 г. в Афганистане силами увеличенного военного контингента если и не была полностью провальной, то не дала тех результатов, на которые рассчитывали в Вашингтоне. В течение 2010 г. планировалось провести две крупные военные операции – в начале года в провинции Гельменд и летом в провинции Кандагар, по итогам которых получить решающее военное превосходство на юге Афганистана [7]. В результате, военная операция в провинции Гельменд, начавшаяся в феврале 2010 г., закончилась не к апрелю, как предполагалось, а только в декабре [8]. И на этом фоне операция в провинции Кандагар была официально отложена, а реально отменена.

Тем не менее, Б. Обама в декабре 2010 г. подтвердил установку декабря 2009 г. на то, что военные должны добиться решающих успехов в данные им 18 месяцев (из них оставалось 6). С июля 2011 г. предполагалось начать вывод войск из Афганистана и уменьшать масштабы военных операций. Среди американских военных в конце 2010 г. и в начале 2011 г. доминировало мнение, что Б. Обама даст еще время для реализации военных планов и не начнет вывод войск.

Трудно сказать, как развивались бы события летом 2011 г. и какое решение принял бы Б. Обама. В любом случае, он стоял на пороге того, чтобы признать серьезные проблемы с реализацией военных планов. Но в мае 2011 г. был уничтожен У. бен Ладен. Это затмило все военные неудачи. В политическом плане администрация Б. Обамы представила дело так, что основная работа американских

военных в Афганистане успешно выполнена. Это не соответствовало ни реальности, ни декларировавшимся ранее планам. У. бен Ладане был уничтожен в Пакистане и не в результате войсковой операции в рамках контрповстанческого подхода, а по итогам спецоперации. Массы же вооруженных отрядов, которые предполагалось победить, никуда не исчезли, а продолжили войну. Б. Обама заявил, что «все идет по плану» и можно начинать вывод войск. С июля 2011 г., действительно, началось постепенное сокращение американского военного контингента в Афганистане, и тогда же сменился министр обороны. Вместо жесткого сторонника контрповстанческого подхода, Р. Гейтса, был назначен Ч. Хейгель, который был согласен с сокращением военного присутствия и концентрацией на спецоперациях.

Таким образом, летом 2011 г. администрация Б. Обамы фактически отказалась от первоначального плана военной победы в Афганистане.

Второй этап политики Б. Обамы в Афганистане

Во второй половине 2011 г. официальный Вашингтон сформулировал концепцию трех «транзитов» (переходных этапов) – в сфере безопасности, политического и затем экономического.

Транзит в сфере безопасности предполагал передачу ответственности за обеспечение безопасности в Афганистане от Международных сил содействия безопасности (МССБ) афганским силам безопасности (АСБ). Еще на первом (военном) этапе ставилась задача подготовить АСБ. Но на новом этапе эта задача стала еще более важной, так как если сокращаются иностранные военные контингенты, то они хотя бы формально должны кому то передать ответственность за покидаемые территории. С 2012 г. США и МССБ стали передавать ответственность за обеспечение безопасности в стране АСБ. Происходило это на уровне провинций. И к 2014 г. АСБ полностью взяли на себя ответственность за безопасность во всех провинциях Афганистана.

После этого наступила очередь транзита политического. Центральным событием этого процесса должны были стать выборы президента Афганистана в 2014 г. Американцы рассчитывали, что по итогам выборов будет сформирована дееспособная система власти. Также политический транзит предполагал продолжение переговоров с талибами. Теперь с ними предполагалось договориться не с позиций решающего военного превосходства, а с позиций превосходства политического и юридического. По итогам транзита в сфере безопасности и политического должны были появиться дееспособные афганские официальные власти, которые были бы готовы на политические уступки в обмен на отказ талибов от вооруженного сопротивления.

Успешно проведенные транзиты в сфере безопасности и политический должны были позволить завершить в конце 2014 г. миссию МССБ в Афганистане. После этого американская администрация хотела сохранить в Афганистане лишь небольшой контингент своих войск вместе с несколькими союзниками.

И дальше должен был наступить транзит экономический. Дееспособное афганское правительство, способное само себя защитить от повстанцев, должно было сосредоточиться на экономических реформах. Для этого экономического транзита еще в 2012 г. Всемирный банк разработал Программу трансформации, масштабных экономических реформ на десятилетие 2015-2025 гг.

Это были планы. И сначала дело выглядело так, что они работают. Транзит в сфере безопасности вопреки ожиданиям и пессимистическим прогнозам многих экспертов прошел достаточно успешно. В течение, трех лет, 2012-2014 гг. АСБ взяли от иностранных военных ответственность за безопасность во всех провинциях Афганистана. И хотя было много настораживающих моментов (например, высокий уровень дезертирства в АСБ), но полного коллапса не произошло. В целом официальные власти сохранили относительный контроль над большей частью территорий, ответственность за которые им передавали иностранцы. Можно констатировать, что при всех проблемах транзит в сфере безопасности прошел успешнее, чем многие ожидали [11; 12; 13].

И это позволило американцам занять жесткие позиции в ходе транзита политического. Повторим, по итогам выборов американцы рассчитывали на формирование новой власти в Кабуле, которая сможет сохранить стабильность после ухода МССБ. Однако в решении этой задачи Б. Обама сделал ставку на максимальное ослабление влияния президента Х. Карзая, его родственников и ближайших соратников. Особенно антикарзаевский крен политика официального Вашингтона приобрела после визита Х. Карзая в США в январе 2013 г., когда имели место очень напряженные переговоры. С тех пор напряженность в отношениях афганского президента и администрации Б. Обамы постоянно нарастала, и Х. Карзай стал активно противодействовать планам Б. Обамы в отношении Афганистана.

В результате, президентские выборы 2014 г. должны были стать кульминацией успешного политического транзита, а превратились в затяжной политический кризис. Проблемы возникли еще после первого тура в апреле 2014 г. В результате второй тур не был проведен в сроки, предусмотренные Конституцией. А после их проведения в мае, А. Абдулло обвинил своего конкурента, Независимую избирательную комиссию и администрацию Х. Карзая в масштабных фальсификациях. Разразившийся политический кризис был настолько глубоким, что обсуждались абсолютно неконституционные варианты его разрешения или продолжения – политические (продление полномочий Х. Карзая и полная отмена выборов, формирование специального переходного правительства и проведение выборов через 1-2 года) и силовые (гражданская война). Кризис был разрешен при посредничестве ООН и США. Был проведен полный аудит (и частичный пересчет) всех бюллетеней второго тура, в ходе которого более 10% бюллетеней (в абсолютных цифрах около 850 тыс.) были признаны недействительными. Но и эти результаты вызвали споры. В результате, было подписано политическое соглашение между А. Гани и А. Абдулло, после чего, наконец, 21 сентября 2014 года был официально объявлен новый президент – А. Гани, и начался процесс формирования правительства национального единства [15]. Последнее, впрочем, было частично сформировано только в феврале, а почти полностью в апреле 2015 г. (по политическому соглашению должно было быть сформировано в октябре 2014 г.).

Другое направление политического транзита – переговоры с талибами – тоже не дал в 2013-2014 гг. желаемых результатов. Контактных в разных форматах проходило много, но полноценные переговоры так и не начались.

Заключение: новый этап – старые проблемы

В таком виде, в каком задумывался, политический транзит точно не состоялся. По результатам президентских выборов 2014 г. в Афганистане разразился мощный кризис, он урегулирован на условиях, которые оставляют возможность для споров и различных трактовок, противоречия в обществе обострились.

Можно считать, что политический транзит продлен – до 2016 г., когда должна собраться Лоя Джирга для внесения изменений в Конституцию Афганистана. Очень важными этапами этого продленного политического транзита станут парламентские выборы 2015 г. и переговоры с талибами. И парламентские выборы и переговоры с талибами могут способствовать политическому транзиту, а могут и, наоборот, разрушить его [14].

До президентских выборов считалось, что два главных приоритета нового президента будут – экономический транзит и переговоры с талибами. А. Гани многими своими сторонниками внутри Афганистана и иностранными друзьями представлялся как идеальная фигура для решения этих задач. Особенно подчеркивали его опыт в экономической области, от него ожидали решительных и масштабных экономических реформ. Но именно в экономической области А. Гани пока мало что сделал.

Однако в вопросе переговоров с талибами А. Гани взял инициативу в свои руки и резко активизировал усилия в этом направлении. Несмотря на неоконченный процесс формирования правительства, а также вопросы со стороны ряда афганских политиков по поводу переговоров, А. Гани решительно их проводил. В первой половине 2015 г. из двух приоритетов – экономические реформы и переговоры с талибами – А. Гани явно уделял главное внимание переговорам.

Как стало понятно к середине 2015 г., А. Гани ведет переговоры во многом по своему усмотрению. Высший совет мира, который в 2010 г. был сформирован специально для переговоров и национального примирения, в настоящее время отодвинут от процесса переговоров с талибами. А. Абдулла, второе лицо в государстве, тоже не в курсе всех деталей переговоров с талибами. Можно говорить о том, что президент А. Гани полностью взял процесс переговоров с талибами в свои руки и именно на это тратит основные свои усилия в течение 2015 г. Такая сконцентрированность А. Гани на переговорах вызывает некоторые вопросы.

До президентских выборов предполагалось, что переговоры с талибами будут вестись по итогам политического транзита, то есть с позиций абсолютно законной и дееспособной официальной афганской власти. И в этом случае, считалось, что у официальных властей будет превосходство над талибами в вопросе легитимности. Законные власти должны были вести переговоры с повстанцами. И для того, чтобы это было именно так, было важно вести переговоры именно после политического транзита.

Однако в 2015 г. ситуация выглядит таким образом, что А. Гани активизирует переговоры с талибами и считает возможным договариваться с ними в процессе политического транзита. И даже может оказаться, что это договоренности – вместо политического транзита.

Летом 2014 г., по итогам второго тура президентских выборов, Афганистан погрузился в глубокий внутривластный кризис, который, как считали многие политики в самом Афганистане и международные наблюдатели, поставил страну на грань гражданской войны [9; 10]. И в этих условиях казалось, что разрешить

кризис надо любой ценой. В результате для разрешения кризиса пришлось выйти за правовые рамки и заключить Политическое соглашение 21 сентября 2014 г. Тем самым политический транзит вышел из юридической процедуры и перешел в политическую плоскость. Но вместе с тем, тогда обе стороны его подписавшие, А. Гани и А. Абдулла, а также международные посредники, имели общее понимание – политический транзит надо вернуть в юридические рамки. И именно поэтому Соглашение 21 сентября предусматривало проведение Лоя Джирги и внесение изменений к конституцию: достигнутые договоренности, политические по своей сути, должны были быть оформлены как часть правовой системы. Таким образом, предполагалось, что политический транзит должен вернуться в правовые рамки.

Однако то, что происходит в 2015 г. уводит политический транзит в совсем другом направлении. Создается впечатление, что А. Гани не спешит возвращать политический транзит в правовые рамки, а ведет его все дальше в политическую плоскость – в направлении переговоров с талибами. И в этом случае успешные переговоры с талибами могут стать для президента А. Гани возможностью отказаться от Соглашения 21 сентября 2014 г. или существенно его изменить.

Если предположить, что А. Гани сможет заключить серьезное соглашение в ближайший год с руководством талибов, то это станет масштабным событием, которое тоже может быть вынесено на обсуждение Лоя Джирги. И тогда Лоя Джирга 2016 г. будет обсуждать не согласованные изменения в конституцию, которые вытекают из Политического соглашения 21 сентября 2014 г. между А. Гани и А. Абдуллой, а совсем другие – предложенные талибами в ходе их договоренностей с А. Гани. Что тогда будет с самим Соглашением 21 сентября 2014 г.? Продолжит ли оно действовать даже без изменений в конституцию? Или А. Гани от него откажется в одностороннем порядке? И если А. Гани откажется от него в одностороннем порядке, то будет ли он признаваться после этого президентом командой А. Абдуллы? Ведь А. Абдулла и его сторонники считают, что А. Гани стал президентом именно на Основании политического соглашения.

В этих условиях США фактически корректируют план осуществления последовательных транзитов (безопасности, политического, экономического). На риторическом уровне Б. Обама не отказывается от своих прежних планов. Но на практическом – пересматривает их, предпочитая это делать не публично, а секретными распоряжениями. Так, в конце 2014 г. стало известно, что Б. Обама санкционировал участие и после 2014 г. американских военных в боевых операциях в Афганистане (раньше американский президент настаивал на том, чтобы после 2014 г. американские военные не участвовали в боевых столкновениях, а только тренировали АСБ и проводили ограниченные контртеррористические операции). Можно ожидать, что США останутся в большей степени, чем Б. Обама это озвучивал, вовлечены в Афганистане в следующие годы, сохранят большой контингент, а потом, возможно, откажутся и от планировавшегося на 2018 г. полного вывода своего военного контингента из Афганистана.

Источники и литература

1. Barack Obama. "Remarks in Washington, DC: The War We Need to Win", August 1, 2007.
2. Barack Obama. "Remarks in Fayetteville, North Carolina: "The World Beyond Iraq", March 19, 2008.

3. Barack Obama. "Remarks in Washington, DC", July 15, 2008.
4. Barack Obama. "Remarks in Des Moines, Iowa: Lessons from Iraq, September 12, 2007
5. Press Briefing by Bruce Riedel, Ambassador Richard Holbrooke, and Michelle Flournoy on the New Strategy for Afghanistan and Pakistan. The White House, Office of the Press Secretary, March 27, 2009.
6. Bob Woodward. McChrystal: More Forces or «Mission Failure» // Washington Post. September 21, 2009.
7. Operation Moshtarak. News Release. ISAF Joint Command – Afghanistan. KABUL, Afghanistan (Feb. 13), 2010-02-CA-059.
8. Gerald F. Seib and Matthew Rosenberg. A Critical Moment in War Effort // Wall Street Journal. June 23, 2010.
9. Искандаров К.И. К итогам президентских выборов 2014 г. в Афганистане. Большая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии № 05(38), 2014. С. 16-26.
10. Искандаров К.И. Проблемы формирования правительства в Афганистане. Большая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии № 01(40), 2015. С. 11-17.
11. Сафранчук И.А. Военно-политическая ситуация в Афганистане в связи с выводом Международных сил содействия безопасности // Ежегодник ИМИ МГИМО (У) МИД России № 2 (4), 2013, С. 34-38.
12. Сафранчук И.А. Афганистан в поисках баланса // Россия в глобальной политике № 4, 2012, С. 112-117.
13. Сафранчук И.А. Исламистская угроза для Центральной Азии: Афганистан и глобальный контекст // Индекс безопасности № 3, 2014, С. 159-172.
14. Сафранчук И.А. Переговоры А. Гани с талибами: решение или путь к новому кризису? // Большая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии № 03 (42), 2015, С.2-5.
15. Сафранчук И.А. К вопросу об итогах президентских выборов в Афганистане в 2014 г. и судьбе политического транзита // Вестник «Таджикистан и современный мир» № 2 (45), 2015, С. 31-48.

Корякин И.П.,
доктор юридических наук, заместитель
начальника Карагандинской Академии МВД
Республики Казахстан им. Б.Бейсенова

УДК 341.211

***Международная безопасность в современных условиях
(на примере Украины)***

Обсуждение темы международной безопасности имеет три основных аспекта, каждый из которых сам по себе может быть положен в основу самостоятельной публикации. Это международная безопасность в контексте:

- глобальных техногенных и природных катастроф и катаклизмов;
- катастроф планетарного и космического масштаба;
- катастроф (конфликтов и напряженностей) межнационального, межгосударственного характера.

Однако, по ряду причин, первые два аспекта не могут быть рассмотрены качественно лишь в рамках одной статьи. Кроме того, внимание человека всегда, в большей мере привлекала социальная сторона сосуществования, нежели чем вопросы сосуществования с природой или осознания космических угроз, именно поэтому в рамках настоящей статьи автор рассматривает международную безопасность в третьем контексте.

Тема международной безопасности в современных условиях, безусловно, интересна как ввиду одиозности поднимаемого вопроса на глобальном уровне, так и ввиду того, что любая конкретизация примеров нарушения таковой, всегда вызывает массу эмоций на уровне обсуждения интересов конкретных стран. Такая ситуация вполне логична и в который раз подтверждает тот факт, что современное международное сообщество практически не имеет стран, ведущих политику изоляционизма. Этот факт, во многом связан с однополярностью нашего современного мира, в котором даже страны, чьи экономические интересы находятся не в плоскости международного очага напряженности, вдруг, по чьей то воле менторским тоном, начинают рассуждать о правилах ведения международной политики, поддерживающей эту безопасность. Как правило, уверенность таких рассуждений и связывается с тем, что все четче понимается, что эти рассуждения не принадлежат их исполнителям, что и делает их «безответственными» в таких рассуждениях. Впрочем, зачастую наблюдается тот факт, что подобные рассуждения со стороны стран, чьи интересы, казалось бы, и должны находиться в плоскости логики развития событий, которую они оспаривают, свидетельствует о фактическом отсутствии их независимости в принятых управленческих решениях. Однако общий концерт дружно высказывающихся зависимых стран делает свое дело в формировании «международного кворума», образующего понимание международной безопасности в том или ином случае.

Именно поэтому всякие рассуждения о международной безопасности в современных условиях, есть вопрос глубоко политический, зачастую оторванный от каких-либо констант и зависящий от интересов конкретной стороны, желающей вмешаться в формирование международного мнения. При этом всякие разговоры о юридической оценке событий с точки зрения международного права, также не

имеют смысла, ввиду самого значения этого международного права. Ибо следует полностью согласиться с нигилистической трактовкой соотношения международного и национального права предполагающей, что международное право, есть ничто иное как «внешнее государственное право» отдельных государств. По мнению сторонников этой доктрины, для каждого государства, как внутри страны, так и в международных отношениях, могут иметь значение только те юридические нормы, которые основываются на юридических актах государства, а вне этого, международные нормы — в сути своей только лишь политические или этические рекомендации. Отметим, что большинство развитых стран фактически придерживается именно нигилистической позиции (к данным странам можно отнести США, Великобританию, Германию, Испанию, Австрию). Фактически следует поддержать точку зрения А. Цорна, утверждающего, что «посольское право есть часть государственного права, в качестве международного права, обязательного для отдельных государств его не существует».

В таком понимании вполне очевидно, что любая политическая форма обеспечения международной безопасности (имеется ввиду двусторонние и многосторонние договоры) является лишь некой фикцией. Примерами таких фикций являются:

- Версальский мирный договор 1919 года (статьи 42 и 43), устанавливающий рейнскую демилитаризованную зону;
- Пакт четырех 1933 года (Италия – Германия – Англия - Франция);
- Пакт Пилсудского-Гитлера 1934 года (Германия - Польша);
- Морское Англо-Германское соглашение 1935 года;
- Декларация о взаимном ненападении 1938 года (Великобритания – Германия), звучащая как пакт о вечной любви и братстве, аналогичная декларация Германии и Франции была подписана чуть позже;
- Пакт Молотова-Риббентропа 1939 года (Германия - СССР).

Всякого рода рассуждения о том, что данные договоры связаны с существованием гитлеровской Германии и потому не могут быть примерами, становятся ничтожными перед логикой, указывающей на то, что история пишется победителем.

Более того, фиктивными вполне можно считать и решения международных организаций (к примеру резолюция 1514, принятая на 15-й сессии Генеральной ассамблеи ООН в 1960 году, резолюция 2066, принятая на 20-й сессии Генеральной ассамблеи ООН в 1965 году, резолюция 181/11, от 29 ноября 1947). Заметим, что к странам, не выполнившим эти резолюции никаких мер международного воздействия до сих пор не принято, что заставляет нас полагать, что этот вопрос должен быть гораздо актуальнее, чем сам вопрос о состоянии, например, Украины.

В таком контексте необходимо обратиться к самому камню преткновения в контексте обсуждаемого вопроса – Украине, как государству, находящемуся в эпицентре международной угрозы. Здесь сама Украина, ввиду нестабильности своей внутренней и внешней политики и составляет, по моему мнению, эту угрозу остальному миру и, прежде всего соседям. Такая угроза, как минимум, проявляется как в волнах миграции, исходящей из нее, так и в фактическом вооруженном конфликте на ее территории, который ничем иным как гражданской войной назвать трудно. Сия ситуация стала следствием неустойчивого управления государством и влияния на него со стороны Евросоюза и США, обозначившие для нее перспективу вступления в ЕС, которая в реальности, скорее была безнадежной.

Заметим, что политическая нестабильность Украины часто ссылается и связывается с фактической ее границей как государственного образования, в исторической основе. Существуют факты, свидетельствующие о том, что большая часть территории Украины была присоединена к ней из состава русскоязычных земель в качестве пожалования Российских государей. Западная часть Украины, населенная частью русинов, также была присоединена благодаря стараниям И.В. Сталина. Таким образом, Украина от двух областей, присоединившихся к России в 1645 году, выросла до сегодняшнего государственного образования, характеризующегося тем, что ее население отличается друг от друга политическими, национальными, экономическими и культурными установками. При этом, началом ее образования явился референдум о вопросе независимости, после которого и произошел распад СССР. Исторические примеры таких, либо схожих референдумов также, известны.

К примеру:

- декларация независимости североамериканских штатов Америки 1776 г.;
- декларация независимости Израиля 1948 г.;
- декларация независимости Нидерландов 1581 г.;
- декларация о независимости Индонезии 1945 г.

А также целый ряд подобных деклараций государств, образовавшихся из осколков СССР, включая декларацию о независимости самой Украины.

Справедливости ради, необходимо отметить, что история имеет случаи и добровольного объединения нескольких государств в одно государство, различного рода унии. Как правило, такие объединения являются логичным результатом центристических сил, единого народа, разобщенного государственными границами, попыткой защитить свой этнос, найдя защиту у более сильного государства.

Примерами таких случаев являются: Аншлюс 1938 г. (абсолютно добровольное волеизъявление), присоединение Казахстана к России 1731 г. (было вызвано угрозой Джунгарского ханства), воссоединение Украины с Россией 1648 г. (было вызвано угрозой религиозного обращения со стороны Речи Посполитой). В некотором роде, формами интеграции являются ЕС и ЕАЭС. В таком контексте, политические последствия, связанные с желанием населения одной страны не быть в одном государстве с оставшейся частью населения или примкнуть к другому государству, вполне понятны. И рассуждения о независимости Крымской республики, провозглашенной декларацией в марте 2014 г., оправданы логикой настолько, насколько оправдано существование такой державы, как например, США. А присоединение Крыма к России настолько же легитимно, как вхождение Греции в ЕС. Однако, находясь под воздействием политики двойных стандартов, в современной политике настойчиво формируется образ угрозы, исходящий от России. При этом, нельзя забывать, что в спектр угрозы международной безопасности входит не только возвращение Крыма в состав России, сколько события гражданской войны, развернувшиеся на территории Донецкого бассейна. Во многом, провокация этого конфликта со стороны США и ЕС вызвана их интересом извлечения ресурса из данного региона. Так, в результате этого конфликта объявлен банкротом Авиазаовод ГП "Антонов", - один из конкурентов «Боинга», почти на треть снизился объем посевных площадей, обанкротился один из лидеров украинской энергетики «Уголь Украины». Другими словами, территория Украины потеряла финансовую, производственную

активность и силу. Примеров экономической агрессии ЕС и США на Украине не единичны. Важно отметить и то обстоятельство, что большая часть всех международных кредитов, выдаваемых Украине, предоставляется на условиях их освоения под те же самые американские и европейские товары и услуги. В ряде случаев, такое кредитование маскируется под гуманитарную помощь. Однако, по правилам предоставления гуманитарной помощи, под нее выделяется кредит на ее приобретение, при условии приобретения ее именно в США и транспортировки американскими компаниями. В такой ситуации кредиты возвращаются кредитору в виде оплаты за товары. Как следствие США не только поддерживает собственных производителей за счет других стран, но и наращивает долг этих стран, постепенно скупая оставшееся производство и делая страну зависимой как в экономическом, так и в политическом смысле.

Важно понимать и такую закономерность в мировой политике, как правило, всякого рода процедуры о прямом волеизъявлении народа, нации, о независимости, суверенитете поддерживаются и реализуются в некоторых государствах, ради подготовки их к так называемому экономическому «разбору» посредством последовательной финансово-экономической политике соответствующих институтов. Что же касается самой Украины, то здесь следует учесть то, что остановить центробежные силы, ставшие причиной возникновения конфликта на ее территории - она вряд ли бы смогла. Тем более что сама Украина еще и имеет определённых людей во власти не только с идеями центробежности, но и идеями партикуляризма, национализма, религиозного обособления. Выражаясь фигурально – «Революция пожирает своих детей» (Ж. Ж. Дантон (1759— 1794)). Учинённый беспорядок, который по сей день имеет место на территории Украины, основан теми же лицами, которые, по нашему мнению, желают видеть существование государств в постоянном очаге нестабильности.

Абдраимов М.Дж.,
кандидат политических наук,
доцент Дипломатической академии
МИД КР им. К.Дикамбаева,

УДК 323.14

Исламский фактор в Центральной Азии: вчерашние истоки сегодняшних реалий

Значительные геополитические перемены и глобализационные процессы, происходящие в современном мире в последние десятилетия, заставляют по-новому взглянуть на роль ислама в нем. Ислам становится все более весомым фактором в мировой политике. Ещё в конце 70-х - начале 80-х годов XX века так называемый "исламский бум" способствовал политизации ислама и исламизации политики во многих странах. Одна из основных причин этого явления заключается в том, что ислам как целостная религиозная система претендует на всеобъемлющее регулирование всех сторон жизнедеятельности мусульман. Этому способствуют исторически сложившиеся и закрепившиеся в общественном сознании представления о неразделенности в исламе религии и политики, духовного и светского, ислама и образа жизни мусульман в целом.

Исламский фундаментализм выступает как альтернатива и ответ вызовам глобализации. Глобализация в незападных странах, прежде всего в мусульманских, во многом воспринимается как новая форма колониализма, вестернизации и американизации мира. Процесс исламизации Центральной Азии приобрел специфический характер и связан с рядом факторов. Это объясняется, прежде всего, тем, что население Центральной Азии не являлось гомогенным, а состояло из кочевого и оседлого населения, хозяйственно-культурный тип которых, основывался на иных принципах и условиях.

Другим фактором было то, что ислам в Центральной Азии столкнулся с различными культурно-идеологическими основами: поклонение природе и почитание духов предков, развитая магия, обожествление неба (тенгрианство) и зороастризм. Центральная Азия находилась на перекрестке взаимодействия различных религиозных культур и этносов (иранских и тюрко-монгольских), торговых связей империй древности и средневековых (Шелковый путь). Это весьма существенно сказалось на центрально-азиатской исламской цивилизации. Ее отличительной чертой стал величайший культурный синтез. Ислам в Центральной Азии был и остался синкретичным. В результате адаптации местного духовного субстрата ислам приобрел здесь специфические черты, отличающие его центрально-азиатскую форму бытования от арабского мира и других историко-культурных ареалов. В период исламизации произошло сращивание традиционных верований и обрядов с мусульманством¹. Благодаря этому ислам смог сформировать социально-культурную среду, которая сохранялась в условиях светского государства и распространения среди части населения атеистического мировоззрения в период советского государства. Исламизация населения

¹ Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков// Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 5.

Центральной Азии коснулась, прежде всего, земледельческо-оседлых районов. Узбеки, таджики, южные кыргызы, оседлые туркмены приобщились к исламу на несколько веков раньше, чем кочевники - казахи и северные кыргызы. И именно в земледельческо-оседлых районах ислам получил наибольшее распространение, что отразилось и в дальнейшем.

Следует отметить и тот факт, что ислам в полной мере не раскрыл свой духовный и интегрирующий потенциал в среде кочевников Центральной Азии, не создал предпосылок этносоциальной общности, не уничтожил родоплеменной институт и вместе с ним родоплеменное сознание.

Таким образом, в процессе исламизации Центральной Азии наблюдался ряд особенностей (языковой барьер, периферийность от исламского центра и т.д.), которые в последующем отражались на эффективности укоренения ислама в среде чужой культуры, иных представлений и ценностей.

Одним из главных факторов конфессионально-культурной идентификации государств Центральной Азии остается ислам. Так было изначально, однако при советской власти подобная самоидентификация существовала неофициально. Национальная традиция в официальной идеологии рассматривалась отдельно от религиозной. Считать себя мусульманами позволялось лишь "отсталой" части населения: старикам, домохозяйкам и т.п. Ныне двойная самоидентификация - узбек-мусульманин, таджик-мусульманин и т.д. полностью воссоздана и звучит столь же естественно, как араб-мусульманин или перс-мусульманин. Роль ислама как фактора этнокультурной самоидентификации - аксиоматична, как аксиоматична роль ислама и в качестве одного из регуляторов общественных отношений. Без этого мусульманское общество утрачивает свои фундаментальные генетические характеристики, да и вообще не является таковым. Ислам выполнял эту функцию, в том числе и во времена СССР. Это справедливо и для сельской местности, где сохранялись нормы общинных отношений, которые были приспособлены к колхозной системе, и для города, в котором неформальной основной ячейкой социализации оставалась махалля, где традиции отношений между людьми были сакрализованы исламом, где всегда выполнялись основные религиозные обряды и где авторитетом пользовались духовные лица.

Огромное значение имеет исламская традиция в семье. Иногда при оценке влияния религии на общество, в том числе, на политическую сферу, это обстоятельство выводят за скобки. Как представляется, здесь совершается ошибка: именно в детстве в сознании человека закладывается убеждение в абсолютной важности, нерушимости традиции, вера в то, что, поступая в соответствии с ней, он действует правильно. Значимость традиции в семейных отношениях, в быту, подрастающий человек распространяет и на общественную и политическую сферы.

В Центральной Азии по-прежнему сильно традиционное, исторически сложившееся распределение политических и социальных ролей между родами, кланами, племенами, жузами, региональными группировками. Причем на всех - средних и высших - ступенях административной иерархии находятся выходцы из традиционных, связанных с отправлением религиозного культа семей и кланов. В частности, в таджикской и узбекской номенклатуре влиянием пользуются ферганские ходжи (ведущие свое происхождение от праведных халифов). Отдельно следует сказать о сохранении в регионе суфийских братств (орденов), прежде всего влиятельнейшего из них - Накшбандийя, члены которого также

пользуются большим авторитетом и оказывают влияние на принятие решений в светских сферах.

Оставаясь одним из регуляторов общественных отношений, ислам неизбежно становится фактором политической жизни. Многие эксперты считают это противоестественным, исходя из исторического опыта христианства, секуляризованных обществ Запада. Стремление видеть в исламе сугубо религиозную, культовую сторону характерно и для части мусульманского духовенства, которая находится под патронажем властей и опасается, что в случае политизации ислама она может утратить свое влияние. Тем не менее, соединение религии с политикой является имманентной чертой исламской цивилизации. Это обусловлено тем, что в исламе нет свойственного христианству деления на духовное и мирское. Ислам - религия "тотальная" в том смысле, что она распространяется на все стороны общественного бытия, внося в него свои регламентирующие установки. В исламе присутствует такое уникальное явление, как шариат - свод законов, определяющих жизнь человека и общества. История свидетельствует, что тенденция построить исламское государство существовала в мусульманских обществах на различной стадии их развития. Опирающиеся на исламские ценности и представления экономические и политические программы, деятельность по их реализации является неотъемлемой чертой общественно-политической жизни всего мусульманского мира. И Центральная Азия вряд ли станет безусловным исключением из общего правила.

Наряду с общими, идущими от специфики мусульманской цивилизации есть вполне конкретные причины усиления исламского фактора, определяемые конъюнктурными причинами - состоянием общества, целями и задачами тех или иных политических сил и т.д.

Каждая использующая ислам политическая группировка, будь то правящий истеблишмент или оппозиция, руководствуется собственными эгоистическими соображениями. Все они действуют в социальной и культурной среде, в той или иной степени подготовленной к использованию ислама в политике, чуткой к исламским лозунгам. При этом мусульманское общество не гомогенно. Предрасположенность к исламской мотивации в политике различается в зависимости от социальной принадлежности, рода занятия, пола, возраста людей. Социологические исследования на предмет отношения населения к исламу проводятся почти во всех странах Центральной Азии. Результаты исследований обнаруживают, во-первых, признание постоянного возрастания роли ислама в общественной и политической жизни стран, во-вторых, появляющиеся в этой связи опасения.

Обращение к исламу правящего истеблишмента носит сложный противоречивый характер. С одной стороны, все государства Центральной Азии в соответствии с их конституциями являются светскими. Религия отделена от политики. Отвечая на вопрос о том, соответствует ли Узбекистан "стандартам мусульманского мира", его президент И. Каримов говорит: "Мы не вписываемся в мусульманский стандарт, поскольку мы светское государство"¹. В таком же ключе рассуждал и глава Туркменистана Сапармурат Ниязов (Туркменбаши): "Мы, подчеркивает он, - твердо провозгласили принцип, ... что Туркменистан светское

¹ Народное слово. Ташкент. 1997. 20 января.

государство¹". А в принятом в 1994 г. на совещании религиозных деятелей Туркменистана постановлении говорится о "недопустимости вмешательства религии в организационные и государственные дела".²

Вместе с тем, практически ни одна из стран не избежала проявления особого отношения к исламу со стороны официальных властей, в том числе первых лиц государства".³ Три обстоятельства побуждают правящую элиту обращаться к исламу.

Во-первых, стремление задействовать религию для консолидации коренного мусульманского этноса и одновременно использовать ее как один из источников создания общенациональной идеологии. Последнее характерно в большей степени для Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана, где, количество немусульманского населения резко уменьшилось и имеет устойчивую тенденцию к дальнейшему понижению. В Казахстане и Кыргызстане исламская мотивация официальной идеологии практически исключена. Это объясняется наличием большой, в Казахстане почти равновеликой казахскому этносу, русскоязычной общины.

Во-вторых, правящая элита стремится перехватить инициативу использования ислама у некоторых своих оппонентов, которые все чаще выступают с критикой властей именно с религиозных позиций. Наибольшие усилия в этом направлении предпринимают правящие круги Узбекистана, поскольку в этой стране религиозное движение становится все влиятельнее. В начале 1990-х годов желание монополизировать ислам стало одной из главных тенденций, определявших развитие внутритаджикского конфликта, в ходе которого исламской оппозиции удалось войти в правительство, став легитимной частью правящего истеблишмента.

В-третьих, власти обращаются к исламу в целях укрепления своего авторитета в мусульманском мире. В последние десятилетия связи бывших советских республик с другими зарубежными единоверцами заметно укрепились. При этом руководители Центральной Азии часто ссылаются на общую религиозную идентичность, а иногда демонстрируют, правда в специфической форме, приверженность идее исламской солидарности. (В апреле-мае 1999 г. эта тема иногда возникала в связи с конфликтом в Югославии. Тогда в Узбекистане и Туркменистане напоминали о том, что в отличие от России они солидаризируются со своими единоверцами в Косово). Примечательно и то, что все без исключения президенты центрально-азиатских государств совершили обязательный для мусульманина хадж в священные города Мекку и Медину.

Политический ислам постепенно закрепляется в Кыргызстане и в южных районах Казахстана. В Кыргызстане, прежде всего в южной части страны.

Что касается Казахстана, то, хотя большинство специалистов сходится во мнении, что "широкого распространения идеи исламского фундаментализма пока не получили", есть немало фактов, свидетельствующих в пользу того, что на юге страны, в Шимкенте и других городах и областях тенденция политизации ислама проявляется все более отчетливо.

¹ Независимая газета. 1992. 20 января.

² Туркменская искра. Ашхабад. 1994. 3 мая.

³ Султангалеева А. Новые независимые государства. //Казахстан и мировое сообщество. Алматы. 1995. №3(4), С 50.

Нужно отметить, что активность политического ислама сдерживается отсутствием единого руководящего или координирующего центра в масштабах каждой страны, не говоря уже обо всей Центральной Азии. Важно и то, что для достижения успеха любому исламскому политическому движению требуется авторитетный лидер.

Говоря о значении исламского фактора для общественно-политической жизни Центральной Азии, обязательно следует сказать и о его ограниченности, обозначить те сферы, где он не играет заметной роли.

Так, во-первых, он не является фактором консолидации всего общества. Это объясняется хотя бы присутствием русскоязычного населения. Если правящая элита во имя национально-государственной консолидации начнет систематически и интенсивно апеллировать только к одной из религий, то это не только вконец испортит ее отношения с немусульманским населением, но также явится дополнительным раздражителем для России, вызовет недоумение за рубежом, где к использованию ислама в политике относятся, в основном, негативно.

Во-вторых, ислам не способен играть консолидирующей роли и на этнонациональном уровне. Региональные, клановые, этнические, племенные интересы сегодня имеют приоритет над приверженностью общей религии. Так, гражданская война в Таджикистане велась между мусульманами, выходцами из разных регионов, кланов и т.п. В Казахстане принадлежность к жузу имеет в практической жизни несравненно большее значение, чем исповедание ислама. Наконец, упомянем межэтнические конфликты, имевшие место в Фергане, в Оше когда мусульманами были обе вовлеченные в них стороны.

В-третьих, ислам не является фактором государственного строительства. Центральноазиатские республики - светские государства. Религия отделена от государства и говорить об участии в государственных делах религиозных институтов - нельзя. Хотя, с другой стороны, легитимизация некоторых законов шариата, соединение их со светскими нормами - скорее всего дело недалекого будущего.

В-четвертых, ислам не является фактором политической стабилизации. В обществе существуют два подхода к исламу. Один отражает взгляды политической и европеизированной (по большей части на советский лад) интеллектуальной элиты, которая ограничивает роль ислама конфессионально-культурной и бытовой сферой. Второй - представления о незавершенности трансформации центральноазиатских обществ по пути их "реисламизации".

В-пятых, ислам - не фактор мобилизации центральноазиатских обществ на свершение чисто мирских дел - создание современной экономики, инфраструктуры, подъем сельского хозяйства и т.п., как это в той или иной степени имело место, например, в Алжире, Ливии, Иране и многих других мусульманских государствах, где исламская риторика широко применялась при истолковании экономической и социальной стратегии. Известно, что президент Алжира Хуари Бумедьен (1965-1978гг.) предлагал рассматривать экономические реформы в контексте "большого джихада", т.е. деятельности, направленной на улучшение положения в мусульманской общине. Составленный в 1960 г. в Египте пятилетний план экономического развития начинался с формулы "бисмилла.." ("во имя Аллаха.."). Ни в одном государстве Центральной Азии подобного толкования экономического развития нет.

И в-шестых, апелляция к исламу не способствует межгосударственной консолидации на региональном уровне.

Тем не менее, несмотря на выше перечисленное, исламский фактор в государствах Центральной Азии является некой социальной и политической данностью, отрицать которую сегодня невозможно. В разных государствах значение его различно. Ислам оказывает постоянно растущее влияние на происходящие в регионе социально-политические процессы. Он формирует ценностные представления людей, регулирует отношения между ними. Ислам, безусловно, является орудием политики, и в этом своем качестве его роль будет возрастать.

С другой стороны, в Центральной Азии влиятельны силы, которые настаивают на ограничении роли религии, на выводе ее из политической сферы. Очевидно, наиболее оптимальным вариантом решения этой дихотомии является компромисс между чисто светским и исламским направлениями, без которого над центральноазиатскими обществами будет висеть угроза обострения социальных, межэтнических и конфессиональных конфликтов.

Атабеков К.К.,
кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой специальных юридических
дисциплин Чуйского университета

УДК 323.28

***Содержание международного сотрудничества и координации
в борьбе с терроризмом в рамках СНГ***

Террористические атаки стали уже повседневной частью современной жизни, от которых не застраховано ни одно государство, при том, что даже самые сильные державы мира не способны эффективно противостоять террористическим организациям. В этой связи возрастает значение и роль международного сотрудничества и координации усилий в противодействии международному терроризму.

Международное сотрудничество имеет определяющее значение для достижения успеха в деле минимизации предпосылок к терроризму и предотвращения его наиболее разрушительных и крайних проявлений. Без этого нельзя рассчитывать на обуздание террористических посягательств, их своевременное выявление, предупреждение и пресечение.¹

Принцип сотрудничества государств является одним из основных принципов международного права.² Этот принцип проходит через все содержание Устава Организации Объединенных Наций. Его нормативное содержание изложено в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с уставом ООН, 1970г.³

В Декларации сказано: “Государства обязаны сотрудничать друг с другом, независимо от различий их политических, экономических и социальных систем, в различных областях межгосударственных отношений с целью поддержания международного мира и безопасности и содействия международной экономической стабильности и прогрессу, общему благосостоянию народов и международному сотрудничеству, свободному от дискриминации, имеющей в своей основе такие различия”.

Международное сотрудничество в области противодействия опирается на комплекс многосторонних договоров и соглашений.⁴ Ведущую роль при

¹ Терроризм: историко-политологические и правовые аспекты противодействия: Сб. учебно-метод. материалов и норм. актов (извлечений). – Б.: НИЦ МВД КР, 2004. С. 51.

² См.: Кузнецов В.И., Тузмухамедов Р.А., Ушаков Н.А. От Декрета о мире к Декларации мира. - М., 1972. С.10.

³ См.: Международное публичное право: Сб. в 2 т. - М., 1996. Т 1. Гл. 1.

⁴ В первую очередь следует иметь ввиду Конвенцию о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, подписанную в Токио 14 сентября 1963 года, Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, подписанную в Гааге 16 декабря 1970 года, Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, заключенную в Монреале 23 сентября 1971 года, Конвенцию о предотвращении преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, принятую в Нью-Йорке

формировании принципов сотрудничества в данной сфере играет Организация Объединенных Наций.¹

Государства - члены Организации Объединенных Наций исходят из того, что они безоговорочно осуждают как преступные и не имеющие оправдания все акты, методы и практику терроризма, где бы и кем бы они ни осуществлялись, в том числе те, которые ставят под угрозу дружественные отношения между государствами и народами и угрожают территориальной целостности и безопасности государства.

При этом преступные акты, направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди широкой общественности, группы лиц или конкретных лиц в политических целях, ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы, какими бы ни были соображения политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или любого другого характера, которые могут приводиться в их оправдание.

В соответствии с Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 49/60 от 9 декабря 1994 г.:

- государства, руководствуясь целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций и другими соответствующими нормами международного права, обязаны воздерживаться от организации террористических актов на территориях других государств, подстрекательства к ним, пособничества им или участия в них, а также от попустительства или поощрения деятельности на своей территории, направленной на совершение таких актов;

- государства обязаны также выполнять свои обязательства по Уставу Организации Объединенных Наций согласно другим положениям международного права в отношении борьбы с международным терроризмом, и им настоятельно предлагается принять эффективные и решительные меры согласно соответствующим положениям международного права и международным

14 декабря 1973 года, Международную конвенцию о борьбе с захватом заложников, принятую в Нью-Йорке 17 декабря 1979 года, Конвенцию о физической защите ядерного материала, принятую в Вене 3 марта 1980 года, Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, подписанный в Монреале 24 февраля 1988 года, Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, совершенную в Риме 10 марта 1988 года, Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, совершенный в Риме 10 марта 1988 года, и Конвенцию о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения, совершенную в Монреале 1 марта 1991 года и др. международные нормативные акты.

¹ ООН в своей деятельности по предупреждению международного терроризма руководствуется принципами Устава ООН, опирается на Декларацию о принципах международного права, Декларацию об укреплении международной безопасности, Декларацию об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях, Венскую декларацию и Программу действий, принятые Всемирной конференцией по правам человека, на Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах.

стандартам прав человека для скорейшей и окончательной ликвидации международного терроризма, в частности:

а) воздерживаться от организации террористической деятельности, подстрекательства к ней, содействия ее осуществлению, финансирования, поощрения или проявления терпимости к ней и принимать надлежащие практические меры к обеспечению того, чтобы их соответствующие территории не использовались для создания террористических баз или учебных лагерей или для подготовки или организации террористических актов, направленных против других государств или их граждан;

б) обеспечивать задержание и судебное преследование или выдачу лиц, совершивших террористические акты, согласно соответствующим положениям их национального права;

с) стремиться к заключению специальных соглашений с этой целью на двусторонней, региональной и многосторонней основе и разработать с этой целью типовые соглашения о сотрудничестве;

д) сотрудничать друг с другом в обмене соответствующей информацией относительно предотвращения терроризма и борьбы с ним;

е) оперативно предпринимать все необходимые шаги к претворению в жизнь существующих международных конвенций по этому вопросу, участниками которых они являются, включая приведение своего внутреннего законодательства в соответствии с этими конвенциями;

ф) принимать надлежащие меры до предоставления убежища в целях установления того, что ищущее убежище лицо не занималось террористической деятельностью, и после предоставления убежища в целях обеспечения того, чтобы статус беженца не использовался в целях, противоречащих положениям, изложенным в подпункте "а", выше.

Для эффективной борьбы с увеличением числа и возрастанием международного характера и последствий актов терроризма государства должны усиливать свое сотрудничество в этой области путем, в частности, систематизации обмена информацией о предупреждении терроризма и борьбе с ним, а также эффективного осуществления соответствующих международных конвенций и заключения соглашений о взаимной правовой помощи и выдаче на двусторонней, региональной и многосторонней основе.

Эти перечисленные положения лежат в основе международных договоров и соглашений на уровне государств-участников СНГ. Договор о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом конкретизирует основные принципы сотрудничества, приведенные выше.¹

Органом, действующим в рамках упомянутого Договора, является Антитеррористический Центр (АТЦ) государств – участников СНГ.

АТЦ – постоянно действующий межгосударственный специализированный орган, функционирующий под общим управлением Совета руководителей органов

¹ Данный Договор ратифицирован Законом КР от 18 января 2001 года N11 с оговорками. Кыргызская Республика депонировала уведомление 6 февраля 2001 года. Договор вступил в силу со дня подписания для Кыргызской Республики - 6 февраля 2001 года.

безопасности и специальных служб государств-участников СНГ¹. АТЦ принимает непосредственное участие в определении политики государств-участников СНГ в сфере противодействия террористическим угрозам на основе анализа поступающей информации о состоянии, динамике и тенденциях распространения международного терроризма и иных проявлений экстремизма в государствах СНГ и других странах. Находясь в постоянном контакте с компетентными национальными органами, АТЦ формирует и использует специализированный банк данных, осуществляет непрерывный мониторинг обстановки, выявляет и прогнозирует ее тенденции, вырабатывает рекомендации для Совета глав государств и других органов СНГ по развитию сотрудничества стран-участниц в борьбе с терроризмом и иными проявлениями экстремизма. АТЦ также устанавливает, поддерживает и развивает рабочие контакты с международными центрами и организациями, занимающимися вопросам борьбы с терроризмом – Управлением ООН по наркотикам и преступности ООН, Всемирным антитеррористическим и антикриминальным форумом.

АТЦ СНГ проводит в странах Содружества совместные командно-штабные и оперативно-тактические антитеррористические учения, координирует проведение совместных антитеррористических мероприятий, участвует в реализации мер по гармонизации антитеррористического законодательства, на плановой основе координирует организацию подготовки сотрудников спецподразделений государств СНГ.

Как отметил один из первых руководителей АТЦ СНГ генерал Б. Мыльников: «...законодательные и исполнительные органы государств СНГ приходят к пониманию того, что успешно противостоять терроризму можно только на основе тесного взаимодействия, в том числе и в правовой сфере... Уровень взаимодействия различных стран и его эффективность в борьбе с терроризмом прямо зависят от степени доверия между правительствами, специальными службами и правоохранительными органами. И мы видим нашу задачу в том, чтобы максимально и всесторонне развивать это доверие, искать и осваивать новые формы взаимодействия в данной области».²

Нарастающие с каждым годом масштабы экстремизма и терроризма ставят перед АТЦ СНГ задачу по наращиванию усилий для адекватного ответа вызовам терроризма.

За последние годы проведен целый ряд международных встреч глав государств, руководителей министерств, спецслужб и правоохранительных органов, посвященных объединению усилий заинтересованных стран в деле противодействия террористической угрозе, совершенствованию направлений сотрудничества.

Так, В. Грицан, председатель Координационной службы Совета командующих пограничными войсками СНГ, предложил следующие направления совершенствования антитеррористического сотрудничества:

¹ Головной офис АТЦ СНГ находится в г. Москве, в Бишкеке располагается филиал АТЦ СНГ.

² Б.А. Мыльников. Международный терроризм как угроза национальной безопасности. Вестник межпарламентской ассамблеи № 3 (34). – СПб., 2002. С.197.

- более тесная координация внешнеполитической деятельности всех государств, согласование их позиций и координация мер по противодействию международному терроризму;

- продолжение наработки нормативной правовой базы сотрудничества, обогащение и дополнение ее соответствующими двусторонними и многосторонними договорами, соглашениями, а также другими документами по проблеме борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма;

- постоянный мониторинг оперативной обстановки и подготовка на базе объективного и системного анализа прогнозных оценок ее развития, позволяющих выработать конкретные совместные меры по нейтрализации существующих угроз безопасности;

- создание единой компьютеризованной системы, призванной исключить въезд на территорию стран СНГ лиц, подозреваемых в причастности к деятельности террористических организаций и криминальных структур;

- совершенствование информационного взаимодействия, организация систематизированного банка данных заинтересованных министерств и ведомств по проблемам терроризма и организованной преступности для обеспечения принятия взвешенных и обоснованных политических решений в этой сфере;

- дальнейшее развитие практики проведения совместных командно-штабных учений войск и правоохранительных органов по единому замыслу.¹

При организации противодействия терроризму в современных условиях приходится учитывать то обстоятельство, что террористическая угроза сегодня из-за разрастания масштабов и степени общественной опасности, расширения географии, повышения поражающей способности средств совершения акций терроризма, интернационализации субъектов террористической деятельности, прозрачности границ и ряда других причин превратилась в проблему международного характера.

Это обстоятельство подтверждается и постоянно возрастающим вниманием к организации эффективной координации в борьбе с терроризмом всего мирового сообщества. При этом координация усилий мирового сообщества должна быть в русле единой антитеррористической политики.

¹ В.Ф. Грицан. Международный терроризм как угроза национальной безопасности. Вестник межпарламентской ассамблеи № 3 (34). – СПб, 2002. С.216.

УДК 327.33

Социальная обусловленность международного общения

Ключевые слова: государство, общество, культура, общение, народ, этнос, международное, социальное, человек.

Аннотация: В данной статье анализируется социальная обусловленность общения и его форм проявления.

Печальный, а нередко и трагический опыт человечества дает нам основание утверждать, что международное общение не является следствием потребности человека в общении как таковом, поскольку оно, в сущности, вполне может быть удовлетворено в пределах собственного этноса, оно есть следствие другой потребности, которую можно определить как потребность в расширении своего духовного, экономического, политического пространства¹. Аксиоматично, что человек существо общественное и вне общества его существование, как существа общественного, немислимо, так как потребность в общении социально обусловлено. Социальная обусловленность общения показывает, что существует объективная необходимость перехода от индивидуальных параметров общения к социальному, ориентированному на общество. Эта обусловленность определяется стихийностью проявления всех видов общения: культурного, религиозного, духовного, международного, этнического и других.

Объективная потребность к взаимному общению у множества народов привело к неизбежному взаимодействию с другими народами, которое в зависимости от конкретных обстоятельств соотношения сил взаимодействующих сторон, конкретной исторической ситуации, уровня развития науки и техники, культуры в целом, глобальной международной обстановки и т.д. принимала различные формы общения: от прямых военных столкновений до взаимовыгодного экономического и политического сотрудничества,² что меняло его содержание в зависимости от социо-культурных традиций страны, нации, государства, общества. Социо-культурные традиции выступали и продолжают выступать определяющим процесс всех форм общения, начиная от религиозного и вплоть до международного. При этом, все формы общения есть не что иное, как продукты длительного исторического развития, хотя они имели место практически с момента возникновения человеческой цивилизации и в современном мире получили широкое распространение в силу их целесообразности.

Как веление времени общение и его формы в большей мере осознаются как потребность и необходимость. Потому что общение и его виды, начиная с межэтнического, межрелигиозного, культурного, политического представляют стратегию адаптации ее народа. В долгосрочной перспективе такие стратегии, как правило, являются реакцией на преобразования экономического, технического и

¹ Цыганков П.А. Международные отношения.- М.: Новая школа, 1996.

² Делягин М.Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. -М., 2003.-С.21.

политического характера и, как таковые, не могут долго оставаться неизменными. При этом, например, перемены в сфере международного общения являются реакцией на развитие социально-экономической, политической и технической среды, они сами, в свою очередь, формируют и выступают в роли составляющих этих сфер. Исходя из вышеуказанного можно отметить, что международное общение осознавалось как реальная потребность в развитии отношений с сопредельными народами, отношений, которые способны удовлетворить более широкие, всесторонние потребности в развитии, модернизации социо-культурных элементов, необходимости рода, этноса, в настоящее время нации, государства, региона и мира в целом.

В связи с этим можно отметить, что причины и последствия международного общения носят сложный характер, однако его основной принцип можно изложить весьма доходчиво: людям свойственно высказывать обеспокоенность в связи с непосредственными вызовами и угрозами существования и самосохранения как этноса, нации, государства.

В настоящее время международное общение является необходимостью, нежели потребностью, именно это обстоятельство делает международное общение, как и международные отношения, зачастую столь сложными и запутанными. Тысячелетиями человеческая история развивалась таким образом, что международное общение часто принимало форму военных действий, политического, экономического диктата, прямого давления одного народа на другой, оно нередко и сейчас принимает подобную форму.

Особенность международного общения и ее значимость заключается в том, что благодаря ей уменьшается расстояние и формируются взаимоприемлемые отношения между странами, нациями, происходит синтез интересов, вызовов времени к безопасности общества, государства, мира в целом. Взаимосотрудничество государств и взаимоприемлемые отношения могут быть весьма трудными и проблематичными, несмотря на это они остаются одними из первых необходимых парадигм обеспечения безопасности его видов. Необходимость парадигмы заключается в том, что:

- общение социально обусловлено и её содержание определяется требованием общества, нации, государства;
- параметрами общения выступают социо-культурные элементы и её составляющие;
- в содержательном аспекте, благодаря общению, реализовываются интересы, разрешаются путем компромиссов определенные вызовы или угрозы.

Во избежание проблематичности в международном общении необходимо предопределить различные этапы качественных параметров международного общения:

- установление контакта с той или иной страной;
- формирование взаимного доверия со структурой власти;
- наблюдение (проблемы, ресурсы, предположения, возможности, широкие контактные сети, угрозы и вызовы безопасности не только в национальном масштабе, но в условиях глобализации и т.п.);
- планирование инициатив как внезапное планирование, нежели долгосрочное, во избежание предположений;

-проведение и наблюдение за инициативами государства, которые наиболее успешно ведут реализацию своих стратегических целей и приоритетов национальной как внутренней, так и внешней политики.

При этом, для определения вышеуказанных параметров необходимо субъектам международного общения применять наиболее значимые методы, приемы и навыки, которые могут казаться полезными:

- приемы международного общения;
- методы мотивации сотрудничества;
- общение многосторонней направленности и невмешательство во внутреннюю политику;
- вмешательство в кризисное состояние для развития межгосударственного сотрудничества, оказание помощи в форс-мажорных обстоятельствах.

Международное общение как взаимодействие экономических, политических, социальных, научно-технических, религиозных, культурных отношений¹, а также отношений, которые непосредственно не являются межгосударственными, но прямо или косвенно связываются с ними. В связи с чем, вполне правомерно и научно звучит утверждение, что международное общение – эта та форма взаимодействия между различными народами, обязательным элементом которой является явное прямое или косвенное участие государственных структур в реализации через значимые связи международного сотрудничества.

Особое значение значимых связей отметил немецкий философ К.Ясперс. По его мнению, «мы суть то, что мы есть только благодаря общности взаимного понимания определяемые связями которые для нас значимые. Не может существовать человек, который был бы человек сам по себе, просто как отдельный индивид»⁶. Ясперс показал фундаментальность этого понятия для исторического процесса и современной ему ситуации. Мы, разделяя мнение К.Ясперса, который считал, что истинное бытие людей есть общение, считаем, что в наше время, когда народы всего мира вступают в соприкосновение друг с другом, открываются безграничные возможности для общения и именно общение, диалог культур и национальностей, именуемый нами как международное общение, именно оно может стать, единственным средством в развитии сотрудничества стран, нации, государств в предотвращении столкновений, конфликтов, угроз, вызовов «диалог народов, культур религий - жизненная необходимость, весьма актуален и в начале XXI в.»².

Таким образом, международное общение представляет собой целенаправленную реализацию конкретной формы, уровня и сложности политических, культурных, образовательных и других связей в страновом, государственном, региональном масштабе. Никогда не следует забывать, что любая группа, общность, осуществляющая международную связь, входит в ту или иную политическую структуру, но только государство выступает как определяющий фактор интеграционных связей. Поэтому любая попытка игнорирования роли государства в системе международного общения несостоятельна и некорректна. Роль государства как определяющего фактора международного общения трудно переоценить именно сейчас, в условиях, когда ежедневно меняются политические события, которые могут повлиять на ход мировой истории.

¹ Садохин А.П. Теория и практика международного общения. - М., 2004. –С.33.

² Салиев А. Связь времен. - Бишкек. 2007.-С.143

Международное общение осознается таковым, каким ее представляют субъекты общения, при этом международные организации, такие как НАТО, ОБСЕ, ВТО, являясь субъектами общения, могли стать реальной основой для развития международного сотрудничества.

Не вызывает сомнения, что современные межгосударственные отношения требуют упорядочения и дальнейшего развития определенных норм международного общения, и настоятельная потребность в них уже вызывает такое развитие¹. Последние события, которые произошли в ряде стран Ближнего Востока и Западной Европы, могут служить доказательством того, что международное общение есть необходимость современного мира.

Межгосударственным отношениям присущ, как и любой форме общения, коммуникативный аспект. В процессе взаимоотношений между участниками международного общения неизбежно происходит обмен информацией, включающей в себя, в частности, политические заявления и документы, информационное обеспечение экономического обмена, деятельность средств массовой информации и обмен информацией в области науки, техники, исследований и использования природных ресурсов.

Таким образом, международное общение – есть продукт социо-культурных, политических процессов. Необходимость в развитии и совершенствовании путей, параметров международного общения обусловлено стремлением все большего числа государств, нации к взаимодействию и взаимосодействию на благо обеспечения безопасности своей страны. Потребность в развитии межгосударственной интеграции и расширения международных экономических, политических, дипломатических, культурно-гуманитарных, информационных связей становится неизбежным условием современного мира.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Цыганков П.А. Международные отношения. - М.: Новая школа, 1996.
2. Делягин М.Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. - М., 2003.- 431с.
3. Садохин А.П. Теория и практика международного общения. - М., 2004. - 276с.
4. Салиев А. Связь времен. – Бишкек, 2007, 189с.
5. Михалькевич Г.Н. Этикет международного общения. М. Книжный дом. 2004. -145с.

¹ Михалькевич Г.Н. Этикет международного общения.- М. Книжный дом. 2004. -С.71.

УДК 327

*Об этапах становления сотрудничества государств
Центральной Азии с Организацией Исламского Сотрудничества*

С момента проникновения ислама в Центральную Азию в VII-VIII веках, центральноазиатский субрегион рассматривается мировым исламским сообществом в качестве исламской исторической области, внесшей заметный вклад в расцвет исламской цивилизации. Расхожие мнения относительно степени исламизации того или иного народа Средней Азии не столь принципиальны, так как регион продолжает оставаться органичной частью большой исламской культурной общности, а ислам был основой национальной самоидентификации всего его населения. В этой связи, с распадом СССР вхождение государств Центральной Азии в Организацию Исламского Сотрудничества в качестве полноправных членов было вполне ожидаемым.

В то же время, руководители стран Центральной Азии, преимущественно бывшие партийные функционеры КПСС, на первых порах не расценивали религию в качестве фактора наднациональной идентичности и основой для немедленного политического взаимодействия с этой Организацией. Наряду с определенными опасениями политизации ислама, ставшего одним из существенных факторов гражданской войны в Таджикистане, продолжался поиск точек соприкосновения с исламским миром и изучение перспектив сотрудничества в многостороннем формате. Одними из первых в ОИС в 1992 году вступили Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан, а вслед за ними Казахстан в 1995 году и Узбекистан в 1996 году.

Вместе с тем, общим для пяти новых государств стало стремление диверсифицировать внешние связи, чтобы расширить пространство для внешнеполитического маневра, чтобы укрепить суверенитет¹. Осмысливается важность исламского фактора на успешном развитии арабского направления внешней политики. Во-первых, ислам сыграл для светских режимов своего рода проводника в мусульманский мир, позволил им стать членами такой организации, как ОИК. Во-вторых, исламский фактор облегчил развитие двусторонних отношений с такими региональными акторами, как Турция, Иран, Саудовская Аравия². Определенные надежды возлагались на широкий спектр фондов и финансовых подразделений ОИС, которые могли оказать существенное содействие становлению и развитию экономик региона.

Центральная Азия была весьма притягательной для исламского сообщества, которое с интересом рассматривало новых «старых братьев», также возлагая определенные надежды и идеализируя их потенциал. С одной стороны, принятие

¹ Акказиева Г. Факторы эволюции геополитического положения стран Центральной Азии. / Вестник МГИМО. № 4. 2011.

² Там же.

новых постсоветских мусульманских государств способствовало наращиванию нового политического и культурного потенциала Организации; с другой, географическое расширение влияло также на количественный и качественный уровень проблем ОИС. Так или иначе, принятие в состав новых членов стало дополнительным стимулом для переосмысления Организацией своей дальнейшей концепции, и тема эта заслуживает отдельного изучения.

Первоначальный период сотрудничества между государствами ЦА и ОИС характеризуется взаимными симпатиями и воодушевлением, постепенно сменяясь определенными сложностями. Со стороны новых членов это было отсутствие практического опыта взаимодействия, недостаточное понимание принципов исламской многосторонней дипломатии, целей ОИС. Противоречивым для восприятия было новое «исламское» видение позиций по всему спектру международной проблематики. В свою очередь, ОИС также не стремился учитывать политические параметры и особенности новых членов, зачастую вынуждая принимать политические решения и голосовать за резолюции, противоречащие их внешнеполитическим установкам. Весь спектр политической проблематики ОИС был далеким от интересов новых государств. Страны Центральной Азии долго не относились к числу «полноценных» членов ОИС, так как радикально светские позиции правящих элит региона крайне отрицательно влияли на налаживание наших полноценных отношений не только с самой организацией, но и с ее ведущими членами¹.

По мере становления внутригосударственных элит с широким спектром политических предпочтений, уровень взаимодействия государств ЦА с ОИС также менялся. Активные контакты на первых порах, когда делегации возглавлялись главами государств и правительств сменялись до «протокольных», когда представленность на мероприятиях снижалась до уровня замминистра иностранных дел и аккредитованных послов. Надежды на немедленную экономическую помощь и инвестиционное содействие не оправдывались, так как ОИС фактически не обладал институциональным инструментарием экономического сотрудничества и интеграции,² и реальных показателей участия Организации и его институтов в стабилизации экономической ситуации не произошло. Государства ЦА осознавали, что членство в ОИС и поддержание умеренных контактов является вполне достаточным для подтверждения своей исламской идентичности, служившей основой для укрепления межгосударственных контактов с арабскими и мусульманскими государствами.

В условиях формирования новых геополитических реалий, в Центральной Азии происходит серьезный пересмотр исламского фактора во внешнеполитических приоритетах. В немалой степени, нацеленные на достижение определенного баланса и поиск политических перспектив, страны Центральной Азии друг за другом устанавливают дипломатические отношения с Израилем. Для стран Центральной Азии несомненную важность представляли лоббистские возможности Израиля, его роль своеобразного моста между Востоком и Западом, решавшие таким образом задачи выхода на необходимые контакты и структуры,

¹ Лаумулин М. Геополитические аспекты председательства Казахстана в ОИК. / Эксперт Казахстан. № 25 (316), 27 июня 2011 г.

² Додонов В. Перспективные направления экономического сотрудничества в рамках ОИК. (www.academia.edu).

помогавшие им в укреплении своего позиционирования в мировом геополитическом пространстве».¹

Внешнеполитический крен государств Центральной Азии, который сопровождается обменом посольств и интенсификацией визитов обескураживает арабский мир. Осознается факт того, что политическая элита ЦА, выбирая себе экономических партнеров и политических союзников, будет и впредь руководствоваться в первую очередь практическими соображениями, а не идеологемами, в том числе связанными с конфессиональной принадлежностью². Кроме того, в качестве аргументаций своих решений перед исламским миром дипломатия ЦА ссылается на имеющиеся «прецеденты». К примеру, подписание Кэмп-Дэвидских соглашений в 1979 году и военно-политический союз Турции с Израилем.

Вхождение в состав ОИС новых центральноазиатских государств вновь актуализировал главную проблему Уммы - отсутствие исламской солидарности, став дополнительным стимулом для переосмысления Организацией своих подходов к взаимодействию с новыми государствами-членами. Многие дипломаты Центральной Азии согласятся с мнением о том, что в начале 2000-х годов Генеральный секретариат ОИС практически перестал требовать каких-либо обязательств от стран-членов, в том числе по принимаемым резолюциям. В настоящее время, в своей деятельности ОИС старается обходить проблемы, способствующие дальнейшей дезинтеграции. Своей главной задачей ОИС видит в сохранении, хоть и формального, единства Уммы. Организация ставит задачи поиска более эффективных механизмов взаимодействия и пытается охватывать наиболее важные и злободневные аспекты жизни государств-членов.

Подходы ОИС к странам ЦА отразились и на подходах арабских и исламских государств. Стало очевидным, что стремление мусульманских государств привести отдельные принципы ислама во взаимоотношения между государствами пока малопродуктивны.³ Таким образом, в двустороннем сотрудничестве исламский фактор перестал быть доминирующим - как не отвечающий стратегическим задачам, уступив место экономическому сотрудничеству, хотя по большей части, «дозированному». Тактической задачей стало применение «мягкой силы»: культурно-техническое содействие, открытие вузов и создание исламской инфраструктуры путем задействования фондов развития и благотворительных организаций.

Положительные изменения в исламском сообществе после Мекканского Саммита в 2005 году, который стал отправной точкой реформирования ОИС, сумели определенно повысить авторитет Организации в глазах политических элит ЦА. Найдя отражение на концепциях сотрудничества государств ЦА с ОИС, которые «не могут не учитывать важность мусульманского аспекта внешней политики», укрепление связей с ОИС стало «дополнительным фактором

¹ Месамед В.И. Израиль – страны Центральной Азии: два десятилетия диалога. / Институт Ближнего Востока и Израиля. 02.05.2012 г.

² Малащенко А. Новые ориентации Центральной Азии и Россия. Коппитерс, Б., Ремакль, Э., Зверев, А. (ред.). Этнические и региональные конфликты в Евразии. Том 3: Международный опыт разрешения этнических конфликтов. - Москва: Весь мир, 1997.

³ Донцов В. Ислам в международных отношениях. – Москва: Научная книга, 1997.

укрепления независимости, суверенитета и территориальной целостности»¹ государств. ОИС рассматривается в качестве дополнительной площадки для выноса и обсуждения актуальных проблем государств ЦА.

Беспрецедентное сближение Центральной Азии и ОИС демонстрирует проведение СМИДов ОИС в Душанбе под председательством Таджикистана в 2010 году и в Астане под председательством Казахстана в 2011 году. Обобщая некоторые скептические оценки этой активности, утверждающих, что «внешняя политика и задачи некоторых центральноазиатских государств в отношении ОИС не до конца сформулированы»,² стоит согласиться с мнением о том, что исламское сообщество - не абстрактное понятие, как может показаться. В более конкретном представлении члены ОИС - это сами страны Центральной Азии и его ближайшие соседи, связанные между собой жизненно важными интересами³. Активное участие стран Центральной Азии в делах ОИС являются также усилиями влиять на ее деятельность с целью отеснить «монополию» других государств-членов и переориентировать внимание Организации на более понятные и актуальные проблемы для центральноазиатского региона. К примеру, участие в ряде специализированных мероприятий Организации по водной проблематике и принятие «Водного видения ОИС» в 2013 году⁴ весьма актуально в урегулировании региональных противоречий.

Как видится, общие для стран ЦА проблемы и задачи всецело совпадают со стратегическими задачами Кыргызстана, будь то система региональной безопасности, урегулирование водных проблем или противодействие международному экстремизму и терроризму, требуя разработки внятной концепции дальнейшего сотрудничества с ОИС. На практике, сотрудничество с ОИС становится весьма индивидуальным для каждого из государств ЦА и зависит от конкретных стратегических задач: одни государства смело формируют концепцию взаимодействия с ОИС, а другие доверяют политике «равноудаленности», опасаясь дополнительных рисков «исламской угрозы».

Однако государства ЦА в подходах по сотрудничеству с ОИС упускают более важный и существенный момент — необходимость укрепления внутрорегионального согласия и «центральноазиатской солидарности». Выступление в общеисламских делах единым политическим блоком значительно оправдывает индивидуальные усилия перед общими судьбоносными задачами центральноазиатского субрегиона. Что касается стратегической задачи ОИС, то сохранение в странах региона модели рациональных взаимоотношений государства и религии, достаточная основа для членства центральноазиатских государств в Организации.

Список использованной литературы:

¹ Вопросы сотрудничества Казахстана и ОИК: факторы, направления и возможности. Казахстанский центр гуманитарно-политической конъюнктуры. 07.06.2013 г.

² Тойганбаев А. У нас идеальная революционная ситуация. / Интернет-газета ZonaKZ. 07.04.2011 г.

³ Из интервью Постпреда РК в ОИС Б.Батыршаева. /Ислам в СНГ. 24.05.2012 г.

⁴ «OIC Press Release on the World Water Day» 22.03.2013 (www.oicun.org).

1. Акказиева Г. Факторы эволюции геополитического положения стран Центральной Азии. / Вестник МГИМО. № 4. 2011 г.
2. Донцов В. Ислам в международных отношениях. – Москва: Научная книга, 1997.
3. Додонов В. Перспективные направления экономического сотрудничества в рамках ОИК.(www.academia.edu).
4. Лаумулин М. Геополитические аспекты председательства Казахстана в ОИК./ «Эксперт Казахстан» №25 (316), 27 июня 2011 г.
5. Малашенко А. Новые ориентации Центральной Азии и Россия. Коппитерс, Б., Ремакль, Э., Зверев, А. (ред.). Этнические и региональные конфликты в Евразии. Том 3: Международный опыт разрешения этнических конфликтов. Москва: Весь мир, 1997.
6. Месамед В.И. Израиль – страны Центральной Азии: два десятилетия диалога. /Институт Ближнего Востока и Израиля. 02.05.2012 г.
7. Тойганбаев А. У нас идеальная революционная ситуация. / Интернет-газета ZonaKZ. 07.04.2011 г.
8. Из интервью Постпреда РК в ОИС Б.Батыршаева. Ислам в СНГ. 24.05.2012 г.
9. «OIC Press Release on the World Water Day» 22.03.2013 (www.oicun.org).

Elvira Kalmurzaeva,
Master of Arts in Political Science and Security (Central Asia)
OSCE Academy in Bishkek
Junior Public Officer in International Organizations and Security Department
Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic

УДК 327.3

Post-Soviet Kyrgyzstan's National Ideological Discourse

Annotation: This article is an abstract from Master Thesis “POST-SOVIET KYRGYZSTAN’S NATIONAL IDEOLOGICAL PROJECTS: EXPECTATIONS OF SOCIETY IN THE CASE OF SCHOOL TEACHERS.” It briefly analyzes post-Soviet Kyrgyzstan’s ideological projects introduced mainly by the presidents’ office since 1991 till today.

Introduction

Since the collapse of the USSR, the notion of “ideological vacuum” became a popular political trend in post-Soviet space. Post-Soviet Central Asian countries have attempted to introduce various sets of national identities and state ideologies since their early independence days. This process had own features and differed from country to country. However, monuments of national heroes or presidents were erected, the importance of national languages was emphasized over and over, and the Soviet names of the streets were renamed almost in all countries. According to the government officials, these state ideologies aimed to solve such issues as disintegration of the society, disunity and promote allegiance to newly established state.

Post-Soviet Kyrgyzstan’s national ideological discourse has characteristics of a project, produced on the top level and imposed on society. Every president of Kyrgyzstan tried to symbolize own power with new national ideological project. According to scholars more often these projects were controversial and ambivalent, political elite attempted to create a national identity based on ethnicity and citizenship simultaneously.¹ Ideological slogans such as “Kyrgyzstan is our common home,” “Kyrgyzstan is the country of human rights,” and yet celebrations of the 2200th anniversary of Kyrgyz Statehood, which aimed to praise the greatness of Kyrgyz titular nation generated heated debates among political elite and scholars. Successful state building more often associated with presence of the strong national ideology.² However, there is no clear definition of what strong national ideology is and how it has to be produced.

In this article I examine how post-Soviet Kyrgyzstan ideological discourse changed since 1991. I mainly operate with Benedict Anderson’s “politically imagined community” constructivist approach and Roger Brubaker’s “nationalization” concept to

¹ Damira Umetbaeva, “Official Rhetoric and Individual Perceptions of the Soviet Past: Implications for Nation Building in Kyrgyzstan,” *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe and Central Asia* 4, no 1, (2015), 76.

² Asel Murzakulova and John Schoeberlein, “The Invention of Legitimacy: Struggles in Kyrgyzstan to Craft an Effective Nation-State Ideology.” *Europe-Asia Studies* no. 61(7) (2009): 1230.

frame my analysis and focus on domestic factors only, more specifically how change of political power, represented by presidents, impacted on ideological discourse.

Post-Soviet Kyrgyzstan's Nation Building

Nation building relies on politics, sentiments, aspirations and ideological discourses. Anderson considers nation as “an imagined political community,”¹ where national identity is constructed and rooted in people’s historical experience; there is no need for physical contacts; it is a shared sense of belonging, an abstract imagination of being a part of a particular identity. Collective memory, language, culture are considered to be as important foundations of the nation, which may be constructed by political actors through their policies. A historical experience of Kyrgyzstani nation is rooted in their Soviet past, which also impacted on the way how society perceives own national identity and how this identity was created by politicians. Another perspective on post-Soviet nation building is provided by Brubaker: he claims that new independent states have not reached to the point to be considered as “genuine nation-states” and refers “to the unfinished and ongoing nature of nationalist projects and nationalizing processes.” The collapse of the Soviet Union created “organizational shells”; however, it “had to be filled with national content.”²

Nationalization process in post-Soviet space is launched from top to bottom; presidents are considered as the main producers of ideological projects in Kyrgyzstan. They build own power and authority on national identity and national values, promote widely while addressing to people. The national ideological projects are part of the “nationalizing” process, produced by political elite, as an official discourse and mainly transmitted to society via education and mass media. According to Murzakulova and Schoeberlein, national ideology in post-Soviet Kyrgyzstan defines “the moral and practical relationships between state and society, between leader and population,” it is seen as “the social order,” which ties all members of the society together.³ National concepts on ideologies, festivals, decrees, and various state initiatives related to national identity are considered to be as national ideological projects.⁴ Askar Akayev, Kurmanbek Bakiev and Almazbek Atambaev’s ideological discourses have shaped post-Soviet Kyrgyzstan’s national identity.

Askar Akayev

Akayev was the first president to fill in “organizational shell” with “national content,” he was considered as “Kyrgyzstan’s main ideologue” because during his 14 year presidency he had crafted numerous national ideological projects.⁵ He started from the attempts to build “a civic based identity” over ethnicity in his early years, which was especially evident in “Kyrgyzstan our common home” national idea. It was just a slogan until December 1993, when the president issued a decree about organization of the first Kurultay (national assembly) of people of Kyrgyzstan. This national idea was one of the core elements of Akayev’s democratization reforms. “Common home” guaranteed

¹ Benedict Anderson, “*Imagined Communities*,” 2nd ed., (London, New York: Verso, 2006) 6.

² Rogers Brubaker, “Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States.” *Ethnic and Racial Studies*, 34:11 (2011): 1785-1814.

³ Murzakulova and Schoeberlein, “The Invention of Legitimacy: Struggles in Kyrgyzstan to Craft an Effective Nation-State Ideology,” 1242.

⁴ Brubaker, “Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States,” 1798.

⁵ Marat, “National Ideology and State-building in Kyrgyzstan and Tajikistan,” 10.

universal rights and freedoms to all ethnicities in the country. However, the importance of the titular nation was also emphasized:

*“...Kyrgyz are the main ethnoses in this land; they are backbone and heart of people of Kyrgyzstan... vital engine in cultural genesis of the republic.”*¹

Interethnic harmony was considered not only as an ideological motto, but as an essential aspect of statehood. This ideological project apart from Kurultay included establishment of the Assembly of People of Kyrgyzstan, which united 26 cultural centers all over the country and contributed to the construction of the post-Soviet Kyrgyzstan's national identity. In 1993 as a result of joint agreement between presidents of Russia and Kyrgyzstan Kyrgyz-Russian Slavic University was established. Seven years later National Parliament and President approved the decision to give Russian a status of the official language of the Kyrgyz Republic.

Another Akayev's national ideological project was based on literature character, legendary hero Manas. In 1995 country just went over difficult economic, political reforms, there were first signs of optimistic democratic future; the ideological project based on values of Manas ancestor served as an additional “moral empowerment factor.”² According to Akayev, Manas is “a genetic code, which was underbuilt centuries ago,” and Kyrgyz people found the very first foundations of their national consciousness in their historical roots. The noble features of the national hero played significant role in “the historical formation of Kyrgyz nation,” and he was presented as a role model for younger generation.³ The massive popularization of Manas and the Epic “Manas,” the world's longest folklore work, started with celebration of the 1000th anniversary of the Epic on August 25-30, 1995. International symposium with participation of UNESCO and famous scientists from 30 countries was the initial activity of the celebrations. The memorial complex “Manas Ordo” was built in Talas, a hometown of the national hero, where on 29th of August huge international festival was held. In addition, first president organized a third summit of Turkic speaking states and invited presidents of Azerbaijan, Kazakhstan, Uzbekistan, Turkey and Turkmenistan.

On March 17, 2002 six demonstrators were killed by local police during the protests in Aksy, southern part of Kyrgyzstan. They were requesting for the release of one of the MPs Azimbek Beknazarov, who was imprisoned because he was found guilty in corruption, while he was a prosecutor in Jalal-Abad oblast. Another reason for protests was a rumor about unfair delimitation of borders between Kyrgyzstan and China. As a result of these tragic events number of high level government officials and ministers had to resign; Kurmanbek Bakiev, who was a Prime-Minister back then, also had to leave his position. Aksy events negatively impacted on Akayev's reputation as well, some even were demanding his resignation.⁴ On May 22, 2002 Akayev addressed to the citizens through national TV Channel and proposed another national idea “Kyrgyzstan – the country of human rights”. He proposed a new ideological project, which could

¹ Askar Akayev, “Kyrgyzstan our common home,” *Kyrgyzstan: Na puti stanovleniya nezavisimosti: Izbrannye vystupleniya i rechi Prezidenta Kyrgyzskoi Respubliki Askara Akaeva* (Bishkek: Uchkun, 1995), 91.

² Akayev, *supra* n 40, 177.

³ *Ibid*, 178.

⁴ Ukulyay Bestai, “10 years since Aksy events in Kyrgyzstan”, Radio Azattyk; <http://rus.azattyq.org/content/aksy_kyrgyzstan_akaev_bakiev_beknazarov/24517258.html> (accessed August 31, 2015)

incorporate with previous “common home” notion and his democratization process.¹As for practical back up Akayev proposed to Jogorku Kenesh (National Parliament) work out a Democratic Code for Kyrgyzstan, and set up a Council of Democratic Security, the latter should be “responsible for the democratic values in politics and in society.”² President also spoke about necessity to develop “a cult of human rights;” therefore, another suggestion was introduction of a position of Ombudsman, who has to be called as “National Commissioner on Human Rights.”

Besides officially declared national ideas, Akayev, during his presidency, organized nation-wide festivals, such as the 3000th anniversary of the city of Osh, 2200th anniversary of Kyrgyz Statehood and devoted some years to the specific nationalizing projects. One of the bright examples is a celebration of the 2200th anniversary of Kyrgyz statehood on 31st of August 2003. Celebration of the 3000th anniversary of the city of Osh allowed Akayev gain popularity in the South, while promoting the historical age of Kyrgyz statehood he tried to strengthen national consciousness and receive international recognition.

Kurmanbek Bakiev

Bakiev was not known for loud national slogans and campaigns; at the beginning he disregarded production of the national ideological projects, instead emphasized the importance of economic reforms and anti-corruption measures. In addition, he attempted to legitimize own power by using regional division into South and North.³ Unlike Akayev, Bakiev delegated production of the national ideological projects to a separate body; thus, on December 30, 2005 he signed a decree about establishing a special working group to develop a concept of the national idea. State Secretary, as a head of this body, was officially responsible for production of these ideological projects. This group consisted of politicians, academicians, and NGO representatives. According to Laurelle, Bakiev along with other political elite took nationalistic path to strengthen own power.⁴ While addressing to Jogorku Kenesh about National Development Strategy he emphasized the necessity to protect, as well as put more efforts to revive Kyrgyz culture and traditions:

*“Our strategic goal is preservation and development of Kyrgyz people, its state, culture and language.”*⁵

Dastan Sarygulov was the first State Secretary under Bakiev to chair this working group. During his service as a State Secretary, he proposed Tengrism – religion of ancestors, as a national ideology to unite people of Kyrgyzstan.⁶ Tengrism was often used as a criticism of Islam, the way to define “a genuine religion of the Kyrgyz,”⁷ it was a response to globalization, which aimed to preserve the authenticity of Kyrgyz people.

¹ Askar Akayev, “Kyrgyzstan our common home,” *Kyrgyzstan: Na puti stanovleniya nezavisimosti: Izbrannye vystupleniya i rechi Prezidenta Kyrgyzskoi Respubliki Askara Akaeva* (Bishkek: Uchkun, 1995), 226.

² Ibid, 227.

³ Marat, “National Ideology and State-building in Kyrgyzstan and Tajikistan,” 9.

⁴ Marlene Laruelle, “The paradigm of nationalism in Kyrgyzstan. Evolving narrative, sovereignty issue, and political agenda.” *Communist and Post-Communist Studies*, no.45 (2012): 42.

⁵ Kurmanbek Bakiev, “Nasionalnaya Ideologiya Est Nujny Tolko Trud i Soglasie,” *Poslaniy Prezidenta K. Bakieva Narodu Kyrgyzstana, Slovo Kyrgyzstana*, no. 104 (2006)

⁶ Marat, “National Ideology and State-building in Kyrgyzstan and Tajikistan,” 46.

⁷ Ibid.

Sarygulov claimed that Tengrism calls for social justice, equality, friendly attitude towards the environment and tolerance; he believed that these universal values and principles may be used in state ideological discourse as well.¹ According to Murzakulova Tengrism was an ideology “free of Islam;” Islamization of Kyrgyz people was also considered as a result of globalization. The revival of the ancient religion related to revival of the lost identity.² Tengri God and nature were the vital components of this religion; however, Sarygulov claimed that Tengrism is more than religion, it is a world outlook. Year later Sarygulov was replaced by Adahan Madumarov and working group started developing an official document, a concept of national ideology of Kyrgyzstan. Tengrism was not mentioned after Sarygulov left the office, nor did it have any impact in future ideological discourse.

Madumarov, former journalist, as a State Secretary contributed to the creation of the comprehensive national concept “Development through unity.” He proposed to avoid the term “ideology”, instead use “nationwide idea;” moreover, he argued that production of national ideologies has to be from top to bottom, since civil society and political parties are not mature enough to work out one by themselves.³ Apparently, president’s administration was the one, which was on top of political parties and people. State Secretary during the presentation of the concept stated that it is the best alternative they had; it is “a synthesis of national and democratic values,” the national ideology is based on rule of law, unity, patriotism, freedom and tolerance. Furthermore, the working group agreed to develop Kyrgyz language, as a language of interethnic communication.⁴ “Kyrgyzstan is my homeland” became a national slogan of this national ideological project. Despite that these guidelines were based on constitutional principles and democratic values Madumarov was harshly criticized for “his clumsy formulations and incoherence.”⁵ Several phrases throughout the concept were stressing the significance of Kyrgyz people, for instance such formulations as: “State sovereignty, independence is the main wealth of Kyrgyz people,” mostly referring to the ethnicity, rather than multinational society.⁶ This type of ethno-nationalistic rhetoric evoked negative attitude of other ethnicities towards this state body. The concept itself was never published after, and in 2009 the working group, as well as the position of the State Secretary were dissolved.⁷

¹ Dastan Sarygulov, "Kyrgyzstan's state doctrine would benefit from Tengriism...", CentreAsia information agency; <<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1122371520>> (accessed August 31, 2015)

² Murzakulova and Schoeberlein, “The Invention of Legitimacy: Struggles in Kyrgyzstan to Craft an Effective Nation-State Ideology,” 1241.

³ “A presentation on Kyrgyzstan’s nationwide idea named “Development via Unity” was hold yesterday, Public Rating information agency; <<http://www.pr.kg/old/archive.php?id=18686>> (accessed August 31, 2015)

⁴ Aliya Moldaliev, “Razvitie cherez edinstvo,” Slovo Kyrgyzstana, no. 25 (2007)

⁵ Marat, “National Ideology and State-building in Kyrgyzstan and Tajikistan,” 46.

⁶ Elena Avdeeva, “White Steamboat: Adakhan Madumarov and his favorite rakes”, Ar-Namys political party’s official website; <<http://www.ar-namys.org/read/454.html>> (accessed August 31, 2015)

⁷ Marlene Laruelle, “The paradigm of nationalism in Kyrgyzstan. Evolving narrative, sovereignty issue, and political agenda.” *Communist and Post-Communist Studies*, no.45 (2012): 42.

National ideological projects under Bakiev's presidency shifted from civic identity to ethnic; it was done to gain support of political elite and maintain own power.¹ However, ethno centric Kyrgyz patriotism did not allow him to stay in power for a long time; small demonstrations within his five years grew into another revolution in April 2010. April Revolution was a sign of people's dissatisfaction of government's performance, their desperate economic conditions, poor social services pushed them into the Ala-Too Square to protest against the regime.

Almazbek Atambaev

New presidential elections were held in October 2011, where Almazbek Atambaev, leader of the Social Democratic Party of Kyrgyzstan, won with 62.52% of votes. Atambaev's ideological discourse represented a mixture of Akayev and Bakiev's national ideas, it is a combination of civic and ethnic identities, striving for unity, and yet proclaiming Kyrgyz as uniting ethnos and fundament of Kyrgyz statehood. The current president highlights the "ownership" of the titular nation, meaning that Kyrgyzstan is a country "of and for" Kyrgyz people; and there is "state action needed to strengthen" their cultural heritage, such as language and traditions. Thus, contradictory and ambivalent ideological approach was taken by Atambaev resulted in vague and abstract ideological discourse.

There are three main ideological values Atambaev rests upon his discourse: unity and stability, Kyrgyz culture and Manas. After Bakiev's failure with special state body and position to be responsible for production of national ideological projects, he did not risk to set up another one. Instead, his contribution to nationalizing process was represented by decrees and concepts he adopted. In his inauguration speech Atambaev quoted Article 60 of the Constitution, stating that "President represents unity of the people and the government."² In addition, ideology of united country was the main priority of his political program, when he was running to the office.³ After he became a president, every year, Atambaev addresses to the public to commemorate victims of Aksy events and April Revolution, and each time he calls for stability and unity. Since 2012 these two values are repeated in all of his statements dedicated to the anniversaries of March and April revolutions.

*"We shall justify people's hope and ensure unity of people, as well as territorial integrity. Safeguard stability, peace and harmony in the country."*⁴

More often he considers stability and unity as a foundation of democratic state:

*"Our goal is to build democratic and prosperous Kyrgyzstan. Therefore, we should preserve peace and stability in the country."*⁵

In addition to his statements there are two national concepts worked out under his presidency, which are explicitly elaborating on unity of people in the country. First is the National Strategy on Sustainable Development for 2013-2017⁶, and the second is the Concept of strengthening the unity of people and interethnic relations in the Kyrgyz

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Collection of political programs of presidential candidates:
<http://diesel.elcat.kg/lofi/version/index.php?t9417156.html>

⁴ Atambaev, March 22, 2012

⁵ Atambaev, March 22, 2013

⁶ The text of the National Strategy for Sustainable Development 2013-2017
<http://www.president.kg/ru/news/ukazy/1466_tekst_natsionalnoy_strategii_ustoychivogo_razvitiya_kyrgyzskoy_respubliki_na_period_2013-2017_godyi/>, <accessed August, 02,2015>

Republic. National Strategy on Sustainable Development for 2013-2017 is one of the extensive documents Atambaev has adopted as a president.¹ The 118 pages long (Russian version) Strategy includes all sectors and proposes specific measures to implement, in order to build a democratic state with stable political system, and sound economy, where people's rights and freedoms are ensured. The document states that stable future is possible with identification of set of values shared by the majority of society. This Strategy responds to "the most urgent social, political, economic, ideological, regional and ethnic issues," with ultimate aim to preserve and strengthen Kyrgyz statehood and national security.² The third chapter of this Strategy is devoted to the "Unity of nation", which promotes concept of "Kyrgyz Jarany" (Kyrgyzstani citizens) and emphasizes the importance of the civic identity. The main obstacles to interethnic accord are absence of efficient language policy and lack of system regulating interethnic relations at the central and local levels. The document promotes democratic principles by guaranteeing social, economic, cultural and political rights of citizens, ensures social cohesion, respects historical and cultural background of the people of Kyrgyzstan, aims to form "a new generation of "tri-lingual" Kyrgyzstanis, that can speak the state, official and one of the international languages, while guaranteeing preservation of mother tongues of ethnic minorities," at the same time considers Kyrgyz language as "one of the most important fundamentals of consolidation of the society."³

Another document, adopted by the president is the Concept of strengthening the unity of people and interethnic relations in the Kyrgyz Republic, which was worked out to implement the third chapter of the National Strategy. It also promotes civic based identity and prevents interethnic conflicts; moreover, it is based on the same principles as the Strategy.⁴ In addition, in 2013 Atambaev issues a decree on Special Status of the Assembly of the People of Kyrgyzstan. He gave to the Assembly a status of the consultative body to cooperate with state entities and ethno-cultural centers and contribute to the implementation of the above mentioned concepts.

Another pillar upon which Atambaev bases his ideological discourse is the importance of the titular nation. He initiated series of decrees to develop Kyrgyz language, popularize studies of Kyrgyz history and contribute to the revival of national traditions. For instance, on January 27 2012, he issues a new decree on "*Measures to deepen the study of historical and cultural heritage of the people of Kyrgyzstan and formation of civic patriotism.*" The aim of this decree is to consolidate people on the basis of civic identity. Within this decree he initiated a special program for 2012-13, with an emphasis on celebration of the 11700th anniversary of Kyrgyz Khanate, and introduction of classes about Manas (Манасоведение) to higher and vocational education curriculum.⁵ In addition, he proposed creation of the entity "Muras" on

¹ Atambaev approved the Strategy:

<http://www.president.kg/ru/news/ukazy/1457_utverjdena_natsionalnaya_strategiya_ustoychivo_go_razvitiya_kyrgyzskoy_respubliki_na_period_2013-2017_godyi/>, <accessed August 02, 2015>

²National Strategy, 2013, 7.

³Ibid, 30-1.

⁴ Atambaev approves the Concept on Strengthening unity of people and interethnic relations:

<http://www.president.kg/ru/news/ukazy/1878_utverjdena_kontseptsiya_ukrepleniya_edinstva_n_aroada_i_mejetnicheskih_otnosheniy_v_kyrgyzskoy_respublike/>, <accessed August 02, 2015>

⁵ Atambaev signs a decree on deep investigations of historical and cultural legacy of Kyrgyz people:

historical and cultural legacy of the people of Kyrgyzstan and State Commission under the President of KR on development of historical science and publication of schoolbooks on Kyrgyz history. These two bodies were established by another decree on April 25, 2012.¹

Year later Atambaev issues another decree on *Development Measures of the State Language and Improvement of the Language Politics in Kyrgyzstan*. Language politics is one of the priority areas of the National Strategy for Sustainable Development. Within this decree Atambaev signs the National Programme of the Kyrgyz Republic for 2014 - 2020 for the development of the state (Kyrgyz) language and improvement of the language politics. Furthermore, he initiates a creation of the working group on the state language, which is in charge of popularization of the Kyrgyz language.² Atambaev started raising issues of the state language in his first years of presidency, he urged Ministry of Education to provide books in Kyrgyz language to set up a suitable environment to learn it:

*“Citizens of each country must know the state language... learning the state language has to be mandatory, and start from kindergarten, from the first year of every school. We need to start it already on September 1st 2012.”*³

This August, during the Third Congress of Education Personnel, Atambaev once again emphasized the importance of teaching state language at schools:

“If we want our children to live comfortably in Kyrgyzstan, we have to do our best to teach them state language, at least at the household level... knowledge of the state language and history forms sense of belonging to the one nation of Kyrgyzstan.”

Moreover, he declared that teaching of the state language is “a task of national importance.”⁴

The spirit of the national hero was not leaving alone Atambaev as well; Manas is a popular national symbol, to whom he liked to refer so often. However, in comparison to Akayev, Atambaev back in 2006 was not happy about Seven Covenants of Manas and criticized the first president for his attempts to base his national ideological discourse upon mythical character.⁵ Suddenly his attitude changed in 2011, while he was a Prime-Minister of the Interim government, they dismantled a monument of Liberty in the Ala-Too Square, and instead of her erected a 17 meter tall statue of Manas. In the official opening ceremony Atambaev claimed that this monument will bring “happiness, wealth,

<http://www.president.kg/ru/news/ukazy/88_podpisan_ukaz_o_merach_po_uglubleniyu_izucheniya_istoricheskogo_i_kulturnogo_naslediya_naroda_kyrgyzystana_i_formirovaniyu_grajdanskogo_patriotizma/>, <accessed August 02, 2015>

¹ Decree on establishment of committee on development of historiography:

<http://www.president.kg/ru/news/ukazy/60_prezident_almazbek_atambaev_podpisal_ukaz_ob_obrazovanii_komissii_po_razvitiyu_istoricheskoy_nauki_pri_prezidente_kyrgyzskoy_respublik_i_i_sozdanii_fonda_istoricheskogo_i_kulturnogo_naslediya_naroda_kyrgyzystana_muras/>, <accessed August 02, 2015>

²<http://www.mamtil.kg/?p=164#>

³ Atambaev, December 28, 2011

http://www.president.kg/ru/news/vystupleniya_obrascheniya/225_vyistuplenie_prezidenta_kyrgyzskoy_respubliki_almazbeka_atambaeva_na_zasedanii_jogorku_kenesha/

⁴ Atambaev, August 2015

⁵ Murzakulova and Schoeberlein, “The Invention of Legitimacy: Struggles in Kyrgyzstan to Craft an Effective Nation-State Ideology,” 1237.

unity and fraternity” to the people.¹ Later, when he became a president, in his inauguration speech Atambaev praised Manas as a national hero, whose principles and values Kyrgyz people have to inherit and pass to the next generation.

Manas became an overarching symbol of Atambaev’s binary ideological discourse. It was a physical representation of two abstract notions: unity, as a civic based identity and “Kyrgyzness,” as a vital element of the national history, which is more ethnicity based identity. This fiction character served to fill in the gaps of vague concept of “imagined community” in post-Soviet Kyrgyzstan. Manas is the conventional form of promoting nation’s cultural heritage, and yet it is more an arbitrary choice; it attempts to substitute the lack of historiographical data.

Conclusions

The analysis of post-Soviet Kyrgyzstan’s ideological discourse in case of three presidential approaches helps us to understand how national ideological projects have changed over time. Akayev was the most active ideologue of the country, introduced democratic reforms and civic based identity, as well as manipulated with ideological discourse, especially prior to presidential elections. With Bakiev in the office national ideological discourse shifted towards ethno nationalistic approach. The importance of cultural roots and traditions, mainly of the titular nation was promoted by the State Secretaries. Today, during Atambaev’s presidency it is hard to identify one specific ideological direction. It is a mixture of previous ideological projects and aspirations; however, it is the most abstract version of national identity we ever had during these 24 years. I assume, that changes in ideological discourse were directly related to interests presidents were pursuing. In first two cases national ideas were the ways to legitimize own power, in the last example with Atambaev it is unclear, since he cannot be re-elected as a president of the country; but at the same time he is not quitting his political carrier. Therefore, his abstract future reflects upon vague ideological path of the current Kyrgyzstan.

Bibliography

Akayev, Askar. *Kyrgyz Statehood and the National Epos “Manas”*. New York, NY: Global Scholarly Publications, 2003.

Akayev, Askar. *Memorable Decade*. Bishkek, Uchkun, 2001.

Akayev, Askar. “Kyrgyzstan our common home,” *Kyrgyzstan: Na puti stanovleniya nezavisimosti: Izbrannye vystupleniya i rechi Prezidenta Kyrgyzskoi Respubliki Askara Akaeva*. Bishkek, Uchkun, 1995.

Bakiev, Kurmanbek. “Our Way – Hard Work, Accord, Unity,” (Nash put trud, soglasie, edinstvo), *Slovo Kyrgyzstana*, no. 74 (2005).

Bakiev, Kurmanbek. “May Kyrgyzstan be blessed,” (Da budet blagosloven Kyrgyzstan!), *Slovo Kyrgyzstana*, no. 83 (2005).

Bakiev, Kurmanbek. “Nasionalnaya Ideologiya Est Nujny Tolko Trud i Soglasie,” *Poslaniy Prezidenta K. Bakieva Narodu Kyrgyzstana*, *Slovo Kyrgyzstana*, no. 104 (2006).

Brubaker, Rogers. “Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States.” *Ethnic and Racial Studies*, 34:11, 2011, 1785-1814.

¹<http://www.fergananews.com/articles/7069>

Laruelle, Marlene. "The paradigm of nationalism in Kyrgyzstan. Evolving narrative, sovereignty issue, and political agenda." *Communist and Post-Communist Studies*, 45, 2012, 39-49.

Marat, Erica. "National Ideology and State-building in Kyrgyzstan and Tajikistan." *Central Asia-Caucasus Institute, Silk Road Paper*, 2008, 1-93.

Murzakulova, Asel and Schoeberlein John. "The Invention of Legitimacy: Struggles in Kyrgyzstan to Craft an Effective Nation-State Ideology." *Europe-Asia Studies* 61(7), 2009, 1229-48.

Sarygulov, Dastan. "Kyrgyzstan's state doctrine would benefit from Tengriism...", Centre Asia information agency; <<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1122371520>> (accessed August 31, 2015).

Umetbaeva, Damira. "Official Rhetoric and Individual Perceptions of the Soviet Past: Implications for Nation Building in Kyrgyzstan," *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe and Central Asia* 4, no 1, (2015), 71-93.

УДК 327

***Обеспечение безопасности загранучреждений
в кризисных ситуациях***

Актуальность и необходимость выработки, внедрения в практику и дальнейшего развития систем безопасности в зарубежных представительствах Кыргызской Республики продиктованы происходящими социально-политическими изменениями на международной арене.

Ввиду появления новых вызовов и угроз, в последние годы кризисные ситуации становятся частым явлением в жизни дипломатических представительств, когда загранучреждение в силу сложившихся условий вынуждено действовать в особом режиме, отличном от нормального, ежедневного, то есть в режиме повышенной готовности.

Возникновение кризисных ситуаций для загранаппаратов, как правило, связано с нестабильной внутренней обстановкой в различных странах, увеличением числа террористических актов и захвата заложников, ростом хулиганских и провокационных действий против загранпредставительств, угрозами природного характера и т.д. Как показывает практика, заграничные учреждения в таких условиях уязвимы с точки зрения безопасности, так как средства, которыми они располагают для противодействия всякого рода вызовам, весьма ограничены.

Характер и виды кризисных ситуаций могут быть разнообразными. Они могут быть напрямую связаны с международной, региональной и внутренней стабильностью и безопасностью. Другими словами, кризисная ситуация является следствием действий различного рода факторов, в зависимости от которых такие ситуации можно условно разделить на четыре категории:

1) *Ситуации, вызываемые внешними факторами* (военные действия в различных формах, террористические акты международного и регионального характера, вооруженные вмешательства со стороны третьих стран, общее осложнение международной обстановки и др.);

2) *Ситуации, вызываемые внутренними факторами* (внутренняя нестабильность в результате столкновения противоборствующих сил, гражданская война, захват заложников, теракты против посольства или прямое нападение на него, формы государственного терроризма и т.д.);

3) *Стихийные бедствия* (землетрясения, пожары, ураганы, наводнения, сели, оползни, штормы, холода и др.), *социально-биологические* (болезни, эпидемии, эпизоотии) и *техногенные угрозы* (крупные аварии, экологические катастрофы);

4) *Нестандартные экстремальные ситуации*, которые могут и не создавать прямой угрозы посольству и его сотрудникам, но наносят значительный ущерб отношениям со страной пребывания и требуют неотложных мер.

Тем самым, для практических нужд общую классификацию кризисных ситуаций лучше всего строить по типам и видам (по признакам проявления) лежащих в их основе чрезвычайных событий, так как она раскрывает сущность явлений, происходящих при чрезвычайных событиях и в значительной мере

определяющих складывающуюся кризисную ситуацию. Помимо этого, кризисные ситуации можно классифицировать по:

1. Признакам проявления (тип и вид);
2. Характеру поражающих факторов или источников опасности (тепловые, химические, радиационные, биологические ит.д.);
3. Месту возникновения (конструктивные, производственные, эксплуатационные, погодные, геофизические и др.);
4. Интенсивности протекания; масштабам воздействия (поражения);
5. Характеру воздействия на основные объекты поражения (разрушение, заражение, затопление и др.);
6. Содержанию и характеру последствий; долговременности и обратимости последствий и т.д.

В условиях кризисных ситуаций сотрудникам загранпредставительств необходимо установить минимум знаний относительно того, как им вести себя в подобных случаях и какие требования в этой связи к ним предъявляются. Любая нештатная ситуация требует перехода к работе в особом режиме, отличном от штатного, который часто называют режимом повышенной готовности или режимом чрезвычайной ситуации. Особенность и отличие работы загранпредставительства в таких условиях от других государственных структур состоит в том, что загранпредставительство – это внешнеполитический форпост страны за рубежом и его сотрудникам приходится первыми принимать на себя удары, адресованные государству, интересы которого они представляют и защищают. В условиях экстремальной ситуации от сотрудников загранучреждения требуется быстрое и оперативное реагирование, четкое и беспрекословное выполнение указаний руководства. Это своего рода серьезный экзамен для любого сотрудника, требующий концентрации его воли, опыта и знаний. Дипломат проверяется именно в экстремальных ситуациях, как солдат в бою.

Для обеспечения безопасности загранпредставительства и его персонала на случай тех или иных кризисных ситуаций, а также предотвращения возможного материального или иного ущерба посольству, должны быть разработаны инструкции, регламентирующие деятельность загранпредставительств в экстремальных условиях, а также комплекс мер, осуществляемых на случай возникновения чрезвычайных ситуаций.

Позитивный опыт в данной области накоплен в России, который следует изучить Кыргызской Республике в плане обеспечения безопасности загранаппаратов и граждан КР в кризисных ситуациях. В первую очередь, речь идет о необходимости принятия соответствующих нормативных документов, коих в России действует два:

1. Указ Президента Российской Федерации «О мерах в случае возникновения чрезвычайных ситуаций для деятельности загранучреждений РФ и российских граждан, находящихся за рубежом»¹, в котором говорится об обстоятельствах, которые вызывают чрезвычайные ситуации, а также о принимаемых в этой связи президентом решениях — от полной или частичной эвакуации российских граждан из страны пребывания, об использовании сил и средств для такой эвакуации и

¹ Указ Президента РФ от 2 ноября 1994 г. №2058 «О мерах в случае возникновения чрезвычайных ситуаций для деятельности загранучреждений Российской Федерации и российских граждан, находящихся за рубежом».

вплоть до временного прекращения деятельности загранучреждений. В указе фактически перечисляются виды экстремальных ситуаций и факторы, их вызывающие. Так, говорится, что чрезвычайная ситуация для деятельности российских загранучреждений и граждан, находящихся за рубежом, возникает в случае крайнего обострения международной обстановки, агрессии против Российской Федерации, осуществления вооруженного нападения на страну пребывания, участия страны пребывания в международных конфликтах, ведения военных действий в сопредельных странах, крайнего обострения внутривнутриполитической обстановки в стране пребывания, экстремистских проявлений, террористических актов в отношении загранучреждений и отдельных граждан России в стране пребывания, возникновения стихийных бедствий и в иных экстремальных случаях. В указе нет классификации кризисных ситуаций и не дается их характеристика. Вместе с тем, в нем перечисляются те решения, которые принимаются главой российского государства на случай чрезвычайных ситуаций, что само по себе очень важно.

2. Постановление Правительства Российской Федерации «О комплексе мер по обеспечению эвакуации российских граждан из зарубежных государств в случае возникновения чрезвычайных ситуаций»,¹ который был разработан на основе вышеотмеченного указа. В соответствии с этим документом, координация работ по выполнению комплекса мер возлагается на Министерство иностранных дел РФ, которое обеспечивает взаимодействие министерств и ведомств, указанных в приложении к комплексу мер. Так, МИД России своевременно вносит президенту свои предложения об эвакуации российских граждан на основе оценки развития чрезвычайной ситуации в зарубежном государстве. Эта оценка, в свою очередь, складывается на основе анализа той информации, которая поступает в первую очередь из российских загранпредставительств, а также из других источников. После этого МИД вместе с другими ведомствами разрабатывает типовую схему организации эвакуации с определением очередности мероприятий, сроков их исполнения и ответственных исполнителей, а также определяет категории подлежащих эвакуации лиц и обеспечивает по дипканалам содействие властей страны пребывания, а при необходимости и третьих стран в реализации эвакуационных мер. Наряду с МИД, Министерство чрезвычайных ситуаций участвует в составлении эвакуационных планов загранучреждений и групп специалистов, а также определяет формы эвакуации (в зависимости от численности эвакуируемых и географических условий), необходимый транспорт (воздушный, морской, речной, наземный) и количество транспортных средств. Активное участие в эвакуационных мероприятиях – в соответствии со своей спецификой и предназначением – принимают Министерства здравоохранения, транспорта, путей сообщения, финансов, внутренних дел, а также Служба внешней разведки и Федеральная служба безопасности. Последние информируют правительство РФ об угрозе возникновения и развития чрезвычайных ситуаций в зарубежных странах, оказывают помощь в эвакуации и обеспечивают безопасность загранучреждений и граждан в период эвакуации.

¹ Постановление Правительства РФ от 30.12.1994 №1451 «О комплексе мер по обеспечению эвакуации российских граждан из зарубежных государств в случае возникновения чрезвычайных ситуаций» (в редакции от 08.08.2003 №476).

Кроме того, с 2007 года при Департаменте безопасности МИД РФ функционирует Ситуационно-кризисный центр, а в российских посольствах кризисные центры безопасности организованы под руководством чрезвычайных и полномочных послов. Необходимость организации центра была продиктовано увеличением роста числа террористических актов против российских граждан, учреждений и объектов за рубежом (в 2006-2007 гг. было зафиксировано более 20 таких случаев)¹. Центр занимается координацией работы всего Министерства иностранных дел при возникновении чрезвычайных и кризисных ситуаций различного характера (в случае террористической угрозы, военных действий, природных катаклизмов), а также решает вопросы срочной эвакуации граждан, оказавшихся в критической ситуации. Прежде всего, на центре лежит задача по сбору необходимой информации, ее анализу и выработке вариантов решения проблемы.

Таким образом, мы видим, что особая ответственность и большой объем работы по обеспечению безопасности представительств и граждан страны в кризисных ситуациях ложатся на загранучреждения, которые должны разрабатывать планы действий на случай чрезвычайных ситуаций и эвакуации граждан (несколько вариантов). Загранучреждения должны определять также неотложные меры на случай отражения возможных хулиганских или провокационных действий против представительства и их персонала.

При этом, посольству следует разрабатывать общие планы, предусматривающие стратегию и тактику действий всех официальных заграничных учреждений и представительств в стране пребывания на случай возникновения там кризисной ситуации. План нужен для того, чтобы каждый сотрудник загранучреждения имел четко очерченный круг обязанностей и знал, где он должен находиться в случае возникновения кризисной ситуации. Планом посольства создается оперативный штаб на случай чрезвычайной ситуации во главе с послом, который действует в зависимости от характера экстремальной ситуации и ее развития. План должен предусматривать информационную политику посольства и центра по поводу складывающейся ситуации. Эти планы должны согласовываться с Центральным аппаратом МИД и другими заинтересованными ведомствами. В планы необходимо своевременно вносить соответствующие изменения и дополнения, с учетом прогнозов развития обстановки в стране пребывания. Должна быть четкая организация осуществления этих планов и инструктирования сотрудников об их задачах, режиме работы и передвижении вне территории загранучреждения. Это необходимо потому, что когда наступит кризисная ситуация, может не оказаться времени для организации совещания и обсуждения дальнейших действий.

В случае возникновения реальной угрозы штурма здания представительства, угрозы жизни и здоровью сотрудников посольства, необходимо, в первую очередь, в целях предосторожности приступить к консервации или уничтожению архива документов, имеющих гриф секретности, а также принять решение о частичной или полной эвакуации. Решение об эвакуации принимается исходя из характера и масштаба угрозы, а также необходимости организации работы представительства с целью обеспечения Центра своевременной и объективной информацией о развитии кризисной ситуации в государстве пребывания. Например, при реальной угрозе

¹ <http://www.rg.ru/2007/07/04/centr.html>

радиационного заражения и серьезных стихийных бедствий целесообразно принять меры к полной эвакуации, а при массовых беспорядках и других актах насилия возможна частичная эвакуация. Вместе с тем, при любом развитии ситуации следует принимать все усилия для сохранения каналов связи с Центром, а также иметь отработанные схемы оповещения и связи между сотрудниками представительства.

При эвакуации крайне важно учитывать маршруты передвижения, выбор средств связи и подходящего транспорта (с учетом заторов на автомагистралях, очередей в кассах железнодорожных и аэровокзалов), возможность использования наличных или безналичных расчетов за билеты, продукты и т.д. При полной эвакуации посольства, консульства и других загранучреждений с территории страны пребывания имущество может быть вывезено либо передано на временное хранение представителю дружественного государства, действующему в стране пребывания.

В целом, организация работы в кризисных ситуациях регулируется внутриведомственными положениями и инструкциями, которые предписывают загранпредставительствам соответствующие действия в экстремальных условиях. Однако, большинство из них носит служебный характер, а потому не может быть предметом изучения в рамках данной статьи.

УДК 327

***Самоидентификация и стратегический выбор
Кыргызской Республики в глобальном пространстве безопасности***

В настоящее время народ Кыргызстана переживает «время поиска» своей идентичности. Здесь, как известно, не последнюю роль играет уровень так называемого национального самосознания - самоидентификации народа, самоидентификации каждого члена общества, самоидентификации каждого личностного «Я».

Ирония истории состоит в том, что именно поиск «себя» в 90-е годы прошлого столетия стал одним из факторов распада Великой Империи - СССР. Это было время обострения ряда неразрешенных проблем внутри огромного (по сути синтетического) общества под названием «советский народ», то и дело возникающих локальных национальных и региональных противоречий, в итоге приведших к изменению политической ситуации и началу необратимых процессов. Словно дремавший 70 лет и проснувшийся от продолжительного сна «ген» самосознания народов Великой державы разрушил навязанную мощной империей идентификацию, моделирующую новую общность - советский народ.¹

Попытка унифицировать целые пласты историко-культурологических, традиционных ценностей народов бесславно провалилась.

На смену пришла новая эпоха, новая парадигма. Для каждой из стран бывшего Союза, каждого этноса - независимо от обустройства, благосостояния или получения таких компенсаций как свобода, политическая самостоятельность, суверенитет - настала пора самоопределения.

Данный процесс, с одной стороны, характеризуется критическим переосмыслением недавнего исторического прошлого и обретением незаслуженно забытого, в частности - возрождением национальных культурных традиций, истории и языка.

Иначе говоря, речь идет о необходимости обретения конкретным государством как субъектом международных отношений самоидентификации, позволяющей наилучшим образом определить свое место в мировой системе и закрепить его доступными ему политическими и иными средствами.

Данная проблема имеет особую актуальность для всех постсоветских государств, оказавшихся в сложной ситуации поиска наиболее адекватной имеющимся условиям альтернативы развития.² Распад Советского Союза и потеря Россией как его системообразующим ядром прежнего положения одной из двух «сверхдержав» поставила руководство страны перед необходимостью выработки принципиально нового внешнеполитического курса, наилучшим образом

¹ Ногойбаева Э.К проблеме самоидентификации современного кыргызского народа.

² Sherman W. Garnett. The Strategic Challenge of Kazakhstan and Inner Asia//Thinking Strategically. The Mayor Powers, Kazakhstan and the Central Asian Nexus/Ed. by Robert Legvold. The MITPress, Cambridge - London, 2003. P. 218- 222.

отвечающего ее национальным интересам и реалиям современного мирового развития.¹ Еще более сложной эта задача представляется для большинства государств бывшего СССР, вынужденных в условиях фактического отсутствия традиций национальной государственности решать сходные задачи в «агрессивной» внешней среде 90-х годов XX-го столетия.

Этот процесс осложнился вследствие жесткого дефицита времени и ограниченных ресурсов, что нашло отражение в особенностях формирования внутренней и внешней политики, включая создание институциональной базы реформ. В полной мере данное положение можно отнести к государствам Центральной Азии, включая Кыргызскую Республику.

Процесс, начавшийся свыше десяти лет назад, продолжается до сих пор. Трудности объективного характера, испытываемые народами региона на пути обретения собственной национально - государственной идентичности² в значительной степени осложняются привнесением субъективных факторов. Необходимость учета динамично изменяющейся мировой конъюнктуры порождает определенную непоследовательность в проводимой новыми национальными элитами политике, что порой негативно влияет на «кредит доверия» по отношению к ним внутри и за пределами этих стран.

Значительная часть трудностей, переживаемых на современном этапе молодыми национальными государствами, вызвана отсутствием научно обоснованной базы реформ. В большинстве случаев отсутствует полноценный анализ переживаемого страной этапа, предлагаемые обществу цели стратегического и тактического развития нередко отличаются аморфностью и расплывчатостью определений. В сочетании с отсутствием конкретных позитивных перемен это порождает декларативность прокламируемых целей в общественном сознании, что приводит к их «отторжению» населением. Подобная ситуация активно эксплуатируется политической оппозицией в целях дискредитации правящих режимов, что еще более осложняет процесс выработки решений, адекватных реалиям международной ситуации.

Оправданным выглядит мнение, что «К созданию нового политического и административного режима общество не было подготовлено. Революции не предшествовала эпоха Просвещения... Для профессионального осмысления путей

¹ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий//Внешняя политика и безопасность современной России (1991- 2002)/Под ред. Торкунова А.В. М.: РОССПЭН, 2002. Т.1, С. 20-30Р. Купер. Россия, Запад и глобальная цивилизация//Россия и Запад в новом тысячелетии. Между глобализацией и внутренней политикой//Под ред. С. Медведева, А. Коновалова, С. Ознобишева. Гармиш-Партенкирхен, Европейский Центр исследований по проблемам безопасности им. Дж.Маршалла. С.38-39; L.N. Klepatskii. The New Russia and the New World Order//Russiabetween East and West. Russian Foreign Policy on the threshold of the Twenty - First Century/Editor Gabriel Gorodetsky. FrankCass. London-Portland, OR. 2003. P. 3-12.

² Bert G. Fragner. "Soviet Nationalism":An Ideological Legacy to the Independent Republics of Central Asia//Identity Politics in Central Asia and the Muslim World. Nationalism, Ethnicity^and labour in the Twentieth Century/Ed. by Willem Van Schendel and Erik J. Zürcher.I.B. Tauris Publishers, London?- New-York. 2001.P. 23-29.

переустройства советского общества условия так и не сложились. События опережали рефлексию».¹

Данная задача и сейчас остается чрезвычайно актуальной для государств Центральной Азии. Начиная с конца 90-х годов, в них предпринимаются попытки осмыслить и обосновать отдельные направления государственного строительства, включая область внешней политики. Стало традицией, что внешнеполитический курс страны представляется в ежегодных посланиях Президентов народам и парламентам своих стран.

В Кыргызстане, как и в других странах региона, происходят процессы самоидентификации и выбора политических ориентиров развития, осуществляются государственно-политические, социально-экономические, правовые преобразования, ведется поиск своего места в формирующихся региональных системах взаимодействия. В этих условиях мировые игроки стремились и стремятся сейчас выстраивать собственные подходы к проведению своего курса в регионе, при необходимости осуществлять прямое политическое и военное давление на государства Центрально-Азиатского региона, в том числе и на Кыргызстан.

Научный и практический интерес представляет уже накопленный определенный, хотя и неоднозначный опыт Кыргызской Республикой как государством, которое самым активным образом пыталось осуществить демократизацию всех сфер своей жизнедеятельности.

Тем не менее в реальном социально-экономическом и политическом развитии Кыргызстана наблюдаются довольно противоречивые процессы в связи с попытками использования западной модели демократизации и реальным формированием власти на основе родоплеменных и регионально-территориальных конструкций проведения политики на международной арене «по всем азимутам».

В конечном итоге подобного рода развитие противоречивых процессов вызывает обострение целого комплекса конфликтов в действующей, достаточно неустойчивой системе становления государственности, ее неоднозначном влиянии на характер внутренней политики и проведение многовекторного курса на международной арене.

Нельзя не учитывать также, что в Центральной Азии столкнулись геостратегические интересы России, США и Китая, там проявляется их растущая конкуренция за установление политического влияния, контроля над рынком и ресурсами. И в этой ситуации требуется ускоренная разработка долгосрочной взвешенной стратегии, нацеленной на усиление присутствия России в Кыргызстане и регионе в целом.

Интересы влиятельных внешних игроков к Центральной Азии связаны главным образом с возможностью проникновения в регион с целью эксплуатации богатых стратегических минерально-сырьевых и энергетических ресурсов стран Центральной Азии (уран, золото, нефть, природный газ), вовлечения данной группы государств в единую международную транспортную инфраструктуру как моста, соединяющего, например, европейские страны с быстрорастущими

¹ Кожокин М.Н.. Политическая культура и трансформация государственных институтов на постсоветском пространстве. // Демократия и становление независимой государственности в Кыргызстане. Материалы между. конференции / Под ред. М.Ю. Абдылдаева и М.Н. Омарова - Бишкек, 2001. - с. 38.

экономиками Восточной Азии (Китай, Республика Корея, Япония) и Южной Азии (Иран, Пакистан, Индия). Особые масштабы приобретают устремления США, западноевропейских государств и НАТО в целом закрепить как в Кыргызстане, так и в других странах региона свои политические и военно-стратегические позиции, попытки оказывать определяющее влияние на их внутренний и внешнеполитический курс.

Россия в этой связи стремится активизировать свои усилия на данном направлении, используя не только военно-политические, но и социально-экономические и информационные способы и средства. Для дальнейшей отработки инструментария применения данных методов требуется проведение дополнительных фундаментальных научных исследований в области геополитики, геоэкономики, глобалистики, политологии в целом.

Россия в отношении Кыргызстана в силу не только культурного и геополитического его положения, но и необходимости более эффективной реализации своих установок объективно заинтересована в большей степени в укреплении стабильности и устойчивого положения в нашей стране. Только в такой ситуации появятся дополнительные возможности, например, для вложения финансовых ресурсов в реальную экономику Кыргызской Республики при условии предсказуемости и ответственности политического вектора руководства государства.

Несмотря на проводимую многовекторную политику, есть определенные основания утверждать, что центральноазиатские страны СНГ в значительной степени связывают укрепление интеграционного взаимодействия в основном с многосторонними объединениями Содружества Независимых Государств. Хотя на этом пути возникают немалые трудности, связанные с реализацией ранее подписанных программ и соглашений, как, например, это произошло в ЕврАзЭС в результате появившихся проблем внутреннего развития участников организации и нехватки финансовых и материальных ресурсов.

Также большое влияние оказывается особым характером отношений между кыргызским и русским народами, складывавшихся на протяжении полутора веков их совместной истории. Россия сыграла важную роль в истории народа Кыргызстана. Актуальность этого посыла особенно возрастает в наше довольно напряженное время, насыщенное вызовами и угрозами глобального, регионального и национального масштаба. Характер развития нынешних процессов ведет к возрастанию потребности друг в друге, когда стороны постоянно нуждаются в поддержании взаимных контактов между собой.

Особую значимость в этой связи приобретает вычленение состояния и перспектив развития всего комплекса внутренних процессов, дальнейшего формирования государственных структур Кыргызстана, существа политики во всех измерениях, в том числе и на международной арене. Главное состоит в том, чтобы попытаться определить, по какому пути развития пойдет - с учетом сложностей, социальной и общественной специфики - Кыргызстан, какие здесь возможны корректировки приоритетов в его внешней политике.

События последних лет показали, что подлинная трансформация политической системы Кыргызстана с его центральноазиатской спецификой, отвечающая интересам его народа, может происходить в первую очередь в условиях интеграции с внешними политическими силами, заинтересованными в сохранении республики как самостоятельного суверенного государства. Истинным

партнером на этом пути может выступать не только достаточно сильный игрок как на региональном, так и на глобальном уровне, но и близкий по духу и устремлениям друг и соратник. Только такой партнер понимает специфику населения страны, его ментальность, сложившиеся традиции и исторические особенности. Таковым для Кыргызстана является Россия, а также страны-участницы региональных организаций, таких как СНГ, Таможенный союз, ОДКБ и ШОС, а в перспективе Единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз.

Особое положение Кыргызской Республики определяется не только тем, что она находится на стыке транспортных путей из Китая в Центральную Азию и Европу и обладает значительной минерально-сырьевой базой, но и близостью к Афганистану, наркотрафику, к существующим радикальным исламским движениям. Все это предопределяет необходимость проявления особого внимания к внутривнутриполитическим и социально-экономическим проблемам Кыргызской Республики.

Как представляется, в современной политологии в той или иной мере существует определенная недооценка центральноазиатского фактора и фактора Кыргызстана как одного из привлекательных объектов в регионе, что, соответственно, каким-то образом сказывается на всем комплексе центральноазиатского вектора внешней политики. Важное значение поэтому имеет обоснование ключевого тезиса о том, что только Россия, учитывая масштабы ее экономического и геополитического потенциала, в современных условиях способна взять на себя роль локомотива дальнейшего экономического развития стран Центральной Азии, чтобы таким образом более эффективно противодействовать проникновению в регион других внешних игроков. Тем более что для России Центральная Азия становится сейчас особым регионом, поскольку обеспечение добрососедских и подлинно равноправных отношений позволит добиться того, чтобы Россия играла ключевую роль в обеспечении там экономического и научно-технического прогресса, то есть ту, которую она играла начиная со второй половины XIX века и в XX веке вплоть до распада СССР.

Рассматривая эволюцию государства один из наиболее значимых элементов самоидентификации стран региона, следует отметить, что для этого необходимо выработать приемлемые императивы их развития, способные удовлетворить как ожидания со стороны проживающего в них населения, так и международной арене.

Для этого необходима оценка сути современных процессов глобализации и тех изменений, которым подверглось государство под их воздействием.

Если обратиться к классическим работам, то мы увидим, что традиционные теории международных отношений, исходя из силы и возможности отдельных государств влиять на внешнюю среду, подразделяют их на пять категорий: сверхдержавы, великие державы, средние державы, малые державы (государства) и мини-государства.

Наибольший интерес представляет анализ характера поведения и возможностей малых государств, поскольку все страны Центральной Азии подпадают под это определение. Существуют разнообразные количественные и качественные характеристики малого государства. Основным синонимом малого государства, исходя из его ограниченных возможностей, является «слабое

государство». В свою очередь, имеются разнообразные определения слабости государства и «слабого» государства.

«Слабые государства составляют самую многочисленную группу и являются собой весьма пеструю картину. Именно по этой причине трудно найти для них общий знаменатель за исключением одного - их общая относительная слабость».¹

Основное место в комбинации количественных показателей, позволяющих отнести государство к той или иной группе, занимает количество проживающего в нем населения в сочетании с ВВП. Вследствие этого, внутри группы слабых государств выделяется две подгруппы: «развитых слабых государств» и «неразвитых слабых государств». К первым относят страны с ограниченным населением и высоким уровнем ВВП; для вторых типична прямо противоположная картина - большое население с низким уровнем ВВП.

Вспомогательную роль в этом также может выполнить масштаб территории, объем и качество природных ресурсов, количественный состав армии.

Существенную роль в корреляции понятия малого (слабого) государства призваны сыграть и качественные характеристики. Среди них - низкая военная мощь, ограниченный уровень вовлеченности в мировую политику (локальный и/или региональный), оборонительное поведение в отношении с большинством государств, призванное обеспечить стратегию его выживания. Сочетание всех этих количественных и качественных признаков позволяет отнести к группе малых все государства СНГ, за исключением Российской Федерации. Россия, (по формальным признакам) из разряда «сверхдержав» перешла в категорию «великих государств», включающую Китай, Японию, Францию, Германию, Великобританию.

Исходя из разброса мнений в том, что следует понимать под термином «малое государство»,² наиболее справедливым, выглядит его определение как слабого государства с небольшой территорией, ограниченными возможностями для самостоятельного выживания и соответственно, малым масштабом интересов и незначительными средствами воздействия на внешнее окружение. Современные Кыргызстан и Таджикистан, как и подавляющее большинство государств мира, подпадают под эту характеристику.

Краткая характеристика желаемых ориентиров эволюции государства на пути к полноценной самоидентификации государств Центральной Азии в глобальном пространстве позволяет перейти к оценке требуемой для этого стратегии.

Ее прототипом, по нашему мнению, должна стать стратегия *устойчивого развития*, реализуемая ООН при поддержке национальных правительств.

Однако, в отличие от программ ООН, в области устойчивого развития, она должна опираться преимущественно на внутренние ресурсы, которые могут быть лишь *дополнены* внешней помощью. Иначе она может быть обозначена как *национальное устойчивое развитие*, имеющее основой выработку и практическую

¹ Handel Michael. Weak States in the International System. FrankCass: London, 1981. P. 35.

² Сетов Р. Основные категории в исследовании международных отношений//Введение в теорию международных отношений/Под ред. А.С. Манькина - М.: издательство МГУ. 2001. С. 44.

реализацию долгосрочных программ, направленных на решение первоочередных нужд населения на основе внутренних резервов.¹

Особенно актуальным данное положение выглядит для государств Центральной Азии, в которых вопросы массового обеднения населения и разрушения внутренних социальных структур определяют задачу сохранения своей независимости.

Реализация стратегии *национального устойчивого развития* позволит странам Центральной Азии органично соединить в своей политике указанную выше триаду национальных интересов, локальных особенностей и международного опыта. Выполнение данной программы затрудняется наличием внешнего долга и ограниченностью ресурсов государств Центральной Азии. В то же время, ситуация не выглядит катастрофической. Зависимость от международных финансовых организаций, может быть со временем преодолена путем повышения экономической составляющей внешнеполитического сотрудничества в региональных организациях и альянсах. При этом немаловажно, что значительная доля их участников представлена странами переходной экономики с аналогичными задачами. Это обуславливает единство целей экономического развития, встающих перед ними. Участие в них таких «гигантов» как Россия и Китай дает определенную надежду на успех подобного рода начинаний. Путь к этому открывается через реализацию взаимовыгодных экономических проектов, усиливающих их «вес» в международном окружении.

¹ Более подробно концептуальные основы стратегии «национального устойчивого развития» и ее принципиальные отличия от стратегии ООН описаны в книге: Омаров Н.М. Национальное устойчивое развитие как определяющий компонент современных стратегий международного развития//Национальное устойчивое развитие, № 1 (1), 2003, С. 5-7.

УДК 325.254.4

***Беженцы и онтологическая безопасность страны
в свете конструктивизма***

Ключевые слова: беженцы, конструктивизм, социальная работа, Республика Таджикистан, Э.Гидденс, онтологическая безопасность

Краткая аннотация: В статье автор рассматривает влияние беженства как социально-политического явления на онтологическую безопасность страны. Выявляются перспективные направления использования данных конструктивизма в изучении явления беженства. На основе теоретического анализа автор выдвигает ряд практических рекомендаций по совершенствованию работы с беженцами в Республике Таджикистан.

Одним из ключевых понятий теории социального конструктивизма в политологии выступает понятие онтологической безопасности. Политическая идентичность тесно связана с онтологической безопасностью, как совокупностью факторов, поддерживающих ее и не позволяющих развиваться социально-политическим процессам в направлении трансформации или разрушения политической идентичности.¹

Теория политической идентичности в конструктивизме, как парадигме политологии, во многом основана на концептах социологии знания, которые изложили Петер Бергер и Томас Лукман в книге «Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания».² Их позиция такова, что идентичность выступает одним из механизмов упорядочения, пространственно-временного движения содержания социальной реальности, что социальная реальность есть нечто, создающееся на основе наших представлений, разговоров об этом, нашего анализа его природы, сопоставлений друг с другом через интеллектуальные усилия в составление понятий, используемых для их определения. Другими словами, социальную реальность формирует человеческая традиция. Необходимо отметить, что строят социальную реальность сами авторы, они же действуют в зависимости от нее. Так как данные традиции и их последствия формируют политическую идентичность, это становится причиной их сбережения или же изменения и существует такое мнение, что политическая идентичность влияет на структуры и становится причиной формирования или изменения пределов идентичности, что имеет важное значение в данном понимании. Мы не должны забывать, что в силу скоротечности происходящего, беженцы руководствуются привычной для них

1 Гидденс Э. Модерн и самоидентичность / Реф. Е.В. Якимовой // Современная теоретическая социология: Э. Гидденс. Реферативный сборник/ Под ред. Ю.А. Кимелева. Серия "Социология". - М.: ИНИОН РАН, 1995.

2 Бергер П., Лукман Т. Конструирование социальной реальности. - М.: Наука, 2003.

традицией, образом жизни. Более того, следование традиционному в их привычной среде, поведению, для беженца выступает средством преодоления стресса. С другой стороны, так как реальности жизни являются одним из видов реальности, факты которых составляют особые случаи, язык является одной из важных систем факторов в формировании политической идентичности, вместе с тем, язык и речь на переговорах так же имеют важное значение¹.

В основе идентичности лежат механизмы различения и отождествления. Идентичность возникает из сравнения Я и Другого, Мы и Они. При этом Другой-Иной может априорно определяться и как Враг (К.Шмитт), и как Друг (Ж.-Ж. Руссо). Идентичность призвана свидетельствовать об определенном онтологическом и воображаемом статусе субъекта, будь то индивидуальное или коллективное Я. Сам процесс идентификации является сопряжен с самоописанием, самоопределением того, кто идентифицируется. Однако, если самописание осуществляется, в основном, через когнитивные механизмы и систему знаний и представлений, то самоопределение безусловно затрагивает эмоциональную сферу и опирающиеся на нее оценки. Особенность политической идентичности, как и основанной на ней субъектности в том, что она имеет субъективно-ролевой, функциональный, сконструированный характер. Формирование идентичности как символической системы предполагает использование как обыденного языка, так и специфического языка науки и идеологии. При этом семантическое пространство соответствующих слов может быть чрезмерно широким. Расширение смысла соответствующих слов, видение за ними того, что не подразумевалось первоначально автором текста, достаточно часто встречающаяся ситуация в работе с беженцами. Более того, идеологические органы стран-реципиентов нередко идут на такое расширение сами и, причем, осознанно. Это хорошо видно на материалах для беженцев в странах ЕС. Последнее приводит к возникновению первоначально герменевтических конфликтов и разрывов, которые затем могут объективироваться, через недопонимание смысла высказываний авторами, в препятствия к достижению консенсуса на переговорах и даже к возникновению материализованных конфликтов.

Одним из первых, кто ввел конструктивизм в политическую науку, является Н. Онов. Свои взгляды он изложил в книге «Созданный нами мир», вышедшей в 1989г. В ней он показал роль правил в структуре мира. С его точки зрения невозможно самостоятельно и непосредственно вмешиваться в мир, все человеческие действия формируются в социальной среде и там же приобретают смысл. Именно данное структурирование смысла в какой-то мере воздействует на структуру политической реальности.

Философские корни конструктивизма восходят к воззрениям Конта и лингвистической теории Витгенштейна, где теоретики данного течения уверены в том, что языковые структуры формируют нашу социальную реальность. Основной ценностью «конструктивизма» является утверждение, что без существования внешней реальности невозможно объективное познание мира в качестве некой структуры, с позиции совмещения смысла и меж интеллектуального понимания в многостороннем порядке.

Конструктивизм видит политику в онтологическом смысле как взаимосвязи и

1 Бергер П., Лукман Т. Конструирование социальной реальности. - М.: Наука, 2003.- С.173.

противоположности между политическими авторами, которые определяются сами как созданные и сформированные материальной мощью автора, его положением в системе стратификации, менталитетом и культурой, ценностями и т.д. Центром внимания конструктивизма являются нематериальные параметры политической действительности, структурированность реальных событий, опора на взаимодействие структуры с авторами, значение идентичности в формировании понимания авторами таких понятий, как угроза, безопасность и роль закона в урегулировании управления и общественных связей.

Теория конструктивизма является мостом в споре между позитивистами и поспозитивистами. Данная теория переместила центр дискуссий о политике с гносеологии к онтологии. Конструктивизм строится вокруг таких понятий как проекты, смыслы, правила, образы. Выводы конструктивизма основываются на воздействии истории и социума на политические явления. На этой основе мир является общественным, больше чем материальным.

Теория конструктивизма отрицает значение анархии в политических отношениях и процессах. Понятие анархии в смысле отсутствия каких-либо рамок для государств и отдельных личностей, не стоит защиты. В каждом политическом обществе существуют рамки. Центральная власть создает эти рамки, однако рамки не есть лишь источник действий. В то время как от общества ожидается взаимодействие и сотрудничество, это означает, что в нем в частном или общем виде признаются определенные рамки взаимоотношений, на основе которых развиваются как политические и социальные, так и межличностные отношения. Пребывая в стране, беженец, обычно не знает рамок, существующих в ее конкретном мезо и микросоциуме. В свою очередь, местное население тоже обычно имеет отдаленное представление о том, как правильно построить отношения со своими новыми соседями. Как правило, это заканчивается взаимным недоверием, а порой и открытой агрессией в отношении друг друга. Задача социальных органов, работающих с беженцами, соответственно предотвратить возникновение подобных ситуаций. К сожалению, в настоящее время, в Таджикистане, отсутствуют какие-либо программы по работе с микросоциумами, направленные на выстраивание и поддержание отношений с беженцами.

Понятие «онтологической безопасности», введенное в психологию Лайнгом, в социологии обозначает присущее людям чувство безопасности, упорядоченности и правильности их жизни. Наиболее отчетливо это чувство ощущается в случае устойчивой личной идентичности, не изменяющейся с течением времени.

Онтологическая безопасность, тревоги и угрозы являются важными основными составляющими теории человеческого бытия Э.Гидденса. Э. Гидденс считает, что «с онтологической точки зрения безопасность означает иметь в наличии ответы на уровне бессознательного и сознательного, действовать в интересах сущностных вопросов, задаваемых всем человечеством на протяжении всей жизни».¹

Можно также обратиться к другому, более ясному определению Э. Гидденса, по поводу онтологической безопасности: «Онтологическая безопасность является тревогами и опасениями, дающими индивиду возможность и позволяющие защититься от всех видов условий и ослаблений, которые способны угрожать в

1 Э.Гидденс. Социология. - М., 2009.

будущем».¹

Онтологическую безопасность, согласно концепции Э. Гидденса, составляют четыре компонента. Во-первых, это рутинная практика социальных действий, связанная с ситуациями выбора и социального творчества, ход которой определяет онтологическую основу повседневности индивида. В традиционных обществах онтологическая схема задавалась традицией, которая не предполагала возможности поливариантного будущего. Во-вторых, это вопрос конечности человеческой природы и осознание человеком своей конечности. Третья составляющая – интерсубъективность: "эмоционально-когнитивное обнаружение другого в процессе индивидуального развития". По Э. Гидденсу, это - ключевой элемент, как для самоидентификации личности, так и для восприятия внешних объектов как тождественных и непрерывных. Четвертая составляющая онтологической безопасности – становление самоидентичности, которую Э. Гидденс определяет как "постоянное чувство непрерывной духовной и телесной личности"². Самоидентичность, или тождество "Я", не является неизменным набором личностных черт и склонностей, которые проявляются в индивидуальных действиях; самоидентичность поддерживается с помощью личностной саморефлексии относительно биографии: в условиях современной социальной жизни автобиография составляет ее ядро.³

Ситуация беженства, следуя логике Э. Гидденса, представляет прямую угрозу онтологической безопасности конкретной личности и группы. Подобная ситуация вызывает напряженность во всех элементах онтологической безопасности по Гидденсу, причем, зачастую она приводит к их разрушению. Произойдет ли замена утраченных элементов онтологической безопасности, во многом будет зависеть от успешности интеграции беженца в новую социокультурную среду. В том случае, если оправдается негативный прогноз, то личностная система беженца будет обладать деструктивной направленностью уже в отношении социума страны-реципиента.

Для многих государств актуальной выступает проблема беженства, Таджикистан не является исключением. Республика Таджикистан выступает одной из основных стран-реципиентов для афганских беженцев. Поток их создает значительные напряжения как в сфере материального обеспечения беженцев, так и в их интеграции в таджикское общество. При определенной схожести таджикского и афганского социума, различия между ними принципиальные и затрагивают сущностные стороны функционирования общества. Как следствие, беженцы в Таджикистане изначально находят в ситуации деликвентности, выражаемой различными способами. Беженство, кроме очевидных проблем сегодняшнего дня, создает ряд проблем «отложенного действия». Угроза онтологической безопасности — одна из них.

Беженцы являются носителями сформированной этнической и государственной, религиозной и социальной идентичности. Социализация большинства из них уже завершена, так как средний возраст беженца около 30 лет.

Государства-реципиенты не проводят обычно какой-либо специальной работы по ресоциализации. Тем самым беженцы остаются носителями своей прежней

1 Там же. - С.70.

2 Там же. - С.74.

3 Там же. - С.101.

культуры и идентичности. Зачастую же эта идентичность противоречит идентичности страны-реципиента и ее граждан. Совместное проживание большого числа беженцев совместно с гражданами страны, приводит к распространению их идентичности среди коренного населения, даже в отсутствии вербальной коммуникации, через механизмы социальной символизации и импринтинга.

Механизмы социальной символизации участвуют и в формировании социальных стереотипов коренного населения в отношении беженцев, их культуры, религии и образа жизни. В кризисном обществе распространенной, в политическом сознании и политической идентичности, как его продукте, становится «негативная конверсия», при которой ведущими выступают элементы негативной идентичности, в то время как позитивные образы и установки, а также оценки, размываются и нивелируются. Картину существенно усложняет то обстоятельство, что позитивная идентичность также может определяться через негативные образы: «Мы - не такие... и поэтому лучше...». В данном случае уместно использовать предложенную Б. Ньюкомом категорию «негативная референтная группа», которая уточняет самнеровское понятие «внешняя группа». Политическое поведение регулируется действиями и позитивных, и негативных референтных групп (первыми подражают, вторые вызывают протест и сопротивление, но при этом формируют новые группы и способствуют их интеграции в ходе конфликта)¹. В силу очевидных различий между ними, такие стереотипы содействуют возникновению напряженности в отношениях коренного населения и беженцев, с одной стороны, и выступают угрозой онтологической безопасности страны-реципиента, с другой. Эксплуатация ограниченного числа взаимосвязанных и постоянно повторяющихся «символов веры» сочетается с упрощением символики и ритуалов, которая претендует на создание всеобъемлющей универсальной картины мира. При всей простоте и доступности, основные положения идеологии не должны подвергаться угрозе практической проверки и должны основываться на историческом авторитете ее источника. Данная система идей провозглашается вечной, в противном случае возникает угроза ее самоликвидации. Допускается и претензия на тотальный контроль над жизнью своих сторонников. В этом смысле доктрина политического ислама становится достаточно эффективной и приемлемой. Образ «врага», который ассоциируется с образом сторонника евроцентризма и евроинтеграции, помимо деструктивных функций, выполняет и конструктивную функцию, способствуя консолидации вокруг базовых ценностей данной группы и ее лидеров и преодолению имеющихся внутренних разногласий. Отношение к представителям другой политической ориентации как к врагам включает в себя психологическое неприятие, отторжение, предполагает агрессивность поведения, направленного на умаление или даже устранение противника. Это проявляется в разговорном языке, в системе образов, стереотипов, идеологических шаблонов и штампов, которыми оперирует массовое сознание. Используется конфронтационная лексика. Все неприемлемое для данной группы приписывается противоположной стороне, способствуя «канализации» существующих проблем, сохранению и консолидации

1 Никлаус А.А. Социокультурные ценностные основания как регулятивный компонент трансформации политического процесса постсоветской России. Автореф....канд. полит. Наук. - М., 2013. - 28с.

групповых ценностей.¹

В основе любого социального действия, включая и действие политическое, лежит определенная система ценностей, разделяемых лицом. Индивидуальная система ценностей личности не совпадает в полном объеме ни с соответствующей системой ценностей, подразумеваемой ни религиозной, ни социальной, ни этнической, ни политической идентичностью. При этом вполне возможна и такая ситуация, что система ценностей нескольких идентичностей подразумевает совпадающие ценности. Например, патриотизм как ценность, может входить в ценностную систему как этнической, так и социальной, и государственной идентичности. Для беженцев ситуация осложняется тем, что практические работники государственных органов и социальных служб страны-реципиента практически ничего не знают о ценностной системе конкретного беженца. Практически целесообразно было бы, на наш взгляд, проводить изучение мотивационно-ценностной системы личности беженца еще до принятия решения о его статусе, в момент регистрации после пересечения границы и принимать решение о статусе с учетом диагностических данных.

Избежать угроз онтологической безопасности возможно при выполнении двух условий. Первое. Обязательное проведение программ ресоциализации с беженцами, обеспечение их работой хотя бы на условиях неполной занятости с обязательным включением в состав коллектива коренного населения, обеспечение посещения детьми беженцев школ. Второе. Решение вопроса о пребывании на территории страны и получении статуса беженца должно решаться с привлечением данных о ресоциализации лица, о его заинтересованности в интеграции в новую социокультурную среду, об освоении им языка коренного населения, изучении истории страны и ее права.

Список использованной литературы.

Бергер П., Лукман Т. Конструирование социальной реальности. - М.: Наука, 2003.- С.173.

Гидденс Э. Социология. - М., 2009.

Гидденс Э. Модерн и самоидентичность / Реф. Е.В. Якимовой // Современная теоретическая социология: Э. Гидденс. Реферативный сборник/ Под ред. Ю.А. Кимелева. Серия "Социология". - М.: ИНИОН РАН, 1995.

Никлаус А.А. Социокультурные ценностные основания как регулятивный компонент трансформации политического процесса постсоветской России. Автореф....канд. полит. наук. - М., 2013. - 28с.

Соловьев А.И. Противоречия согласительных процессов в России //Полис. - 1996. -№ 5.

1 Соловьев А.И. Противоречия согласительных процессов в России //Полис. - 1996. -№ 5.

УДК 327.8

***Влияние глобализации на развитие
Новых Независимых Государств***

После распада Советского союза резко повысилось стратегическое значение новых суверенных стран Центральной Азии, обладающих огромными запасами нефти, газа, урана, золота и других полезных ископаемых. Эти республики стремились стать независимыми от России, развивать паритетные политические и экономические контакты с другими странами. За короткий срок они установили дипломатические отношения с большинством государств мира, стали членами ООН и других международных организаций, подписали сотни межгосударственных договоров и соглашений, вступили в весьма сложные торгово-экономические связи с более чем 90 странам мира. Однако в течение всего периода независимости отношения между республиками региона остаются весьма сложными и развиваются непоследовательно при одновременном действии двух противоположных тенденций: интеграции и дезинтеграции.

Межрегиональные и межотраслевые противоречия когда-то единого народнохозяйственного комплекса, ранее компенсировавшиеся из союзного бюджета, автоматически трансформировались в межгосударственные. На участках узбекско-кыргызской, узбекско-таджикской и узбекско-казахстанской границ, где они не демаркированы и не имеют характера международно признанных, возникли не утихающие и сегодня пограничные споры и конфликты. В конечном счете, ближайших соседей развели разнотипность моделей экономических и политических реформ, конкуренция за иностранные инвестиции и лидерство в регионе, несовместимые региональные и международные амбиции их руководителей, временами различные позиции по отношению к СНГ и России. Эти противоречия порождены геополитическими особенностями Центральной Азии. Так, ее богатые природные ресурсы оказались в замкнутом транспортном пространстве с ограниченными выходами на мировые рынки и сравнительно слабо развитой сетью коммуникаций, главным образом внешних (многочисленные альтернативные газопроводы существуют пока лишь на стадии проектов). К этим особенностям относятся и другие факторы: стремление новых государств к экономической самостоятельности и их экономико-транспортная привязанность к России; искусственный характер межгосударственных рубежей; значительные людские ресурсы (более 60 млн чел.) и нехватка кадров, весьма усилившаяся в результате миграции русскоязычного населения; огромные водные ресурсы в горных районах и острейший дефицит воды; перенаселенность и недостаточность жизненного пространства особенно в Ферганской долине (до 500 чел. на 1 кв. км) при огромных пустынных территориях. Данные факторы в значительной степени усугубляются серьезными просчетами в экономической политике, нарастанием социального недовольства, массовой безработицей, обнищанием населения, бесконечными спорами между странами, обострением борьбы за передел

собственности, возросшей активностью террористических организаций и наркодельцов.

С 1991 года новые государства Центральной Азии пытались развивать интеграцию на своем региональном уровне. Россия сначала была наблюдателем, а с 2004 года стала членом Организации «Центрально-Азиатское сотрудничество» (ОЦАС), однако эта структура не добилась впечатляющих успехов на почве интеграции; провозглашены цели и задачи, но сроки и обязанности сторон остались не определенными. Были разработаны программа и стратегия развития центральноазиатской интеграции, но не существовало плана мероприятий с указанием конкретных исполнителей и сроков реализации. Имеются достаточные основания считать их скорее договорами о намерениях, поскольку реальная экономическая интеграция стран не прослеживается. В связи со вступлением Узбекистана в ЕврАзЭС смысл отдельного существования ОЦАС (другие его государства также представлены в ЕврАзЭС) потерял свое значение, поскольку она недавно интегрировалась во вторую.

Этому предшествовало вступление в ОЦАС России, оставшееся почему-то практически не замеченным. В итоге получилось, что «на одном поле» оказались две структуры с одними и теми же участниками и примерно одинаковыми задачами. Это предопределило одновременность решений о вступлении Узбекистана в организацию и о слиянии с ОЦАС. Еще в 1999 году пять стран-участниц ЕврАзЭС подписали Договор о таможенном союзе и Договор о едином экономическом пространстве. Для начала предполагалось обеспечить режим свободной торговли, в частности, неприменение тарифных и количественных ограничений во взаимной торговле, введение единой системы взимания косвенных налогов, устранение административных, фискальных и иных препятствий, затрудняющих свободное передвижение товаров. Только после этого можно было переходить ко второму этапу — созданию Таможенного союза, предполагающий единую таможенную территорию, общий таможенный тариф, отмену таможенного контроля на внутренних границах, унификацию механизмов регулирования экономики и торговли.

Следует отметить, что на долю ЕврАзЭС приходится до 80% внешнеторговых операций на пространстве СНГ. Сейчас приходится констатировать, что за семь лет не только не решены таможенные вопросы, но и режим свободной торговли таковым не является. К этому времени ко всем соглашениям, которые уже действуют в рамках ЕврАзЭС (а их свыше 70), должен присоединиться (прежде всего к уже фактически действующей Зоне свободной торговли) и строго выполнять все обязательства перед партнерами. Возможно, это в какой-то степени снизит конкуренцию между Узбекистаном и Казахстаном за лидерство в регионе. До того как Ташкент начал активно сотрудничать с Москвой и Пекином, в Центральной Азии (ЦА) существовали две региональные силы: Казахстан, изначально занимавший преимущественно пророссийскую позицию, и Узбекистан, не скрывавший своих прозападных ориентиров. Сейчас столь сильного противодействия не будет, однако не следует полагать, что Ташкент признает за Астаной лидерство в экономической сфере и трения между ними сохранятся. В 2006 году был официально учрежден Евразийский банк развития с уставным капиталом в 1,5 млрд долл., при этом доля России составила 1 млрд (или 2/3 голосов), а Казахстана — 500 млн (1/3 голосов). Несмотря на то что банк учрежден Россией и Казахстаном, по своему названию и поставленным целям он весьма

значим для всех членов ЕврАзЭС. Одна из основных задач, поставленных перед банком, — содействие реализации на пространстве сообщества инфраструктурных проектов (в том числе транспортных и энергетических). Этот финансовый орган учрежден для содействия устойчивому развитию экономик стран ЕврАзЭС, а также расширения взаимной торговли и поощрения прямых инвестиций, в том числе в форме частно-государственного партнерства. При этом на территориях России и Казахстана банк освобождается от любых налогов, сборов и пошлин (за исключением платы за конкретные виды обслуживания). После расширения ЕврАзЭС, в условиях глобализации и усиления взаимозависимости, в международном сообществе существенно возросла актуальность реальной интеграции экономических, финансовых, производственных и людских ресурсов стран ЦА для совместного решения общих для региона задач трансграничного характера, возрождения Аральского моря, развития внутрирегионального сотрудничества и установления взаимодовверительных отношений. Общие бассейны рек Сырдарья и Амударья связывают государства ЦА в целостную экологическую систему. Первостепенная задача — выработка единой для региона водно-энергетической стратегии. На территориях Туркменистана, Узбекистана и Казахстана находится 4,3% мировых запасов газа (около 8 трлн куб. м), проложена общая линия газопровода Газли — Бухара — Ташкент — Шымкент — Алматы, позволяющая поставлять природный газ в Россию, Украину и страны Закавказья, причем объем экспорта в перспективе будет возрастать. Туркменский газ, поставляемый в государства СНГ, проходит транзитом через Узбекистан и Казахстан; в силу этого его поступление определяется свободным пространством в газотранспортной системе Узбекистана и Казахстана. В поставках газа в Европу эти страны зависят от России и Украины, но в то же время имеют возможность оказывать давление на них. В Кыргызстане и Таджикистане газовые месторождения практически отсутствуют или не разработаны; указанные государства относятся к импортерам газа, для них жизненно важны поставки природного топлива из Узбекистана. Необходимость интеграции порождается рядом актуальных экономических проблем, которые не могут быть решены странами в одиночку, что заставляет эти республики искать новые формы регионального взаимодействия, которые обеспечивали бы устойчивость развития отдельных государств в мировой экономике.

На эффективность интеграции влияют различие экономических интересов, касающихся использования общих природных ресурсов, «национальный эгоизм» при установлении тарифов и цен, сохраняющиеся многочисленные административные ограничения в расчетно-платежных отношениях и взаимной конвертируемости национальных валют, а также существенные различия в проведении социально-экономических реформ, либерализации внешнеэкономической политики, роли государства в управлении производственно-хозяйственной и финансовой деятельностью предприятий.

В регионе остро стоят военно-политические проблемы: сохранение мира и стабильности, борьба с терроризмом и религиозным экстремизмом, превращение ЦА в устойчивую зону безопасности, совместное использование природных и техногенных ресурсов. В апреле 1999 года в ходе Вашингтонского саммита НАТО Узбекистан присоединился к антироссийскому блоку ГУАМ, после чего аббревиатура ГУАМ была заменена на ГУУАМ. Между тем постепенно США предприняли действия по привлечению и других стран ЦА к расширению

сотрудничества как в военной, так и в политической сфере. В 1999 году США включили центральноазиатские республики в «зону ответственности» командования Центральной группировки вооруженных сил США (CENTCOM), которая осуществляет американские военные акции на Среднем Востоке.

Таким образом, активная военно-политическая деятельность США в ЦА резко активизировала сотрудничество России и Китая в плане усиления соперничества с США в регионе.

После 11 сентября 2001 года борьба за данный регион приобрела глобальный характер: начался новый этап его развития, связанный с более тесной интеграцией в мирохозяйственные и геополитические отношения. В Центральной Азии стратегически столкнулись интересы сильных государств. Главные «игроки» США и РФ преследуют диаметрально противоположные цели. Вашингтон, стремясь получить контроль над богатыми энергоресурсами региона, всеми силами старается предотвратить попытки Москвы вновь сплотить вокруг себя эти бывшие республики СССР.

Взаимодействие в Центральной Азии России, США и Китая — сложное переплетение: соперничество «великих» за влияние на «малых», совпадение интересов этих государств, непреодолимые противоречия, а также выработка общей стратегии во все более глобализирующемся мире. Китай в последнее время демонстрирующий не только растущую заинтересованность в сырьевых ресурсах и емких рынках сбыта ЦА, но и явные претензии на политико-экономическое влияние, прежде всего через структуры инициированной им Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

ШОС рассматривается в качестве одного из важнейших факторов обеспечения устойчивого мира и стабильности в регионе. Данное образование располагает всем необходимым, чтобы стать центральным элементом конфигурации «возвышающейся Азии». Во внешней политике России наблюдается тенденция к все большему сближению с КНР. Россия вынуждена искать точки соприкосновения со страной, которая если не сейчас, то по крайней мере в ближайшей перспективе способна выступить в роли реального «противовеса» единственной сверхдержаве мира. Именно этим обусловлено взаимодействие двух государств в рамках ШОС, основная цель которой — не допустить геополитического усиления США в Центральной Азии. Кооперация с Пекином важна для Москвы и в плане отстаивания своей позиции при урегулировании важнейших региональных конфликтов, как это имеет место при блокировании ядерных амбиций Северной Кореи и Ирана. В последнее время «китайскую карту» Россия стала разыгрывать и для усиления давления на страны Евросоюза, который пытается блокировать доступ «Газпрома» к газораспределительным сетям КНР. В связи с этим в России обсуждаются перспективы и готовится обоснование инвестиций по проекту развития инфраструктуры для наращивания экспорта голубого топлива в Китай. Пекин и Москва, интересы которых в ШОС во многом совпадают, надеются упрочить возможности контроля над ЦА, уменьшить влияние в ней Вашингтона, а также укрепить свое положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). В последнее время растущий интерес к ЦА проявляет и Европа. Вполне возможно, что через некоторое время ЕС станет «следующей силой» в отношениях ведущих держав в регионе. В борьбе за влияние на него к главным «игрокам» присоединились Турция, Иран, Индия, Пакистан и Япония, что создает новые неожиданные интересы и влияет на устойчивость развития всей ЦА. В этой борьбе

повышенную активность проявляет Япония, пытаясь «перетянуть» регион на свою сторону. В 2004 году был создан механизм диалога «Центральная Азия + Япония».

Япония готова содействовать в продвижении открытого внутрирегионального сотрудничества и предоставить государствам ЦА инвестиции, товары и технологии, а также налоговые и таможенные привилегии, связанные с импортом оборудования. Кроме того, в план действий войдут меры по упрощению доступа богатыми ресурсами региона к транспортным средствам (строительство дороги, по которой часть этих ресурсов будут поставлять через Афганистан в Индию).

Итак, ЦА находится в центре сложного переплетения интересов России, США, Китая, государств Европы и исламского мира. Все эти фигуры ведут борьбу за влияние на регион, при этом их задача — изменение векторов политико-экономической ориентации стран ЦА на себя. В то же время США и ЕС будут проводить свою политику в регионе через Турцию, Украину, Азербайджан и Грузию. Кроме всего прочего, Соединенные Штаты смогут использовать политическое влияние в регионе для контроля над поставками его энергоресурсов в Европу. США и ЕС поддерживают строительство газопроводов в обход России с юга, однако Евросоюз, в отличие от Соединенных Штатов, сам нуждается в газовых ресурсах и является конкурентом Вашингтона в ЦА. В этой связи Россия непрерывно наращивает своего влияния в данном регионе. Этот фактор оказывает существенное влияние на направленность международных экономических связей; анализ же последних важен при выработке и корректировке внешнеэкономической стратегии Москвы как стратегического партнера государств ЦА. Центральноазиатские участники ШОС вовсе не заинтересованы в том, чтобы ЦА превратилась в арену противостояния ведущих мировых и региональных держав, не желают быть пешками в чужой политической игре. Они стараются придерживаться «тонкого баланса» их интересов и рассчитывают на то, что ШОС станет структурой, которая поможет им решить практические проблемы безопасности и экономического развития. В условиях, когда официальная Москва прилагает значительные усилия для восстановления своего влияния в ЦА, она не может не испытывать «сложных чувств» по поводу наращивания Пекином своего политического и экономического присутствия в данном регионе. С одной стороны, Россия осознает, что она не в состоянии в одиночку поддерживать стабильность в Центральной Азии, с другой — ШОС позволяет России контролировать и ограничивать действия в ЦА Китая, который начинает все глубже втягиваться в региональные процессы и укреплять там свои позиции. У России и Китая становится все больше точек соприкосновения в регионе. В этих условиях возможны два сценария развития российско-китайских отношений: либо укрепление сотрудничества, либо возрастание конкуренции. И для России, и для Китая крайне важно сдерживать конкуренцию и развивать взаимовыгодное сотрудничество. Напряженность в сфере торгово-экономических связей в рамках ШОС обусловлена и проблемой лидерства. В отличие от ЕврАзЭС, Россия явно не играет здесь главной роли, по меньшей мере она «делит» ее с Китаем. Участие официального Пекина позволяет значительно расширить рамки Организации: ШОС получает возможность распространить свое влияние не только на территорию собственно КНР, но и дальше — на Юго-Восточную и Северо-Восточную Азию в южном направлении, и на Южную Азию — в западном. К тому же Китай — крупнейшее государство АТР, что ценно для развития сотрудничества и открытости участников ШОС с Азиатско-Тихоокеанским регионом. По мере

развития процессов глобализации и регионализации Китай может стать главным связующим звеном стран ЦА с АТР.

С учетом влияния глобализации на развитие новых независимых государств можно сделать следующие **выводы и предложения**:

- Экономические реформы проводятся ради того, чтобы обеспечить большую динамичность, устойчивость, стабильность и эффективность экономики и, как следствие, социального развития. Каждый положительный шаг в продвижении реформ должен был привести к позитивным изменениям. В странах ЦА получилось наоборот;

- Укрепление национального суверенитета и независимого развития одновременно с углублением взаимовыгодного экономического сотрудничества на основе совместного использования водных, энергетических и других природных ресурсов региона;

- Поиск механизмов взаимовыгодной приграничной торговли;

- Привлечение иностранного капитала в создание общей транспортной системы TRASECA (восстановление Великого шелкового пути), обеспечивающей новые выходы на ближневосточный и другие рынки;

- Использование промежуточного положения региона между Россией и крупнейшими странами мира — Китаем и Индией, а также транзитного потенциала ЦА в целях беспрепятственного поддержания партнерских отношений России с Китаем, Индией, Ираном и государствами АТР;

- Обеспечение стабильности в Центральной Азии на основе принципов стратегического партнерства как внутри региона, так и с сопредельными странами (прежде всего в рамках ЕврАзЭС и Шанхайской организации сотрудничества).

УДК 323.285

Женский терроризм в современном политическом процессе

Современный терроризм начинает представлять собой явление, приобретающее международный характер, все более часто встречающееся в политическом процессе как развитых, так и развивающихся стран. Данный феномен, будучи составной частью современного политического процесса, имеет деструктивный характер, поскольку своей главной целью ставит дестабилизацию социально-политической системы как внутри государств, так и в области межгосударственного взаимодействия.

Политический терроризм в современном политическом процессе - один из способов борьбы за власть, направленный на дестабилизацию государственных режимов посредством возбуждения у населения обеспокоенности из-за своей незащитности перед лицом насилия.

Религиозный терроризм несет в своей основе дихотомизм, поскольку терроризм, прежде всего, олицетворяет собой насилие, а религия призывает человека к миру с собой и другими. Данный вид терроризма представляет наибольшую угрозу обществу на современном этапе.[1]

В современном политическом процессе можно выделить следующие модели женского участия в террористической деятельности: социально-политическую и социально-религиозную. Первая характеризуется тем, что женщины становятся террористками по собственной воле с целью выражения политического протеста обществу и достижения социального равенства с мужчинами. Спецификой второй модели является то, что террористок в большинстве случаев принуждают к теракту представители экстремистских террористических организаций, посредством давления религиозных лидеров и психотропной обработки.

Характерными чертами социально-политической модели женской террористической деятельности являются: желание изменить политическую систему, стремление к участию в легальной политической деятельности, к социальному равенству с мужчинами, фанатическая потребность в некой политической идеи, за которую нужно бороться до конца. В террористических организациях женщины участвуют не только как исполнители терактов, но и как идеологи, стратеги и руководители. Особенности социально-религиозной модели женского терроризма являются следующие: женщины используются в террористических организациях на низовом уровне, выступая в качестве дешевого оружия, теракт осуществляется посредством самоподрыва, при этом экстремистками религиозными лидерами пропагандируется образ террористок как героинь и мучениц. Привлечению женщин в террористические религиозные организации и использование их в террористической деятельности способствуют следующие причины: они вызывают меньше подозрений у спецслужб; их легче подготовить к роли самоубийцы, так как они более управляемы, чем мужчины. Теракт, совершенный женщиной, вызывает больший пропагандистский эффект в

обществе. Участие женщин в террористической деятельности способствует низкий экономический уровень и неблагоприятные социальные условия, а также усовершенствованные методы психотропного воздействия. В террористические организации вовлекаются женщины с несложившейся жизнью, имеющие проблемы во взаимоотношениях с родственниками и окружающими. Особенностью женского терроризма является тот факт, что религиозные воззрения в меньшей степени влияют на мотивацию террористок.

Терроризм в любых формах своего проявления превратился в одну из опасных по своим масштабам, непредсказуемости и последствиям общественно-политических и моральных проблем, с которыми человечество входит в XXI столетие. Терроризм и экстремизм все больше угрожают безопасности многих стран и их граждан, влекут за собой огромные политические, экономические и моральные потери, оказывают сильное психологическое давление на большие массы людей, чем дальше, тем больше уносит жизней ни в чем не повинных людей. Кроме того, что современный терроризм принимает религиозную окраску, еще одной отличительной его особенностью является тот факт, что происходит увеличение числа женщин, принимающих участие в террористической деятельности. К сожалению, гендерный аспект терроризма, разделение ролей между мужчинами и женщинами изучен еще недостаточно. Исследование этих вопросов необходимо для понимания личности террористок, уровня значимости их статусов и распределения ролей в террористической деятельности. Изучение участия женщин в террористическом движении важно также и потому, что оно вносит вклад в исследование проблем женского участия в политической деятельности, в том числе и в совершенно особой подпольной (нелегальной) форме. В исследовании проводится анализ мотивационной деятельности террористок и преступниц, позволивший утверждать, что их поведение имеет как схожие, так и отличительные черты. Одним из отличий, является, прежде всего, стремление придания своим преступным действиям массового устрашающего и разрушительного характера, совершение которых обусловлено самыми разными мотивами. При этом сама террористка обычно предписывает себе, какую либо идеологическую мотивацию. Террористка не придает значения сохранению своей жизни, чаще всего она и не ставит такой задачи перед собой, приходя по своей воле в зону смерти, от которой обычно стремится держаться подальше преступницы. [2]

При характеристике женского терроризма как политического процесса необходимо учитывать, что возникновение и явление данного феномена обусловлено множеством факторов: экономическими, этническими, религиозными, историческими, социальными, политическими, психологическими. Нельзя сказать, что преобладает какая-то группа факторов, на увеличение числа женщин-террористок практически влияет вся их совокупность. При изучении личности женщины-террористки важную роль играют данные, включающие систему взглядов, убеждений, ценностных ориентаций, интересов, притязаний, потребностей, способов их удовлетворения, особенности интеллектуальных, эмоциональных и волевых свойств. Совокупность таких данных о личности позволяет выявить стимулы активности, побуждения, формирующие и определяющие поведение, проникнуть в мотивационную сферу.

Исследование мотивационного поведения на основе классификация Ломброзо показало, что по психологическим особенностям женщин - террористок можно подразделить на следующие типы:

•Террористки по страсти. Усиленная половая чувствительность, слабый материнский инстинкт, склонность к бродячей жизни, интеллигентность, смелость и способность подчинять своей воле путем внушения слабохарактерные существа, наконец, ее тяготение к мужскому образу жизни. Многие из них обнаруживают особенную страсть к политике, что редко наблюдается у женщин, и становятся настоящими мученицами своего патриотизма, а подчас и своих религиозных убеждений. Примером может служить биография Ульрики Майн-хоф, одной из руководителей Фракции Красной Армии, которая бросила работу, мужа и двоих детей ради участия в террористической деятельности.

•Террористки самоубийцы. Эту категорию можно разделить на две подгруппы:

1. Самоубийцы вследствие психических заболеваний.

2. Самоубийцы по принуждению.

Анализ мемуаров эсерок показывает, что большинство из них имели психические заболевания, в результате которых они становились террористками, и пытались в терактах покончить с собой.

Ко второй подгруппе, а именно к самоубийцам по принуждению, как это не парадоксально можно отнести практически всех женщин, используемых радикальными исламскими террористическими группировками. Даже если они имеют проблемы с психикой или у них имеются определенные мотивы, для того чтобы покончить с собой, например нищета, любовь, проблемы в семье, в большинстве случаев их принуждают к теракту представители террористических организаций, способствующие безнаказанному склонению женщин к тяжелейшим преступлениям. Другими словами, они заканчивают жизнь самоубийством не по своей воле, а вследствие давления и психологической обработки. [3]

Анализ структуры мотивации позволил выделить следующие типы мотивов, свойственных женщинам - террористкам: инструментальная агрессия, враждебная агрессия, защитная агрессия.

Изучив особенности поведения террористок, позволило выделить следующие типы личности: антисоциальный и асоциальный тип.

Для системного решения выявлены модели участия женщин в террористической деятельности: социально-политическая и социально-религиозная.

Первой модели характерны следующие черты: женщины по собственной воле участвуют в террористической деятельности и совершают акты террора с целью изменения политической системы. При этом совершают покушения только на тех, кого считают виновными, речь ни в коем случае не идет об убийстве случайных людей. Участие в политическом терроризме объясняется склонностью женщин к эмоциональному, а не рациональному восприятию действительности, с ее большей впечатлительностью и подверженностью фанатизму, потребностью в некоем идеале, за который можно было бы бороться до конца, влиянием всепоглощающей идеи. Удовлетворить подобные чувства и запросы как раз, и может участие в политической борьбе, в жертву которой приносится все то, что традиционно принято считать женским уделом - семья и дети. Психологи объясняют это тем, что в таких случаях проявляется совершенно особый тип женской психики, во многом несхожий с обычным. Этот тип часто приближается к невротическому строению психики и характерен тем, что в нем женщина не удовлетворяется своим полом и его особенностями, считает его чем-то малоценным, чувствует себя угнетенной им,

бессознательно (или сознательно) стремится перерасти себя как женщину, «стать мужчиной». Это выражается, прежде всего, в смене доминирующих комплексов влечений. На место пассивных сексуальных эмоций, характерных для женщины, становятся эмоции властвования, господства, расширения престижа личности, характерные главным образом для мужского характера. Перестает высоко ставиться красота, изящество, грация - те моменты, которые особенно понимаются и ценятся женщинами; на первый план выступает оценка силы, твердости. В целом ряде действий, поступков женщина пытается отмежеваться от своих женских черт.

Вторая модель характеризуется следующим: женщины используются в террористических организациях на низовом уровне, выступая в качестве дешевого оружия, теракт осуществляется посредством самоподрыва, при этом экстремистками религиозными лидерами пропагандируется образ террористок как героинь и мучениц. Привлечению женщин в террористические религиозные организации и использование их в террористической деятельности способствуют следующие причины: они вызывают меньше подозрений у спецслужб; их легче подготовить к роли самоубийцы, так как они более управляемы, чем мужчины. Теракт, совершенный женщиной, вызывает больший пропагандистский эффект в обществе. Терроризм такого рода на Ближнем Востоке давно ставил своей задачей устрашение врага, что достигалось акциями в людных местах с максимальным количеством жертв. Участие женщин в подобных террористических актах привлекает гораздо больше внимание СМИ и вызывает сильный общественный диссонанс. Экстремистам всего мира для их антигуманной деятельности понадобилось «пшечное мясо», что повлияло на привлечение женщин в качестве «живых бомб». Во-первых, женщинами легче манипулировать, во-вторых они вызывают меньше подозрений. Кроме того, женщину, которую превращают в самоубийцу, не надо обучать военному делу и методам конспирации. Фактически она выступает в роли, как ни странно об этом говорить, одноразового и дешевого оружия. Маловероятно, что женщины сыграют ведущую роль в мусульманском экстремизме, так как, ни боевым командиром, ни даже рядовым они быть не могут, эти роли отведены мужчинам. Для мусульманских женщин самоубийство - единственный путь хоть отчасти сравняться с мужчинами, разделить с ними почет и славу, то есть эти женщины используются на низовом уровне в террористических организациях.

На наш взгляд не только религия толкает женщин совершать теракты. Одним из факторов, способствующих увеличению террористок, является экономический. В Палестине, где безработица доходит до 90% среди трудоспособного населения, рассчитывать на экономическое выживание могут только те, кто допущен до распределения поступающей из-за рубежа помощи, которая, конечно же, оказывается семьям тех самых смертниц. Еще одним фактором увеличения числа террористок как уже отмечалось, является то, что теракт, совершенный женщиной вызывает больший пропагандистский эффект, чем теракты, совершаемые мужчинами: они шире освещаются средствами массовой информации, что только способствует борьбе, которую ведут крайние фундаменталисты. К тому же шахидка вызывает больше сочувствия у общества, даже когда она безжалостно лишает жизни ни в чем не повинных людей. Женский терроризм характеризуется наряду с чертами, общими для всего терроризма, определенной спецификой, которая позволяет выделять и рассматривать этот феномен в качестве относительно самостоятельного элемента терроризма. В связи с этим возрастает

актуальность изучения женского терроризма, его динамики и структуры, причин и условий его возникновения, а также обстоятельств, способствующих или препятствующих борьбе с этим негативным явлением.

Стратегия противодействия террористической деятельности в условиях становления новой государственности включает целый комплекс мер, основными из которых являются воспитание плюралистического восприятия и толерантного отношения к «иному», повышение уровня и качества жизни, смягчение межнациональных и межконфессиональных противоречий, перекрытие финансовых источников терроризма, в том числе каналов иностранного финансового потока и др.[4]

Можно выявить следующие профилактические меры по предупреждению женского терроризма:

1. Выявление и нейтрализация причин и условий террористических актов, а так же обстоятельств, способствующих их свершению.

Необходимы согласованные и скоординированные меры в социально-экономической сфере, в области образования, культуры, СМИ. Политическая и экономическая нестабильность, неуверенность в завтрашнем дне, низкая квалификация труда женщин и низкая заработная плата являются главными причинами увеличения числа женщин - террористок.

2. Выявление женщин, способных в силу их поведения и образа жизни совершить теракт, оказание на них профилактического воздействия.

В большинстве случаев теракты совершили социальные аутсайдеры, женщины с не сложившейся жизнью, испытывающие острые проблемы во взаимоотношениях с родственниками, окружающими, не могущие найти свое место в обществе.

Например, террористки, осуществившие взрыв на Пятигорском вокзале: Фатима Таймасханова, 1973 г.р., уроженка с. Аргун Шалинского района ЧИАССР, чеченка, образование 8 классов, временно не работающая, разведенная, имеющая на иждивении ребенка; Айсет Дадашева, 1963 г.р., уроженка с. Дачу-Борзой Грозненского района ЧИАССР, чеченка, образование 8 классов, временно не работающая, вдова, имеющая на иждивении трех несовершеннолетних детей.

3. Проведение информационных кампаний, образовательные мероприятия, с привлечением духовенства, с женщинами разного возраста для достижения толерантности.

4. Укрепление потенциала женщин в качестве медиаторов в республиках Кавказа в трансляции символов культуры, материнства, стереотипного

5. На мой взгляд, всем, а особенно женщинам, которые пережили чеченскую войну надо оказывать не только материальную, но и психологическую и медицинскую помощь.

6. Так же актуальным является создание различных организаций, которые будут отстаивать, и защищать женские права. Такого рода организации смогут выражать интересы различных групп женщин и станут важным средством самозащиты в обстановке экономической и политической нестабильности.

Список использованных источников и литературы

1. Алиев А. Дагестанский ученый о терроризме как угрозе национальной безопасности // РИА «Дагестан». 11 мая. 2007.

2. Викторов, В. Женский терроризм становится реальной угрозой [Текст] / В. Викторов // Военно-промышленный курьер. 2004. № 40. С. 26 [1],[2]
3. Гейфман А. Революционный террор в России 1894–1917 гг. - М.: 1997. С. 150.
4. Женщины в подполье Западной Германии // Шпигель. 1977. 8 августа. С. 22.
5. Интерфакс-Религия [Электронный ресурс]. 90% международных террористических организаций – исламистского толка, считают в ЦРУ. 29 апреля. 2005.
6. Каинский В. Кавказ: «перезагрузка терроризма». Историк Сергей Маркедонов. // Вечерний Новосибирск. 13 марта. 2007.
7. Ким, И.А. Женское участие в терроризме // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Том IX. №3.
8. Лакер, У. Интерпретации терроризма – факт, фикция и политология // Interpretations of Terrorism – Fact, Fiction and Political Science // Журнал современной истории. 1977. Январь. С. 183
9. Найт, Э. Женщины-террористки в Партии социалистов-революционеров // Рашн Ревью. 1979. №38/2 С. 144
10. Об этом подробнее см.: Стайтс Р. Феминистское движение за равноправие женщин в России. Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. Принстон.: Принстон Университи Пресс, 1978. С. 115–138.
11. Статистика террористических актов в таблицах // Памятная книжка социалиста-революционера. 1914. №2. С. 8–20.
12. Антитеррор. Национальный портал противодействия терроризму. [Электронный ресурс] // Борьба с терроризмом: объединительная идея 21 века [Режим доступа: <http://www.antiterror.ru/text/library/smi/70861851>].
13. Newsru.com: Новости в мире. [Электронный ресурс] // ФБР впервые включило в список самых разыскиваемых террористов женщину. 3 мая. 2013. Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/03may2013/fbiblacklist.html>
14. Терроризм [Электронный ресурс]: терроризм и методы борьбы с ним. Хронология террористических актов в мире. Террористические акты 2000–2010 годов. 15 февраля. 2012.

Раздел 2. Материалы научно-практических конференций

Выступление

**Первого заместителя министра иностранных дел КР г-жи Д. Кемеловой
на научно-практической конференции**

**«70 лет ООН – поддержание мира и согласия,
ответственность и будущее»**

(15 октября 2015г., Дипломатическая Академия МИД КР)

Уважаемые дамы и господа,

Позвольте от имени Министерства иностранных дел Кыргызской Республики тепло поприветствовать всех вас на научно-практической конференции, посвященной 70-летию Организации Объединенных Наций!

Также хотелось бы поблагодарить Дипломатическую Академию МИД Кыргызской Республики им. Казы Дикамбаева за организацию этой конференции и возможность обмена мнениями по обсуждаемой тематике.

В этом году мировое сообщество празднует 70-летний юбилей ООН, а также отмечает 70-летие со дня окончания самой кровавой и разрушительной в истории человечества войны, которая по сути и стала катализатором создания Организации.

ООН была учреждена с целью развития и укрепления системы международных отношений и безопасности, основанных на универсальных принципах и нормах международного права, и на таких ценностях, как признание свободы и равноправия народов. Ее учреждение вселило человечеству надежду в завтрашнем дне и стало воплощением лучших общечеловеческих идеалов и принципов.

С момента основания и по сей день роль и значение ООН в жизнеобеспечении человечества остаются незыблемыми и неоспоримыми. Организация остается единственной универсальной и наиболее легитимной структурой в области многосторонней дипломатии и межгосударственного сотрудничества.

Уважаемые дамы и господа,

С момента вступления в ООН в 1992 году Кыргызская Республика рассматривает сотрудничество с Организацией в качестве одного из наиболее приоритетных направлений внешней политики.

Кыргызская Республика всецело признает и поддерживает центральную роль ООН в поддержании международного мира и безопасности, решении современных вызовов финансово-экономического, социального, культурно-гуманитарного и экологического характера, продвижении вопросов защиты прав человека, а также укреплении дружественных отношений между странами в соответствии с принципами международного права. Мы выступаем за взаимный учет интересов и равноправные отношения между субъектами международного права, построение справедливого и демократического миропорядка, основывающегося на многостороннем подходе. Считаю, что именно такому развитию международных отношений должна способствовать деятельность Организации.

Кыргызская Республика активно взаимодействует с ООН, ее специализированными учреждениями, фондами, программами, комиссиями для решения задач в области развития демократии, продвижения прав человека, снижения бедности, экономического, социального, культурно-гуманитарного развития. На регулярной основе поддерживается политический диалог с руководством ООН. Мы приветствуем, что программно-проектная деятельность ООН ориентирована на поддержку усилий Правительства КР по проведению демократических преобразований и социально-экономических.

Мы завершаем совместную работу по реализации Целей Развития Тысячелетия ООН и сотрудничаем с ООН по вопросу адаптации и реализации в стране новых Целей устойчивого развития ООН, которые были приняты в конце сентября этого года.

Уважаемые дамы и господа,

В заключение выступления хочу отметить, что сегодня человечество проходит сложный отрезок на пути своего эволюционного развития, а ООН проходит испытание на свое соответствие требованиям современного миропорядка. В этой ситуации мы должны объединить общие усилия в борьбе с глобальными вызовами и угрозами международной безопасности и по обеспечению устойчивого развития. В авангарде этой кампании должна быть реформированная ООН, которая должна иметь безусловную политическую и финансовую поддержку своих государств-членов. Со своей стороны, Кыргызстан всегда будет активно и ответственно действовать в рамках ООН с целью поддержки ее деятельности и совместного решения глобальных проблем.

Спасибо за внимание.

**Выступление г-на Гарегина Манукяна,
руководителя Администрации Регионального Центра
Превентивной Дипломатии для Центральной Азии
на научно-практической конференции
«70 лет ООН – поддержание мира и согласия,
ответственность и будущее»
(15 октября 2015г., Дипломатическая Академия МИД КР)**

**Уважаемый Ректор,
Уважаемые гости и участники конференции,
Дамы и господа,**

От имени РЦПДЦА имею честь выступить с обращением Спецпредставителя Генерального Секретаря ООН г-на Петко Драганова на открытии конференции.

Позвольте мне выразить свою признательность Правительству Кыргызской Республики и, в частности, Дипломатической Академии Кыргызстана за организацию этой важной и своевременной научной конференции, посвященной 70-й годовщине ООН.

Международное сообщество установило 2015 год как крайний срок для достижения Целей развития Тысячелетия. После 2015 года существовала необходимость разработки дальнейшей платформы для содействия развитию и определения основы для повестки дня по развитию на будущее. По этой причине около недели назад в ходе 70-й юбилейной сессии, Генеральная Ассамблея ООН провела Саммит по Устойчивому развитию, который принял 17 новых амбициозных целей Устойчивого развития и 169 специфических задач.

В этой связи, позвольте еще раз выразить признательность Правительству КР за организацию данной конференции, направленной на дальнейшее обсуждение критически важной роли мира и безопасности в достижении целей устойчивого развития.

Я думаю, вы согласитесь, что трансформационные перемены, необходимые для ответа на новые вызовы в период после 2015 года, в равной степени требуют наличия эффективно действующих государственных институтов и укрепление верховенства права. Также важно то, что эти перемены требуют изменения менталитета и отношения правительств, государственных служащих, представителей гражданского общества и всех партнеров по развитию для выработки общего понимания, берущего истоки в Уставе ООН, о том, что мир и безопасность, развитие и права человека идут рука в руку.

Дамы и господа,

Роль ООН в продвижении мира и согласия трудно переоценить, так как организация активно вовлечена в мероприятия по предупреждению конфликтов,

разрешению конфликтных ситуаций, поддержании мира и миростроительства во всем мире.

В этой связи РЦПДЦА является уникальной политической структурой ООН, которая служит платформой для диалога, обмена информацией и сотрудничества между странами ЦА. Мандат ООН как организации, способствующей установлению мира, безопасности и социально-экономическому развитию был определяющим фактором в решении учредить РЦПДЦА в 2007 году в Ашхабаде.

С этого времени Центр неустанно работал, совместно с Правительствами региона, в поиске взаимоприемлемых решений в ответ на множественные угрозы, стоящие перед странами региона, включая международный терроризм и экстремизм, наркотрафик, организованную преступность, ухудшение экологии и управление природными ресурсами.

В своей работе Центр способствует выработке местных моделей, которые адаптированы к особенностям региона ЦА, таким образом обеспечивая приемлемость решений всеми заинтересованными сторонами в регионе. Такой подход обеспечивает долгосрочность и устойчивость предложенных решений.

Основной целью РЦПДЦА является продвижение принципов превентивной дипломатии через построение доверия и поддержку истинного партнерства. Последнее полностью совпадает с целями данной конференции, которая дает прекрасную возможность расширить международное сотрудничество, обменяться опытом и информацией, а также развить партнерство по ряду вопросов, представляющих взаимный интерес.

Я надеюсь на активное участие в обсуждениях и достижение целей конференции, а также, пользуясь возможностью, хочу поздравить граждан Кыргызстана с успешным и мирным проведением парламентских выборов. Проведение этих выборов является еще одним позитивным шагом в продвижении демократии, стабильности и развития в стране.

Благодарю за внимание.

Выступление
Чрезвычайного и Полномочного Посла Туркменистана
в Кыргызской Республике г-на Батыра Ниязлиева
на научно-практической конференции «20-летие Нейтралитета
Туркменистана: международное сотрудничество во имя мира,
безопасности и развития»
(3 сентября 2015 года)

Уважаемый Ректор Дипломатической Академии
МИД Кыргызской Республики,
Уважаемы Послы и Главы международных организаций,
аккредитованные в Кыргызской Республики,
Уважаемые представители Аппарата Президента и Правительства
Кыргызской Республики,
Уважаемые гости и представители средств массовой информации,

Разрешите в первую очередь поблагодарить присутствующих за участие в научно-практической конференции: «20-летие Нейтралитета Туркменистана: международное сотрудничество во имя мира, безопасности и развития». В начале нашей конференции мы продемонстрировали вам видеоролик об экономическом развитии Туркменистана, который наглядно показал успехи нашего государства. В своем же выступлении я хотел бы затронуть основные приоритеты и инициативы внешней политики Туркменистана, с учетом истории принятия статуса позитивного нейтралитета.

Принятие 12 декабря 1995 года Генеральной Ассамблеей ООН специальной Резолюции «О постоянном нейтралитете Туркменистана» стало признанием миролюбивой внешней политики Туркменского государства, утверждением авторитетной роли государства, способного внести достойный вклад в мирный путь развития международных отношений.

По сути, нейтралитет является историческим выбором Туркменистана с самого начала его независимого развития, и в качестве важнейшей точки отсчета можно отметить июль 1992 года, когда в Хельсинки на саммите Сопредседания по безопасности и сотрудничеству в Европе (нынешняя ОБСЕ) Туркменистан впервые провозгласил позитивный нейтралитет в качестве принципиального содержания своего внешнеполитического курса. Тогда же были обозначены и его основные характеристики - уважение суверенитета и территориальной целостности других стран, невмешательство в их внутренние дела, отказ от применения силы в межгосударственных отношениях, приоритет решений ООН в международных делах, укрепление добрососедства и сотрудничества со всеми странами. Поступательный процесс по достижению всеобщего признания нейтралитета Туркменистана на уровне ООН в дальнейшем был ознаменован принятием итоговой Декларации саммита Организации экономического сотрудничества в марте 1995 года в Исламабаде, поддержкой на встрече глав государств и правительств стран-участниц Движения неприсоединения, состоявшейся в ноябре того же года в Картахене.

Основы нейтралитета, стратегические приоритеты, четкие цели и конкретные аспекты многоплановой, комплексной внешней политики страны нашли свое

отражение и в «Концепции внешнеполитического курса Туркменистана на период 2013-2017 годы».

Нейтралитет Туркменистана является уникальной основой выстраивания геополитической платформы, где созданы условия для сочетания и гармонизации интересов участвующих сторон во имя мира и согласия, конструктивного партнерства и результативного сотрудничества. Об этом свидетельствует опыт межтаджикского и межафганского переговоров в 90-х годах прошлого столетия, проведение первого Саммита глав Прикаспийских стран и последующее продвижение переговорного процесса по Каспию, целая серия крупных международных форумов высокого уровня, посвященных таким актуальным проблемам современности, как сохранение мира и разоружение, энергетическая, продовольственная, водная, трансграничная, гуманитарная и другие аспекты глобальной безопасности.

Нейтралитет Туркменистана как никогда востребован и имеет актуальное значение в качестве необходимого, действенного и важного инструмента для гармонизации интересов, разрешения возникающих противоречий только политико-дипломатическими методами. Об этом свидетельствует регулярное проведение в Ашхабаде межгосударственных встреч и крупных международных форумов, что является наглядным свидетельством гармоничного воплощения в жизнь позитивного внешнеполитического курса Туркменистана.

Лидер нации особо акцентирует внимание дипломатического корпуса на концентрации усилий на последовательной защите интересов Туркменистана, реализации необходимых мер по развитию и укреплению взаимовыгодного сотрудничества с различными государствами мира

Внешнеполитический курс Туркменистана ориентирован по вектору последовательной реализации идей и инициатив, предложенных Президентом Гурбангулы Бердымухамедовым, которые находят широкую и заинтересованную поддержку со стороны Сообщества Наций. Убедительным свидетельством этому является активная подготовка Туркменистана к предстоящей 70-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, на повестку дня которой вынесен широкий спектр актуальных глобальных вопросов политического, социально-экономического, гуманитарного, экологического и другого характера.

В ходе нынешней сессии Туркменистан предлагает предметно рассмотреть вопрос о проведении в 2016 году Международного Форума по безопасности и сотрудничеству в Центральной Азии и готов взять на себя организацию Форума в Ашхабаде. Форум призван наладить регулярный многосторонний диалог по проблемам региона, выработать общие подходы к созданию, в дальнейшем, постоянно действующего механизма политических консультаций государств Центральной Азии. В работе Форума могли бы также принять участие международные невоенные неблоковые структуры, в первую очередь, ООН и ОБСЕ.

Туркменистан выражает убежденность, что урегулирование ситуации в Афганистане возможно только мирными, политическими средствами, на основе широкого общенационального диалога. Наша страна будет и далее активно взаимодействовать с международным сообществом в рамках Стамбульского процесса, в первую очередь, в продвижении таких мер доверия, как «инфраструктурные проекты» и «торговля».

Как страна местонахождения штаб-квартиры Регионального центра ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии (РЦПДЦА) Туркменистан выступает за еще более активную вовлеченность этой структуры в различные аспекты региональной проблематики при поддержке государств-членов ООН, более акцентированное и предметное взаимодействие РЦПДЦА с ОБСЕ, Евросоюзом, ШОС, СНГ.

Являясь участником международных договоров и конвенций ООН, многосторонних документов в разоруженческой сфере, Туркменистан намерен и далее оказывать всемерное содействие этим процессам, в первую очередь, в региональном направлении, предлагая рассмотреть вопрос о созыве Конференции ООН по разоружению в Центральной Азии, нацелен на регулярное проведение в Туркменистане региональных совещаний этой тематики.

Такой диалог особо актуален в связи с осуществлением практических шагов по реализации Договора о зоне, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии. Наша страна готова к активному сотрудничеству с офисом заместителя Генерального секретаря ООН по разоружению, МАГАТЭ и участию в реализации ряда инициатив в этом плане. Туркменистан полагает целесообразным рассмотреть вопрос создания Субрегионального центра ООН по разоружению в Азии.

Усилия Туркменистана нацелены на совместный поиск эффективных механизмов в вопросах борьбы с наркотиками и их прекурсорами. Туркменистан демонстрирует плодотворное сотрудничество с Управлением ООН по наркотикам и преступности, в рамках которого реализовываются программы и проекты как национального и регионального уровня. Туркменистан примет активное участие в работе Специальной сессии Генассамблеи по мировой проблеме наркотиков в 2016 году.

Туркменистан предлагает рассмотреть совместно с Управлением Верховного Комиссара ООН по делам беженцев и Международной организацией по миграции возможность разработки международных документов, основанных на результатах Международной конференции по миграции и безгражданству (Ашхабад, 23-24 июня 2014 года) и Международной конференции Организации Исламского Сотрудничества на уровне министров по проблеме беженцев в мусульманском мире (Ашхабад, 11-12 мая 2012 года).

Надежность и безопасность международных энергопотоков, правовая защищенность маршрутов поставок приобретают сегодня решающее значение. Туркменистан продолжит самое тесное сотрудничество с партнерами по Энергетической Хартии, особенно в свете Председательства в ней нашей страны в 2017 году, на основе четко сформулированных принципов. В первую очередь – принципа свободы транзита, что полностью соответствует подходам Туркменистана к этой проблеме.

В ходе сессии Туркменистан представит результаты работы двух Совещаний международной экспертной группы по вопросам надежного и стабильного транзита энергоносителей, проведенных в Ашхабаде в декабре 2014 года и в Брюсселе в апреле 2015 года. Следуя букве и духу двух соответствующих резолюций Генассамблеи, Туркменистан продолжит работу по институциональному оформлению деятельности международной экспертной группы и активизации содержательного диалога по вопросам надежного и стабильного транзита энергоносителей как важнейшего элемента глобальной повестки.

Наша страна предлагает вернуться к выдвинутому Туркменистаном на 66-й сессии Генассамблеи предложению о разработке Специальной межрегиональной программы ООН по развитию транспорта. Развитие транспортно-транзитной системы станет одним из ключевых направлений в интеграции Центральной Азии в международные связи. Речь идет о строительстве разветвленной, комплексной, комбинированной инфраструктуры транспортного сообщения и транзита, охватывающей пространства континентальной Евразии с выходом на морские терминалы Каспийского, Черноморского и Балтийского регионов, Южной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока. Данный проект также подразумевает перспективу подключения к транспортной инфраструктуре в южном и восточном направлениях с выходом на такие мощные экономические центры, как Китай, Индия, Пакистан, страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Туркменистан предлагает рассмотреть в рамках Второго комитета Генеральной Ассамблеи дальнейшие шаги, основанные на докладе Генерального секретаря, который будет представлен Генеральной Ассамблее в начале сентября 2015 года согласно Резолюции A/RES/69/213 «Роль транспортно-транзитных коридоров в обеспечении международного сотрудничества для устойчивого развития» от 19 декабря 2014 года. Туркменистан предлагает рассмотреть вопрос проведения в е Регионального симпозиума высокого уровня, посвящённого практической реализации положений резолюции Генеральной Ассамблеи о транспортно-транзитных коридорах.

Наша страна на основе опыта Международного Союза автомобильного транспорта, ЕЭК (Европейской экономической комиссии) ООН и ЭСКАТО ООН намерена обсудить возможности создания Модального Шоссе для Центральной Азии с выходом через Южно-Кавказский транспортный коридор на Турцию.

Поддерживая положения Итоговых документов 7-го Всемирного водного форума в Тэгу, Республика Корея, и 3-й Всемирной конференции по снижению риска стихийных бедствий в Сендай, Япония, Туркменистан выступает за инициирование многостороннего общения по формированию универсального документа – Водной стратегии ООН. Наша страна предпримет шаги, нацеленные на принятие Генассамблеей резолюции о необходимости разработки Водной стратегии в которой были бы ясно прописаны цели, подходы и действия международного сообщества в отношении сохранения и использования водных ресурсов.

Туркменистан предлагает создать в Центральной Азии под эгидой и при активном участии ООН Региональный центр по технологиям, связанным с изменением климата. Водная проблематика могла бы стать отдельным направлением его деятельности. Свою основную задачу в этой связи наша страна видит в достижении регионального консенсуса на основе общепризнанных норм международного права, взаимного уважения и учета интересов всех государств региона и при участии международных организаций.

Развивая свое сотрудничество с системой ООН в социальной сфере, Туркменистан предлагает рассмотреть возможность организации под эгидой ПРООН субрегиональных встреч высокого уровня в целях координации усилий государств-членов ООН по реализации международной повестки «пост-2015», как возможность для налаживания взаимодействия в реализации Целей устойчивого развития.

Высоко ценя содействие ЮНЕСКО в сохранении и популяризации культурно-исторического наследия, Туркменистан считает целесообразным проведение в перспективе одной из сессий Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО в Туркменистане. Сотрудничество Туркменистана с ЮНИСЕФ будет сосредоточено на продолжении имплементации общепризнанных норм международного права в области охраны материнства и детства.

Опираясь на многолетний позитивный опыт совместной деятельности с Фондом ООН в области народонаселения, наша страна будет наращивать партнерство, в том числе и на основе подписанного в сентябре 2014 года Меморандума о взаимопонимании между Правительством Туркменистана и Фондом ООН в области народонаселения.

Особое внимание Туркменистан будет уделять укреплению тесных партнерских связей с ВОЗ, реализуя в жизнь положения Ашхабадской декларации по профилактике и борьбе с неинфекционными заболеваниями, принятой в декабре 2013 года в Ашхабаде по итогам Европейской министерской конференции по профилактике и борьбе с неинфекционными заболеваниями, а также решений Международного медицинского форума «Упрочение достигнутых успехов – основа нашего здорового будущего», состоявшегося в июле 2015 года в Ашхабаде.

В заключении хочу подчеркнуть, что выдвигаемые Туркменистаном инициативы создают значительные условия для расширения взаимодействия, укрепления отношений дружбы и сотрудничества не только в пределах соседних государств, но и в общечеловеческом масштабе, решения региональных и всеобщих геополитических задач.

Спасибо за внимание.

Understanding Diplomacy and Foreign Policy Challenges of Turkey and Kyrgyzstan¹

Ilyas Dhami

Professor Emeritus of Pharmacology and Toxicology, California State, USA
Former, Administrator, Banting Institute, UoT, Toronto, Canada
Former President of Nuclear Science Institute, SJSU, San Jose, California
Former Vice Chancellor of Universities in Bangladesh, Nepal and Sindh.

Please be aware that this presentation is not intended to be an in-depth analysis of all the possible options open to Turkey and Kyrgyzstan or Central Asia or Middle East in Diplomacy. It is an insight into how smartly the players play the game and you may think a lot of what I say is simply misguided or wrong.

Kyrgyzstan's foreign policy has been controlled by two considerations--first, that the country is too small and not rich to be economically viable without considerable outside assistance, and second, that it lies in a volatile corner of the globe, vulnerable to a number of unpleasant possibilities. These two considerations have influenced substantially the international position taken by Kyrgyzstan, especially toward the developed nations and its immediate neighbors.

Personal contacts around the globe successfully made Kyrgyzstan as a strong nation. Leaders have traveled the globe tirelessly since independence, seeking relations and partners. Kyrgyz leadership visited the United States, China, Turkey, Switzerland, Japan, Singapore, and Israel. His emissaries have also been to Iran, Lebanon, and South Africa, and his prime minister made a trip through most of Europe. One consequence of these travels is that Kyrgyzstan is recognized by 120 nations and has diplomatic relations with sixty-one of them. The United States embassy opened in Bishkek in February 1992, and a Kyrgyzstani embassy was established in Washington later that year. Kyrgyzstan is a member of most major international bodies, including the UN, the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE), the World Bank, the IMF, and the EBRD. It has also joined the Asian Development Bank, the Economic Cooperation Organization (ECO--see Glossary), and the Islamic Bank. The leadership has stressed repeatedly that the principle behind his search for contacts is strict neutrality; Kyrgyzstan is a small, relatively resource-poor, remote nation more likely to seek help from the world community than to contribute to it. Kyrgyzstan's intellectual and political potential, hoping to attract the world community to take risks in an isolated experiment in democracy. Kyrgyz dream is to making the nation an Asian Switzerland, transformed by a combination of international finance and the light, clean industry, mostly electronic, that he expected to spring up from conversion of the Soviet-era defense industries.

However, the decay of the domestic economy and increasing dissatisfaction among constituents have made the nation less optimistic about the degree to which it can rely upon the distant world community. At the same time, political and social developments in the republic's immediate area have directed the republic's attention increasingly.

¹ Выступление на круглом столе «General Principles of the Foreign Policy of the Republic of Turkey and its Central Asian and Transatlantic Dimensions», 12 октября 2015 г.

Turkey

Turkey opted to keep its distance from the Middle East for decades. Yet its involvements in the Middle East and North Africa (MENA) changed with the hyperactive foreign policy in 2002. Turkey never got directly involved in the intra-regional rivalry between Saudi Arabia and Iran has entered the fray in the post-Arab Spring era and increasingly found itself at opposing ends of the regional crisis. This once more resurfaced after Erdoğan's remarks on Iran and its role in Yemen. The historical relationship between Iran and Turkey can be described as a rivalry with a hesitance to get involved in each other's area of influence, keeping both sides away from any wars since the Treaty of Kasr-ı Şirin signed between the Ottoman Empire and the Safavid Empire. The borders between Turkey and Iran have remained more or less the same since 1639. Despite different views on Syria, Yemen and Iraq and their rivalry for influence in the MENA region, the two countries signed eight economic, trade and cultural cooperation agreements. The conciliatory tone paved the way to a more conciliatory approach and an opportunity and possibility for Turkey to play a mediator role in the crisis between the Sunni axis and the Shiite axis with another non-Arab Sunni country, Pakistan. Turkey's foreign policy has changed markedly since the rise of the ruling Justice and Development Party (AKP). Opposition to Israeli policies has increased, as has hesitation to support US military actions in Iraq. At the same time, Turkey has reached out more to regional states such as Syria and Iran, made some progress on the Armenia and Kurdish issues, and intensified its efforts to join the European Union. These changes have led to a flurry of speculation, including some decrying Turkey's Islamic or Eastern shift, and others claiming its international relations can be explained by economic interests. Turkey is not becoming an Islamist or anti-Western state, but it is also not only acting on material incentives. The important question, then, is what does this mean for the United States? Turkey still values its ties with the United States, and there is a great potential for the United States to work closely with Turkey on issues of common concern, such as regional stability, counterterrorism and trade. Turkey's changing foreign policy is not a harbinger of a new multipolar world. It is, however, the first chance for the Obama Administration to act on its vision of a "multi-partner" world, which former Secretary of State Clinton has laid out. The manner in which the Administration deals with Turkey, then, will have a great impact on its legacy and the US position in the 21st century international system.

*Foreign Relations in Central Asia: Its Transatlantic Dimensions
and impact on Kyrgyzstan¹*

Dr. Prof. Kairat Osmonaliev

Deputy Rector, Diplomatic Academy of MFA, Kyrgyzstan

Dear Colleagues,

I welcome you all on behalf of the Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic. Together with Turkish delegation we are here to discuss about general trends of Central Asian countries' foreign policies and, transatlantic influence. In my report, I will touch upon the current challenges my country is facing and demonstrate their complexity and multidimensionality. Kyrgyzstan, I believe, as well as other countries in the region, is striving to become a progressive actor in Central Asia. Therefore, along with bilateral cooperation and collaboration for mutual benefits and the road map for future developments, there is need for senior and junior partners. We need sincere friends not masters.

Central Asian Neighbors

Kyrgyzstan is bordered by four nations, three of which - Kazakhstan, Uzbekistan, and Tajikistan - are former Soviet republics. China's Xinjiang Uygur Autonomous Region, where a substantial separatist movement has been active, also adjoins the republic. Although China and Kazakhstan have recognized their existing borders with Kyrgyzstan, territorial disputes with Tajikistan and Uzbekistan are still going on.

Uzbekistan faces serious economic problems of its own; it has a homogeneous population of more than 31 million, more or less a diversified and developed economy, and sufficient natural resources to allow the country to become self-sufficient in energy and a major exporter of cotton and natural gas which is used for political gains.

Kazakhstan is as an important northern neighbor of Kyrgyzstan. It is one of the main Central Asian hubs for foreign investments, has larger market and politically more stable than other countries in the region. Although less democratic than Kyrgyzstan with unchangeable oligarchy who rules the country. As a member of Customs Union and Eurasian Economic Union it became a close ally of Russia; however, Kazakhstan is also trying to develop its cooperation with China simultaneously. New Chinese project Silk Way Economic Belt appointed Kazakhstan as one of the essential counter parts in this region.

The greater risk to Kyrgyzstan is coming from Tajikistan. There is a probability that the protracted civil war, close location to Afghanistan may bring greater destabilization to the region. In particular, the Khorugh-Osh road, the so-called "highway above the clouds," has become a major conduit of contraband of all sorts, including weapons and drugs. A meeting of the heads of the state security agencies of Tajikistan, Kyrgyzstan, Kazakhstan, and Uzbekistan, held in Osh in the spring of 1995, also drew

¹ Выступление на круглом столе «General Principles of the Foreign Policy of the Republic of Turkey and its Central Asian and Transatlantic Dimensions», 12 октября 2015 г.

the conclusion that ethnic, social, and economic conditions in Osh were increasingly similar to those in Tajikistan in the late 1980s, thus recognizing the contagion of Tajikistan's instability.

Due to the geographic location China has become Kyrgyzstan's largest non-CIS trade partner. The free-trade zone in Naryn has attracted large number of Chinese businessmen, who have come to dominate most of the republic's import, as well as export to China raw materials. Kyrgyzstan's government has expressed alarm over the amount of Chinese who are moving into Naryn and other parts of the country, but no preventive measures have been taken. Although the Kyrgyz in China have been historically quiescent, China's Uygurs (of whom there is a small community in Kyrgyzstan and Kazakhstan) have been militant in their desire to attain independence. This is the major reason why Kyrgyzstan has refused to permit the formation of an Uygur political party. China did not succeed in winning hearts and minds of Kyrgyzstani citizens, as well as political elite. Lack of work with public generated fear among people and increasing Chinese domination has stimulated nostalgia for the days of Moscow's control Russia.

Russian Federation's role in the countries of Central Asia and South Caucasus has greatly evolved since the dissolution of the Soviet Union. At first, because of the financial shortages and other problems, Moscow did not have the ability to pursue an active foreign policy with those countries. In fact, whereas the other Central Asian republics have sometimes complained of Russian interference, Kyrgyzstan has more often wished for more attention and support from Moscow than it has been able to obtain. For all the financial support that the world community has offered, Kyrgyzstan remains economically dependent on Russia, both directly and through Kazakhstan.

From 1992 to 1995 there was a first wave of massive immigration of ethnic Russians to Russia from Central Asia, the second wave started in the beginning of 2000s. Mainly these were middle class intelligentsia and their flow out of the country led to brain drain, causing an enormous deficit of doctors, teachers, and engineers. Kyrgyzstan's political elite is trying to strengthen its relations with Russia within the different platforms such as CIS, Collective Security Treaty Organization (CSTO), and Eurasian Economic Union. More than million Kyrgyzstani migrants working in Russia and whose remittances are making up about 30% of our GDP are providing it with another pressure tool.

China and Turkey in Revival of the Silk Road

The leaders of the world's fastest growing economies in Eurasia met in Beijing last month. Prime Minister Erdogan's visit to China, coming soon after Xi Jinping's visit to Turkey might have heralded a new dawn of Sino-Turkic relations on the old Silk Road: in Central Asia.

The mere fact that the visit took place in such a positive light is surprising in itself. It is just over two years ago that Erdogan used the word 'genocide' in comments about civil unrest here in Urumqi. Now, his first stop in China was Urumqi. China and Turkey are now talking about cooperation at a variety of levels, from nuclear cooperation and other 'new' energies, increasing trade links, infrastructure projects, military cooperation and even Turkish assistance in helping develop Xinjiang. And beyond their borders, they discussed current events in Syria – in which both are playing a prominent diplomatic role – while also exploring what potential might exist for future cooperation in Central Asia. The implications of the burgeoning Sino-Turkic relationship on Central Asia remain unexplored.

Turkish businessmen have long had commercial links in Xinjiang due to a somewhat mutually intelligible language and the remnants of a so-called Pan-Turkism that Ankara pushed throughout Central Asia in the wake of the Cold War. These links have not extended to the rest of China. A massive trade gap exists between the two countries, with 2.5 billion USD of Turkish goods sold in China last year, compared with 21.6 billion USD of Chinese goods sold in Turkey.

In Central Asia, however, both Turkish and Chinese goods can be found at the markets. People are grateful for the cheap Chinese products, but are often willing to pay a premium for more specialized Turkish products. Wonder around downtown Bishkek and you will find Turkish real-estate developers on every corner, but drive around Kyrgyzstan and you will find roads being built by Chinese state owned enterprises.

This parallelism extends into education as well; Turkey has invested in large universities that offer scholarships for local students and an education focused on improving Turkic links. China has taken a more modest approach, offering language classes through Confucius Institutes that provide a labor force that can work as management for Chinese firms investing in the region and improve communication amongst the border traders going either way.

NATO in Central Asia

NATO started out to protect security and freedom of its members only in 1949 with 11 members and currently, there are 28 countries including Turkey, which are part of this entity.

The presence of the CSTO and the SCO in the region was one of the reasons of limited operational standpoint of NATO. These regional institutions did not support western military presence in Central Asia and condemned US Missile Defense plans in Europe. It seems that, when working within the CSTO and SCO frameworks, the Central Asian States remain careful not to oppose Russian and Chinese security policy. The Central Asia states are also cautious about collaborating with the West because they are concerned about foreign interference in their internal political matters, regarding human rights abuses. At the same time, the Central Asian States (as well as Russia and China) are aware that NATO's military presence in Afghanistan has helped regional stabilization by eliminating a breeding ground for terrorism and reducing the operational capacity of al Qaeda. Many Central Asian and North Caucasian jihadists have fought (and died) against the International Security and Assistance Force (ISAF), turning their attention away from their own national separatist movements. For all these reasons the collaboration both military and diplomatic between NATO members and Central Asian states continued throughout the years. Of course the importance of Central Asia for NATO grew significantly after September 11.

Kyrgyzstan and NATO

Kyrgyzstan participates in several NATO activities through its Partnership for Peace (PfP) program. It joined the PfP Planning and Review Process (PARP) in 2002 and provides an important logistical aid to the ISAF mission. NATO is collaborating with Bishkek in defense sector reform and military education, including border-control and search and rescue training.

Regarding the war in Afghanistan, Kyrgyzstan entered into a bilateral agreement with the United States that allows for an American airbase to operate in Manas International Airport. This proved to be a vital refueling and transit point for the

operations, although its existence has not been without controversy. Following Russian and Chinese pressures and a civilian incident in early 2009, Kyrgyzstan announced that it would close the base but later reversed its decision. However, in 2014 this transit center was completely shut down and all military equipment was withdrawn. In exchange for its logistical support, in the decade since 9/11 Kyrgyzstan received a significant amount of American assistance. In terms of military aid, this included communications equipment, helicopters and special force trainings. The US also announced the construction of an anti-terrorism training center in Southern Kyrgyzstan.

The future pursuit of NATO's programs in Central Asia is connected to the geopolitical strategies of the members of the alliance. The lesson one can draw from the Arab Spring is that, in an increasingly interconnected world, local security threats can easily spill over the boundaries. In a worst-case scenario, after the withdrawal of NATO forces from Afghanistan, there could be a fundamentalist backlash in the region that could overthrow one or more of the Central Asian governments. Contrary to what had been hoped for, recent developments have shown that the Taliban still has the potential to return to power. In light of the increasingly deteriorating relations with Pakistan and renewed terrorist activity in Afghanistan, western institutions, including NATO, should be careful to not burn any bridges with the Central Asia states event after the withdrawal of its troops. In this perspective, it makes sense for NATO to try to develop its collaboration with Central Asia in the upcoming years, even if there will be a reduced western military footprint in the region.

In conclusion, we should develop bilateral and multilateral agreements to safeguard our security and economic developments in the region with neighbors, as well as with other important actors.

Раздел 3. Современные вопросы политологии, истории, социологии и права

Табалдиева В.Ш.,
доктор юридических наук, профессор

Содержание и разновидности запроса о международной правовой помощи по уголовным делам

Необходимым основанием для оказания международной правовой помощи по уголовным делам является запрос, под которым понимается оформленный в соответствии с требованиями международного договора и национального законодательства документ, направляемый в адрес компетентного органа или должностного лица иностранного государства с просьбой осуществить определенные процессуальные действия по уголовному делу. При анализе норм, регламентирующих международную правовую помощь по уголовным делам, можно заметить, что наряду с наименованием «запрос о правовой помощи», указываются термины «обращение»¹, «поручение»², «просьба»³, «требование»⁴. По сути, использование этих терминов, не меняет существа взаимодействия компетентных государственных органов и должностных лиц при оказании международной правовой помощи по уголовным делам. Однако, учитывая смысловую нагрузку, которую несет в себе каждый из указанных терминов, на наш взгляд, следовало бы их унифицировать.

Представляется, что наиболее оптимальным является наименование «запрос», по этимологии означающий официальное обращение с требованием, просьбой дать какие-либо сведения, объяснения и т.п.⁵. В этой связи использование терминов «просьба» и «требование» при оказании международной правовой помощи по уголовным делам вряд ли целесообразно, поскольку они охватываются термином «запрос». Кроме того, самостоятельное использование термина «требование», на наш взгляд, недопустимо, ибо, являясь разновидностью «просьбы», он выражается в категоричной форме, с условием обязательного выполнения тех или иных действий. В данном случае следует иметь в виду, что отношения между государствами в сфере международной правовой помощи по уголовным делам строятся на основе принципов международного права, важнейшим из которых является принцип суверенного равенства государств. Согласно этому принципу, государства самостоятельно определяют и развивают свою правовую систему; каждый из них обладает иммунитетом от юрисдикции другого государства, получившим название «*par in parem non habet imperium*». Это означает, что государство самостоятельно решает вопрос об оказании соответствующей запрашиваемой правовой помощи по уголовным делам, сообразуясь со своими интересами в области суверенитета, безопасности и

¹ См. напр.: Конвенция о передаче осужденных 1978 г. (ст. 7).

² См. напр.: Минская конвенция 1993 г. (ст. 7).

³ См. напр.: Конвенция о правовой помощи 1959 г. (ст. 14).

⁴ См. напр.: Минская конвенция 1993 г. (ст. 58).

⁵ Большой толковый словарь русского языка. С. 340.

законодательства¹. Поэтому требовать в категоричной форме о выполнении тех или иных действий, указанных в запросе о правовой помощи по уголовным делам, непозволительно.

Что касается термина «поручение», то он широко используется отдельными исследователями в плане выполнения отдельных следственных или иных процессуальных действий в сфере международной правовой помощи по уголовным делам и формулируется как «международное следственное поручение». Так, например, Е.В. Карасева определяет указанное понятие как просьбу, основанную на возникшей потребности получить содействие в выполнении конкретных следственных и иных действий, которые будут способствовать раскрытию преступления и изобличению лица, совершившего его². Нельзя согласиться с мнением В.С. Овчинского, который утверждает, что «международное следственное поручение осуществляет связь между одними судебными властями и другими. Они не касаются международной взаимной помощи между полицейскими силами»³. Международным следственным поручением охватывается необходимость производства отдельных следственных или иных процессуальных действий как одного из видов международной правовой помощи по уголовным делам, которое осуществляют следователь, орган дознания и прокурор⁴. При этом недопустимо использование международного следственного поручения при необходимости выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является.

Таким образом, оптимальным наименованием является «запрос о правовой помощи», использование которого позволяет охватить выполнение всех видов международной правовой помощи по уголовным делам. Вместе с тем, следует отметить, что запрос о правовой помощи подвергается определенной дифференциации применительно к конкретному виду международной правовой помощи по уголовным делам. В соответствии с нормами международных договоров и УПК Кыргызской Республики *по содержанию запросы о правовой помощи по уголовным делам можно классифицировать на следующие виды*: 1) запрос о производстве следственных или иных процессуальных действий; 2) запрос об осуществлении уголовного преследования; 3) запрос о выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора; 4) запрос о передаче лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является.

¹ Нормы многих международных договоров закрепляют правила, согласно которым государства вправе отказать в оказании правовой помощи по уголовным делам, если это может нанести ущерб его суверенитету или безопасности, либо противоречит законодательству (например, ст. 2 Конвенции о правовой помощи 1959 г.; ст. 19 Минской конвенции 1993 г. и др.).

² Карасева Е.В. Процессуальные аспекты международного сотрудничества органов предварительного следствия МВД Российской Федерации. – Москва-Воронеж, 2000. С. 122.

³ Овчинский В.С. Интерпол (в вопросах и ответах). – М., 2001. С. 98.

⁴ Такое мнение превалирует в уголовно-процессуальной литературе. – См.: Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России. – М., 2003. С. 465; Уголовный процесс: Учебник. // Под ред. В.П. Божьева. С. 663.

Минская конвенция 1993 г. (ст. 7) устанавливает наиболее общие положения, входящие в содержание запроса о правовой помощи по уголовным делам. Таковыми являются:

- а) наименование запрашиваемого учреждения;
- б) наименование запрашивающего учреждения;
- в) наименование дела, по которому запрашивается правовая помощь;
- г) имена и фамилии сторон, свидетелей, подозреваемых, подсудимых, осужденных или потерпевших, их местожительство и местопребывание, гражданство, занятие, а также место и дата рождения и, по возможности, фамилия и имена родителей; имена, фамилии и адреса представителей указанных лиц; для юридических лиц – их наименование и местонахождение;
- д) содержание запроса, а также другие сведения, необходимые для его исполнения;
- е) описание и квалификация совершенного деяния и данные о размере ущерба, если он был причинен в результате деяния.

Указанные положения запроса видоизменяются, дополняются и уточняются в зависимости от вида международной правовой помощи по уголовным делам. В соответствии со ст. 426 УПК Кыргызской Республики, в содержание *запроса о производстве процессуальных действий* входит:

- 1) наименование органа, от которого исходит запрос;
- 2) наименование и место нахождения органа, в который направляется запрос;
- 3) наименование уголовного дела и характер запроса;
- 4) данные о лицах, в отношении которых направляется запрос, включая данные о дате и месте их рождения, гражданстве, роде занятий, месте жительства или месте пребывания, а для юридических лиц – их наименование и место нахождения;
- 5) изложение подлежащих выяснению обстоятельств, а также перечень запрашиваемых документов, вещественных и других доказательств;
- б) сведения о фактических обстоятельствах совершенного преступления, его квалификация, текст соответствующей статьи УК РФ, а при необходимости также сведения о размере вреда, причиненного данным преступлением¹.

Следует отметить, что данные положения уголовно-процессуального закона, определяющие содержание запроса о производстве процессуальных действий, являются наиболее общими. Они могут уточняться либо дополняться в отдельных двусторонних международных договорах. Например, в Соглашении между правительствами Российской Федерации и США о сотрудничестве по уголовно-правовым вопросам от 30 июня 1995 г.² запрос (в той мере, в какой это необходимо и возможно) также содержит: а) точное описание места и лица, подлежащих обыску, и предметов, подлежащих выемке; б) перечень вопросов, которые требуется задать лицу; в) описание особого порядка, которому желательно следовать при исполнении запроса; г) информацию о выплате и возмещении расходов, на которые будет иметь право вызываемое лицо; д) любую иную

¹ Аналогичная норма закреплена в уголовно-процессуальных законах некоторых государств (см. например, ст. 454 УПК Российской Федерации).

² Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. С. 465.

информацию, которая может быть доведена до сведения запрашиваемой стороны для облегчения исполнения запроса (ч. 3 ст. 4).

В УПК Кыргызской Республики не содержится положение, устанавливающее содержание запроса об осуществлении уголовного преследования. Такое устанавливается нормами международных договоров Кыргызской Республики. Согласно ч. 1 ст. 73 Минской конвенции 1993 г. *запрос об осуществлении уголовного преследования* должен содержать:

- а) наименование запрашивающего учреждения;
- б) описание деяния, в связи с которым направлен запрос об осуществлении уголовного преследования;
- в) возможно более точное указание времени и места совершения деяния;
- г) текст положения закона запрашивающего государства, на основании которого деяние признается преступлением, а также текст других законодательных норм, имеющих существенное значение для производства по делу;
- д) фамилию и имя подозреваемого лица, его гражданство, а также другие сведения о его личности;
- е) заявления потерпевших по уголовным делам, возбуждаемым по заявлению потерпевшего, и заявления о возмещении вреда;
- ж) указание размера ущерба, причиненного преступлением.

Содержание приведенных положений запроса об осуществлении уголовного преследования несколько уточняются в двусторонних международных договорах о международной правовой помощи по уголовным делам.

В соответствии с ч. 3 ст. 431 УПК Кыргызской Республики *запрос о выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора* должен содержать:

- 1) полное имя лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, дату его рождения, данные о гражданстве, месте жительства или месте пребывания и другие данные о его личности, а также по возможности описание внешности, фотографию и другие материалы, позволяющие идентифицировать личность;
- 2) изложение фактических обстоятельств и правовую квалификацию деяния, совершенного лицом, в отношении которого направлен запрос о выдаче, включая сведения о размере причиненного им ущерба, с приведением текста закона, предусматривающего ответственность за это деяние, с обязательным указанием санкций;
- 3) размер имущественного ущерба, причиненного преступлением;
- 4) сведения о месте и времени вынесения приговора, вступившего в законную силу, либо постановления о привлечении в качестве обвиняемого с приложением заверенных копий соответствующих документов.

К запросу о выдаче для уголовного преследования должна быть приложена заверенная копия постановления судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу. К запросу о выдаче для исполнения приговора должны быть приложены заверенная копия вступившего в законную силу приговора и справка о неотбытом сроке наказания.

Данное положение национального уголовно-процессуального закона является наиболее общим и емким по сравнению с подобными положениями многосторонних и двусторонних международных договоров Кыргызской Республики, определяющих содержание запроса о выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора (см. например, ст. 58 Минской конвенции 1993 г.).

Анализ международных договоров, регламентирующих передачу лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются, свидетельствует о том, что содержание запроса об осуществлении данного вида международной правовой помощи по уголовным делам четко не устанавливается. Указываются лишь необходимые документы, которые должны быть приложены к *запросу о передаче осужденных*. Так, в соответствии со ст. 7 Конвенции о передаче осужденных 1978 г. к названному запросу прилагаются:

а) удостоверенные копии приговора и имеющихся по делу решений вышестоящих судебных инстанций, документы о вступлении приговора в законную силу;

б) документ о части наказания, отбытой осужденным, и той части наказания, которая подлежит дальнейшему отбыванию в соответствии с законодательством государства, судом которого вынесен приговор;

в) документ об исполнении дополнительного наказания, если оно было назначено;

г) текст статей уголовного закона, на основании которого лицо осуждено;

д) документ, свидетельствующий о гражданстве осужденного;

е) другие документы, если это сочтут необходимым органы государства, судом которого вынесен приговор;

ж) заверенный перевод запроса и прилагаемых к нему документов.

Такие же, принципиально не отличающиеся, положения закреплены в иных двусторонних международных договорах Кыргызской Республики о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы. Например, в договоре с Россией¹. Вместе с тем, следует отметить, что в Договоре между Кыргызстаном и Россией предусматривается дополнительный документ, который обязательно должен быть приложен к запросу о передаче для отбывания наказания лица, осужденного к лишению свободы. Согласно п. 5 ч. 2 ст. 5 названного договора таким документом является письменное согласие осужденного на его передачу для дальнейшего отбывания наказания на территории государства исполнения приговора, а в случае неспособности его свободно изъявить свою волю – согласие его законного представителя.

Учитывая сказанное, содержание запроса о передаче лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является, на наш взгляд, должен включать как минимум следующие положения:

а) наименование запрашиваемого и запрашивающего учреждения;

б) наименование дела, по которому запрашивается соответствующая правовая помощь;

в) фамилия, имя и отчество, адрес осужденного, его представителей, их гражданство, занятие, а также место и дата рождения;

¹ Сборник международных договоров Кыргызской Республики по оказанию правовой помощи.

г) содержание запроса, а также другие сведения, необходимые для его исполнения.

Итак, анализируя содержание вышеуказанных разновидностей запроса о правовой помощи в соответствии с нормами международных договоров и национального законодательства, следует указать, что их различия, прежде всего, кроются в особенностях осуществления соответствующих видов международной правовой помощи по уголовным делам. В частности, содержание запроса о производстве процессуальных действий обусловлено необходимостью выяснения тех или иных обстоятельств, имеющих доказательственное значение по уголовному делу, которые возможны путем производства соответствующих следственных или иных процессуальных действий. В остальных запросах о правовой помощи особое внимание уделяется гражданству лица, в отношении которого направляется запрос об осуществлении уголовного преследования, выдаче лиц или передаче осужденных, поскольку их выполнение напрямую зависит от принадлежности данного лица к соответствующему государству. Так, лицо не может быть выдано, если оно является гражданином государства, к которому обратилось другое государство с соответствующим запросом. В передаче лица может быть отказано государству, если данное лицо не является гражданином этого государства.

Джоробекова А.Э.,
кандидат исторических наук, профессор
заведующий кафедрой “Международной политики и права”
Дипломатической Академии МИД КР им. К.Дикамбаева

***Патриотизм как условие национальной консолидации
в условиях глобализации***

“Патриоты всегда говорят о готовности умереть за отечество, и никогда – о готовности убивать за отечество”. (Бертран Рассел)

Что есть патриотизм? Несомненно, из истории развития человеческой мысли мы можем увидеть, что об определении сущности данного понятия можно долго спорить, например, патриотизм – это «любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам», или, как писал Генрих Гейне: «Нам был предписан патриотизм, и мы стали патриотами, ибо мы делаем все, что нам приказывают наши государи», что означает патриотизм – это любовь к государству, возможно и поклонение правящей верхушке, а быть может, патриотизм – это лишь привязанность к какому-то этническому народу, отрезку земли или культуре? Конечно, ответа на этот вопрос абсолютно точно нельзя найти, ибо каждый человек самостоятельно выбирает, что для него значит патриотизм, но нам кажется, истинная суть понятия «патриотизм», вероятно, зависит лишь от того, кто этим понятием оперирует и в каком контексте. Исходя из данных определений, мы видим, что сущность патриотизма двойственна, потому что он имеет природно-биологическую основу и социально-политический источник. Политический смысл патриотизма определяется интересами социальной системы, а социализацию гражданина-патриота можно рассматривать как процесс статусно-ролевого освоения и усвоения, определения и ориентации в институционально-организованной социальной среде, в ходе которого формируется личность-патриота. А как можно представить себе личность-патриота XXI века, «века глобализации» или «века глобальной цивилизации», ведь глобализация стала важным реальным аспектом современной мировой системы, одной из наиболее влиятельных сил, определяющих дальнейший ход развития нашей планеты, которая затрагивает все области общественной жизни, включая и экономику, и политику, и социальную сферу, и экологию, и безопасность.

Надо признаться, что сегодня, в век глобализации и технологий, мы должны заново осмысливать значение патриотизма не только для судьбы отдельно взятой страны, но и всего мира. Ведь спасение и возрождение Отечества требует пересмотра ряда сложившихся за последние десятилетия позиций в структуре отечественного общественного сознания, как на обыденном, житейском, так и на идеологическом уровнях. И этот пересмотр касается и форм общественного сознания, таких, как духовно-нравственная, государственно-правовая, политическая, религиозная и эстетическая. И это понятно, ибо процесс осознания себя патриотом в эпоху глобализации идет неоднозначно и порою весьма противоречиво, на это порою есть весьма интересные основания. И на какой же основе будет формироваться гражданский патриотизм в Кыргызстане в условиях глобализации?

Что мы имеем? Во-первых, современное кыргызское общество пережило стресс «потери страны» и оказалось дезориентировано, дезорганизовано, расколото мировоззренчески. Во-вторых, Кыргызстан, как и большинство других стран СНГ, является многосоставным обществом. Его фундаментальное своеобразие состоит в доминировании в массовом сознании региональной, родоплеменной самоидентификации над национально-государственной. Сегодня региональная принадлежность приобрела политический характер, что оказывает сильное влияние на ситуацию в стране. «Глеущая» проблема Север-Юг в одночасье привела к взрыву регионального самосознания. Действительно, Кыргызстан – это родоплеменная мозаика в едином политическом образовании.

Самая существенная слабость кыргызского общества – отсутствие национально-государственной идентичности, которая, по определению А.Ю. Мельвиля, означает «субъективный выбор и осознание господствующими элитами своих долгосрочных целей, интересов и средств их достижения». Этот выбор, будучи транслированным на массовый уровень, представляет собой «концентрированное и устойчивое, как правило передаваемое через поколения национально-государственное самосознание, которое основывается на определенном консенсусе, существует как надполитическое явление и в современном понимании возникает в эпоху формирования наций-государств». Сегодня выбор политической, экономической и социальной системы в полной мере ещё не состоялся, долгосрочные мировоззренческие ориентиры в общественном сознании отсутствуют.

Кыргызское гражданское общество все ещё весьма слабо, чтобы стать весомым фактором на международной сцене. Наоборот, наша страна оказывается в сфере действия зарубежных неправительственных организаций и благотворительных фондов-грантодателей. А человеческий капитал один из основных ресурсов страны и одна из главных надежд на её возрождение.

В отношении так называемых репутационных ресурсов Кыргызстана не может быть дано однозначных комментариев сегодня. Это представляется сложным в условиях страны, занятой поисками «национальной идентичности», и когда ещё не до конца определен магистральный курс развития Кыргызстана. Когда страна, обремененная последствиями «мартовских событий» переживает краткие стадии стабильности, сменяющиеся хроническими политическими кризисами, ослабевающей экономикой, с нарастающей социальной напряженностью в обществе. В таких обстоятельствах изобилия отечественных и импортируемых (перманентных) «проектов», «предложений», «рецептов» модернизации и трансформации существующей политической системы, подкрепляемых митингами и стачечным движением.

Идеологические ресурсы. Идеология – мощный инструмент как внутренней, так и внешней политики. Идеология, несущая в себе элементы универсальности, привлекательности для народов различных стран, может выступать механизмом укрепления международного имиджа, обретения искренних сторонников в мире. (Так западные страны добиваются внешнеполитических успехов не в последнюю очередь с помощью идеологий либеральной демократии, общества потребления. Советский Союз располагал множеством идейных союзников благодаря идеологиям коммунизма и пролетарского интернационализма).

В современном Кыргызстане отсутствует мировоззренческое единство. Ни одна из идеологий (либерально-демократическая, коммунистическая,

национальные) не является доминирующей в подчеркнута деидеологизированном общественном сознании. Предлагаемые идеи - будь то заповеди Манаса или ренессанс тенгрианства – в принципе может способны консолидировать общество, но приемлемы исключительно для внутреннего потребления, поскольку не могут иметь много сторонников за пределами страны. Разработка и принятие государственной идеологии - одна из ключевых проблем в современных социально-политических процессах.

Исследователи вынуждены признать, что всё труднее провести между внешней политикой и внутренней политикой четкую линию разграничения. Растет значимость внутривнутриполитических последствий внешней политики и внешнеполитических последствий внутренней политики. Очевидно, что внутривнутриполитические вопросы включают в себя и международный компонент.

По мнению некоторых исследователей, в Кыргызстане до сих пор не создан высокоэффективный механизм выработки единой внешнеполитической стратегии, обеспечивающей её претворение в жизнь. Более того кыргызская внешняя политика фрагментарна, а её интересы и приоритеты носят декларативный характер. Конечно, издержки кыргызской внешней политики объясняются главным образом незавершенностью демократических преобразований, переходным периодом политического режима, а также исключительно тяжелыми проблемами модернизации экономики и перед современным Кыргызстаном стоит задача исторической важности: соединить все процессы реформирования страны с её общенациональной консолидацией, ведь победить в модернизационных процессах возможно, только сохраняя государственную целостность и общенациональную идентичность.

Несомненно, известный дефицит ресурсов может быть компенсирован правильной стратегией и политической волей, то есть определением верных приоритетов и способностью их реализовать. Одним из верных и необходимых приоритетов в развитии Кыргызской Республики стал Указ «О мерах по углублению изучения исторического и культурного наследия народа Кыргызстана и формированию гражданского патриотизма», подписанный 27 января 2012 года Президентом КР А. Атамбаевым, где, учитывая, что историческое и культурное наследие является достоянием страны, и в целях укрепления единства многонационального народа Кыргызстана было постановлено:

1. Определить в числе приоритетных направлений работы органов государственной власти Кыргызской Республики задачу создания условий для изучения исторического и культурного наследия народа Кыргызстана, воспитания у людей чувства гражданского патриотизма и гордости за страну.

2. Правительству Кыргызской Республики разработать и реализовать в 2012-2013 годах Программу углубления изучения и популяризации исторического и культурного наследия народа Кыргызстана, в которой предусмотреть:

- поддержку научных исследований в области истории и культуры, основанных на надежной источниковедческой базе;
- разработку и поддержку проектов, направленных на популяризацию историко-культурного наследия народа многонационального Кыргызстана;
- проведение в 2012 году международной научно-практической конференции, посвященной 1170-летию создания Кыргызского каганата;
- анализ существующих и разработку новых учебных курсов и программ в системе образования по изучению истории и культуры народа Кыргызстана;

- формирование общего кыргызстанского культурного пространства как основы для консолидации общества и воспитания гражданского патриотизма на базе общегражданской идентичности, уважительного отношения к истории страны, ее культуре и государственной символике;

- введение в 2012 году учебного курса «Манасоведение» в системе высшего и среднего специального образования, а в последующем - в старших классах общеобразовательных учреждений;

- разработку и издание качественных, доступных и эффективных учебников, самоучителей и учебных пособий по изучению кыргызского языка, удобных для освоения детьми и взрослыми, в том числе и теми, для которых кыргызский язык не является родным.

- образовать фонд историко-культурного наследия народа Кыргызстана «Мурас».

Реализация Указа предполагает создание условий для поддержки исследований по историческому и культурному наследию народа Кыргызстана и дальнейшего развития исторической науки, на основе надежной источниковедческой базы, а также подготовке и изданию фундаментальных научных трудов, учебников и учебных пособий нового поколения по истории Кыргызской Республики.

В целях реализации задач данного Указа, 25 апреля 2012 года, Президент Кыргызской Республики А. Атамбаев подписал Указ «Об образовании Комиссии по развитию исторической науки при Президенте Кыргызской Республики и создании Фонда исторического и культурного наследия народа Кыргызстана «Мурас» с целью решения ряда актуальных задач по углублению изучения исторического и культурного наследия народа Кыргызстана. На Комиссию возложены задачи выработки государственной концепции развития исторической науки, определение приоритетных программ и проектов по изучению и популяризации исторического и культурного наследия народа Кыргызстана. Состав Комиссии сформирован из числа ведущих историков, ученых-обществоведов с учетом мнения общественности, научных кругов и путем консультаций с экспертным сообществом.

С момента создания, силами данной комиссии ежегодно проводятся научно-практические конференции по вопросам Кыргызского каганата. Приветствуя участников научной конференции, посвященной 1170-летию Кыргызского каганата, Президент Кыргызской Республики А. Атамбаев сказал: «Кыргызская государственность, насчитывающая более двух тысяч лет, за свою историю пережила как славные, так и драматические периоды. Одним из них является период расцвета Кыргызского каганата, когда он занимал обширные территории Южной Сибири и Центральной Азии. В изучении истории кыргызской государственности и культурного наследия в средние века, как и в другие эпохи, все еще достаточно белых пятен, которым ученые могут уделить пристальное внимание. Я уверен, что исследования в этом направлении создают не только идейную основу для формирования гражданского патриотизма, но и способствуют улучшению взаимопонимания народов в стране и регионе. Я надеюсь, что сегодняшний форум станет пространством, где наше прошлое будет рассматриваться через объектив научности. Плюралистический подход, которого мы придерживаемся, поможет развенчать определенные стереотипы, влияющие на настоящее.». Прошло всего лишь 2 с небольшим года, и для развития исторической

науки в Кыргызской Республике, Комиссии требуется комплексная и системная работа с определением приоритетных задач в целях поддержки исследований по историческому и культурному наследию народа Кыргызстана, а также подготовки и издания фундаментальных научных трудов, учебников и учебных пособий нового поколения по истории Кыргызской Республики, где одной из главных целей должно быть формирование гражданского патриотизма с учетом исторического и культурного наследия народа Кыргызстана.

Отрадно отметить, лишь недавно в Жогорку Кенеш для рассмотрения внесен законопроект «О гражданско-патриотическом воспитании в Кыргызской Республике», разработанный Министерством труда, миграции и молодежи, где прописано, что гражданско-патриотическое воспитание — это целенаправленный, нравственно обусловленный процесс формирования качеств личности, заключающий в себе любовь к Родине и стремление к миру, внутреннюю свободу и уважение государственной власти, государственной символике, чувство собственного достоинства и дисциплинированность, гармоничное проявление национальных чувств и культуры межнационального общения, а также укрепление ответственности за свой политический, нравственный и правовой выбор, за максимальное развитие своих способностей в целях достижения жизненного успеха. К мерам по гражданско-патриотическому воспитанию в Минтруда отнесли нормативное правовое регулирование, научное и методическое обеспечение гражданско-патриотического воспитания, привлечение граждан к непосредственному участию в мероприятиях гражданско-патриотической направленности, проведение мероприятий, связанных с днями воинской славы и памяtnыми датами КР, увековечением памяти граждан, отличившихся в боевых действиях, при защите независимости, целостности и конституционного строя государства и иные мероприятия.

«В настоящее время можно констатировать глубокий кризис духовности общества в целом, и в еще большей степени бездуховность молодежи. После потери былых идеологических опор, для значительной части молодежи характерна неопределенность и размытость мировоззренческих и нравственных ориентиров, отсутствие четкой системы ценностей. Становится все более очевидным, что именно патриотическая идея, идея государственности и есть тот каркас, то основание, на котором только и может выстраиваться духовность нашего общества», — так объяснили инициаторы причины разработки законопроекта.

Мы должны помнить, что патриотизм диалектически связан с интернационализмом, и они оба составляют активную движущую силу общества. Для ментальности людей нашей страны патриотизм и интернационализм являются двумя сторонами духовной жизни, органически сочетающее в себе гордость за свой народ, за свою историю, за своих предков, за достижения живущего поколения и уважение к другим народам, патриотизм является той основой, на которой функционирует интернационализм. Осознание общности интересов и целей граждан всех национальностей Кыргызстана, проникнутое патриотизмом, придает самой малочисленной нации, этнической группе, силу всего народа земли кыргызской. И мы должны стремиться, чтобы представитель любой нации, этнической группы, с гордостью считал себя, прежде всего представителем единого народа, ведь это, в конечном счете, приведет к тому, что в сознании людей понятие «Отечество», будет пониматься, как вся страна в целом.

Адыкулов А.А., кандидат психологических наук,
доцент, директор Центра анализа внешней
политики Дипломатической академии МИД КР
им. К. Дикамбаева

УДК 159.9

Бессознательное и религиозность в психологии человека

Вопрос о религии тесно связан с духовными потребностями человека.

Насколько эти потребности были актуальны в исторической перспективе: в прошлом и сейчас для современного человека. Прежде всего, что такое «современный человек»? Насколько он изменился? Еще недавно под этим словом мы понимали совсем другого человека, нежели, мы сегодня имеем.

В недалеком прошлом почти все страны постсоветского пространства на уровне государственной идеологии и политики имели в качестве идеологического инструмента «атеизм» и «материализм», а целью было воспитание человека соответствующего коммунистической идеологии. Отразилось ли это все на духовной сфере современного человека? Известно, что в той идеологии не было места для религии, тем более не было речи о психологии и потребностях религиозного человека.

Отдельно стоит вопрос о психологических научных подходах к изучению этого вопроса.

Сегодня для верующих выросли мечети, церкви, синагоги, молельные дома. На прилавках книжных магазинов появилось огромное количество научной, популярной, и прочей околонучной литературы по психологии человека.

Почему такой поворот? Если исходить из элементарного посыла о мотивах, в основе которого лежат потребности, интересы и ценностные ориентации, то из этого факта следует, оказывается, что современный человек имел и имеет в своей психологии место, «инстанцию», которую он жадно удовлетворяет сегодня. И оно насыщается по принципу «свято место пусто не бывает».

В самой общей форме можно сказать, ссылаясь на академические пособия, что религия есть сфера духовной жизни общества, способ практически-духовного освоения мира и область духовного производства¹. В качестве таковой религия:

- 1) проявляется как сущность общества;
- 2) в процессе становления человека и общества переходит в аспект их жизнедеятельности;
- 3) выступает как способ существования человека и это способствует преодолению человеческого самоотчуждения;
- 4) как отражение действительности, является своего рода общественной подсистемой;
- 5) выступает как феномен культуры.

Насколько государство и общество было готово удовлетворять или дать возможность удовлетворять духовные потребности своим гражданам и насколько

¹ Психология религий: учебное пособие / И.Б. Ардашкин. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2009. С. 15.

оно понимает и учитывает психологию своих граждан.

Сегодня религиозный фактор для Центральной Азии и Кыргызстана становится вопросом, требующим серьезного анализа и нахождения новых путей решения. Более того, как считают исследователи, этот вопрос интенсивно перерастает в политический аспект, который представляет угрозу национальной безопасности всем странам. Среди прочих незаметных вторжений религий, появилась ИГ как военная террористическая организация. Для стран Центральной Азии, Ближнего Востока и Афганистана это серьезный вызов. Это вызывает обеспокоенность и у других стран, т. к. это религиозное явление выступает как агрессивная, конкурирующая модель центрально азиатским государствам и странам Ближнего Востока.

Наряду с этим, как признают эксперты, в странах Центральной Азии, а также Кыргызской Республике, позиционирующей себя согласно Конституции, светским государством, религия отделена от государства. Религиозная грамотность населения осталась без достаточного внимания со стороны государства, что явилось благоприятной почвой для вхождения религий разного толка, в том числе, террористических и экстремистских течений.

Для стран Центральной Азии конфликт, основанный на данном религиозном факторе, является весьма реальным – и доступным – проявлением мощной идеологии, определяющей смысл их жизни. Это особенно актуально для маргинальных мигрантов-работников из Центральной Азии, ставших целевой аудиторией для вербовщиков¹.

Перед странами ЦА и Кыргызстана стоят актуальные проблемы:

1. как противодействовать угрозам терроризма, какие усилия нужны определить в качестве превентивных мер, при этом соблюдая конституционные права человека и свободу вероисповедания;

2. как повысить религиозную грамотность населения на фоне падения уровня образования и экономики, т.к. религиозная безграмотность населения, подрастающего поколения явилось фактором и основой привлечения молодых людей в экстремистские религиозные группировки;

3. как определить роль государственных органов при конституционной закреплённой светской направленности развития государства, особенно в автономных от государства образовательных религиозных учреждениях, в обеспечении условий удовлетворения религиозных духовных потребностей населения;

4. как решить проблему государственного образования безболезненными путями и в долгосрочной перспективе, чтобы создать структурно устойчивую безопасную государственную систему.

Наряду с этим, можем предположить, что мы знаем не все причины, которые вдохновляют молодых людей вступать в ряды таких террористических организаций, т.к. при одинаковых экономических, социальных и прочих условиях, люди ведут себя не одинаково. Мы становимся свидетелями того как в той или иной стране граждане вступают в члены террористических организаций типа ИГ. И это происходит не только в странах «лояльных» к исламу, но и в европейских странах далеких от религиозного фанатизма. Проблема оставалась бы как тема свободы веры человека, если бы не их нарастающее число членов ИГ, которое

¹Там же.

может увеличиваться, а количество террористических организаций не росло по численности и географии.

На сегодня общее число иностранных боевиков, задействованных в сирийско-иракском конфликте, уже превысило 20 700 человек¹. Из Кыргызстана их число уже доходит до 500 человек.

И чем больше проявляют активность религиозные экстремисты, тем больше человеческих жертв, насилия, террора, разрушений среди мирного населения в мирных государствах. Есть реальные «внутренние» причины, которые не так очевидны и видимы, но так притягательны для новоявленных адептов и их «гуру».

Являются ли эти экстремисты, террористы нормальными людьми? Может они психически больные? Эсси Видинг, профессор психопатологии развития из Университетского колледжа Лондона считает, что к жестоким действиям могут быть причастны и нормальные люди: такие люди разделяют определенную идеологию и часто рассматривают тех людей, которые не согласны с ней, в качестве ущербных существ. Такое «расчеловечивание» позволяет им не испытывать сострадания в отношении своих жертв. При этом они способны на преданность своему делу, своим товарищам и соратникам. Эти качества, считает ученый, не характерны для страдающих психопатией, которые очень редко склонны к идеологичности и обычно сосредоточены на единственной цели.

Невозможно исключить того, что некоторые из таких людей могут иметь психопатические черты, но большинство из них не являются, по-видимому, психопатами. Они способны на жестокости потому, что им удается добиться в собственном сознании полной дегуманизации или расчеловечивания своих жертв, что позволяет им не испытывать эмпатии или сострадания². Говоря о причинах такого явления, часто поверхностное мышление уводит нас в особенности этих религий, считая, что действительная причина кроется в этом. Однако, мы можем быть свидетелями, того, что вербовка так же успешно проводится в другие религии и секты. Но они менее заметны.

Научной исследовательской литературы о причинах терроризма, основанной на фактах очень мало. Однако, из имеющейся исследовательской литературы выясняется, что большая часть «вербовки» молодых людей происходит среди мигрантов, особенно из числа тех, кого причисляют к маргиналам, и через интернет, после уж через религиозные секты.

Известно, что основной причиной современной миграции в мире являются экономические факторы, где главную роль играет низкий уровень жизни населения (бедность и безработица), политическая и военная (гражданские войны, террор, война) и только после этого причиной миграции являются факторы социальные, академические или учебные.

Но есть еще один блок причин вербовки – это психологические факторы, который тесно связан с мировоззрением человека, идеологией. Это уже более сложный путь раскрытия этой проблемы. Вы можете спросить себя, почему Вас лично не могут завербовать в такие религиозные организации? При этом, может выясниться, что такая потребность как вера в Бога, Будду, Аллаха, Всевышнего как

¹Ноа Такер. Доклад USAID: Боевики из Центральной Азии в Сирии и Ираке – что ими движет и как противостоять вербовке//CAA Network.

²Можно ли считать экстремистов из ИГ психопатами? - Би-би-си//
<http://www.ca-news.org/news:1170101>

естественная потребность есть почти у всех нормальных людей. Этот тезис предполагает другое, насколько еще много потенциальных претендентов в эти религии и религиозные течения. При этом образовался вакуум в сфере духовного формирования личности в образовательных учреждениях со светской направленностью.

В основе светского образования как способе углубленного освоения мира подрастающим поколением лежит научный подход. Как исходное правило, озвучено И. Пригожиным: наука должна быть в некотором смысле укоренена в культуру и служить идеологией¹. Это большая надежда, что наука станет основой мировоззрения современного человека. Сравнивая науку, религию, философию З. Фрейд в свое время также отметил, что «нашей лучшей надеждой на будущее является то, что интеллект – научный образ мышления, разум – со временем завоюет неограниченную власть в человеческой душевной жизни»². Однако, наука не единственный способ освоения мира, а мышление не единственный инструмент востребованный человеком.

Поэтому, причины такого явления как вербовка в религиозные террористические организации требует нахождения глубоких психологических причин. Это позволит найти пути решения в долгосрочной перспективе. Иначе, может не только превращаться в кампанейщину, но и приводить к новым противоречиям уже на уровне государств и религиозных конфессий.

Факты, социологические исследования приводят к убеждению, что террористические организации – это больше боевые группировки, наметившие свои цели. Религия ли это? Терроризм не входит в религии, тогда как террористические организации действуют под видом и под флагом религии.

Новоиспеченные адепты, оказавшиеся в рядах ИГ, как оказывается, не всегда заканчивали специализированные религиозные школы, следовательно, они не являются продуктом какой-то одной специализированной религиозной школы. Почти все они обыкновенные выпускники стандартных общеобразовательных школ, как и все остальные. Предположение о том, что они оказались под пристальным оком новой пропаганды с четкими наставлениями «как жить правильно», чтобы быть чистым и праведным перед Всевышним, и видеть в этом единственную причину, может оказаться недостаточным аргументом.

У людей есть одна способность, которая, как считают психологи, хотя и представляет величайшую полезность для коллективных целей, для индивидуации оказывается самой пагубной. Величайший классик мировой психологии К.Г. Юнг имеет в виду способность подражания. Коллективная психология не может обойтись без подражания, ибо без него попросту невозможны ни массовые организации, ни государство, ни даже общественный порядок. Как считает К.Г. Юнг, мы часто склонны уповать на действенность законов. На самом деле, общество в гораздо меньшей степени организуется законом, чем склонностью к подражанию, в равной степени подразумевающей внушаемость, внушение и психическое заражение [15 - 113].

Поэтому причины вступления в религиозные организации молодых людей следует искать не только в школах и в законах, а в психологии самого человека.

¹ Пригожин Илья, Стенгерс Изабелла. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2001. С.6-31; 275-276.

²Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. С. 408.

Здесь каждый индивидуальный случай вступления в религиозную организацию ставит вопрос, насколько сознательно или не сознательно это он делает. Рассмотрим с точки зрения аналитической психологии, т.к. здесь только начинает открываться занавес, когда мы говорим о психологии бессознательного.

При всем разнообразии теорий о религии остаются не достаточно исследованными проблемы психической регуляции поведения, психологические и психические условия, которые помимо сознательной части психики, обнаруживаются как бессознательная часть психики. В бессознательной части психики религиозного человека подлежат исследованию именно те ее содержания, которые определяют сознание и деятельность личности: инстинкты, архетипы личности и фиксированные, неосознаваемые установки. В этом направлении научных исследований большую роль играют труды З.Фрейда, К.Г. Юнга, Д.Н. Узнадзе, Р.Ассаджиоли, Дж. Хилмана и других.

Обычно, когда человек сталкивается с новой проблемой, актуальная потребность – как возникшее психофизическое состояние организма, дает импульсы и человек силится установить определенное отношение к окружающей действительности – к новой ситуации.

Каждый человек является носителем своих убеждений, мировоззрения, множества фиксированных неосознаваемых установок. Под влиянием сформировавшейся установки человек начинает видеть мир по иному, по-иному осуществлять его «прочтение», а потому и действовать по-другому.

Феномен бессознательной фиксированной установки квалифицируется как промежуточное «переменное» между психикой и объективной реальностью (Д. Н. Узнадзе). Иначе говоря, лично Вас, читатель, не могут вербовать в религиозные секты, т.к. у Вас есть определенные жизненно важные установки, которые как иммунитет от болезни спасает Вас от импульсивных необдуманных действий и бездумного послушания неожиданно появившегося перед Вами «гуру».

В психологической науке личность Зигмунда Фрейда относят к числу первооткрывателей бессознательного. Именно он попытался эмпирическим путем на основе психоанализа исследовать и обобщить подсознательный фон сознания.

З.Фрейдом были открыты такие психические инстанции как: Оно (ид), Я (эго), сверх Я (супер эго); феномены: либидо, вытеснение, замещение, идентификация, принцип удовольствия, сопротивление, сублимация, Эдипов комплекс, и другие. Это было началом изучения внутренней бессознательной сферы психики человека [17, 18].

Но сам феномен «бессознательное» З. Фрейдом еще не разделялся на уровни, хотя ученый уже в то время осознавал, что находится в начале пути в исследовании пластов бессознательного.

К заслугам З. Фрейда следует отнести то, что во-первых, он более ста лет назад утвердил существование феномена бессознательного; во-вторых он, работая с пациентами, установил терапевтический лечебный эффект работы с бессознательной сферой. В-третьих, надо признать, несмотря на упреки, что слишком акцентировал и много внимания уделял сексуальному развитию, он оградил в какой-то степени, изучение психологии бессознательной сферы от вторжения в нее мистики, мистических учений.

Сам З. Фрейд, судя по его отзывам о своей теории, понимал привязанность разработанной им теории к определенному измерению с позиции психотерапии. [17, 18].

Все высшие проявления души и поведения человека З. Фрейд интерпретирует как подавление низших чувств. В этом случае сознание и бессознательное понимаются как противоборствующие и взаимоисключающие элементы психики.

З.Фрейд особое значение при передаче информации придавал такому компоненту как «сверх Я». Например, при воспитании детей, родители, как бы ни расходилось их Я со «сверх Я», в воспитании ребенка они строги и взыскательны. Они забыли трудности своего собственного детства, довольны, что могут наконец полностью идентифицировать себя со своими родителями, которые налагали на них тяжелые ограничения. Как считает Фрейд, «сверх Я» ребенка строится собственно не по примеру родителей, а по родительскому «сверх Я» оно наполняется тем же содержанием, становится носителем традиции, всех тех сохранившихся во времени ценностей, которые продолжают существовать на этом пути через поколения.¹

Основываясь на это, Фрейд считает, что человечество никогда не живет полностью в настоящем. В идеологиях «сверх Я» продолжает жить прошлое, традиции расы и народа, которые лишь медленно поддаются влияниям современности, новым изменениям, и, пока оно действует через «сверх Я», оно играет значительную, независимую от экономических отношений роль в человеческой жизни.

Однако, в его теории психоанализа не оказалось места Богу. Как отметил В. Зеленский, в отличие З. Фрейда, объявившего Бога отсутствующим, Юнг вновь открыл божественное как направляющий принцип единства внутри глубин человеческой психики. Психологическим носителем образа Бога в человеке считал самость [5, с. 303].

К.Г. Юнг отмечал, что осознанное может исчезать в подсознании, так и новое содержание, никогда не находившееся ранее в сознании, может появляться из подсознания... кроме воспоминаний из далекого прошлого, из подсознания могут появляться совершенно новые мысли и творческие идеи, которые ранее никогда не посещали сознание.

Теория К.Г. Юнга не противопоставляет бессознательное и сознание в психике человека. Эволюция человеческого сознания далека от завершения: ведь до сих пор значительные участки разума погружены во тьму. И то, что мы называем психикой, ни в коей мере не идентично сознанию. Установлено, что между сознанием и бессознательным всегда существует дихотомия как исходная противоположность психической жизни.

Теория К.Г. Юнга показывает что, путь развития личности предполагает, прежде всего, сознание, но одно сознание не решает успешность развития личности.

Существует известная работа К.Г. Юнга о различии восточного и западного мышления. Сидорова Е.Г., анализируя эту работу, их отличие, отмечает, что в настоящее время происходит экспорт восточных способов преобразования психических состояний и регуляции психических процессов. В этом случае основной мотив продвижения той или иной методики состоит в отождествлении каких-либо представлений с юнгианской концепцией: «Основной принцип Сахаджа Йоги состоит в том, что для духовного роста человеку необходимо получить самореализацию. Автор отмечает, что объяснить этот феномен очень

¹Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. С. 341.

сложно, поэтому в классической индийской литературе это называется «пробуждением энергии Кундалини», в христианской – «крещением Святым Духом» и «вторым рождением», в исламе – «воскресением», в буддизме и дзен-буддизме – «просветлением», а Карл Густав Юнг говорил об этом, используя слово «индивидуация» [11,12].

Развитие, самосовершенствование и самореализация личности, формулируемое как «путь к себе» связаны с понятием «индивидуация».

Индивидуация – это одна из главных функций бессознательного. Индивидуация означает становление “не-делимым” (“in-dividual”) (От лат. in-dividuus — “неделимый”, но еще и “неразделенный”, “неразведенный”, “нерасщепленный”), и коль скоро “индивидуальность” включает в себе нашу глубочайшую, крайнюю и неподобную особенность, она также подразумевает становление человека самим собой. Поэтому мы могли бы истолковать самореализацию, т.е. индивидуацию как “путь к себе” или как “самоосуществление” [15 -132].

«Индивидуация» подразумевает как раз лучшее и более полное осуществление человеком своих коллективных качеств, так как соответствующее внимание к своеобразию индивидуума в большей мере способствует лучшему исполнению социальных ролей, чем пренебрежение этим своеобразием или его подавление. С этой точки зрения индивидуация процесс психологического развития, осуществляющего данные индивидуальные особенности; другими словами, индивидуация — это процесс, благодаря которому человек становится определенным, уникальным существом, каковым он в действительности и является. Осуществляя себя, он, однако не становится “эгоистичным” (selfish) в обычном смысле этого слова, но просто реализует своеобразие своей природы, а это, как мы уже говорили, совсем не похоже на эгоизм или индивидуализм. “Смертным не дано проникнуть в глубины природы”, — и даже в глубины бессознательного. Мы знаем, однако, что бессознательное никогда не остается в покое - отмечает К.Г. Юнг [15 -132-133].

Часто индивиды впадают в субъективизм, в котором их личное мнение является критерием истины. Психология отдельного человека, т.е. личное мнение не есть мера всех вещей. Вера человека, его религия выступает как один из способов его самореализации.

Бессознательная сфера по содержанию основывается на таких компонентах как: инстинкты, архетипы, неосознаваемые установки и образы, которые не являются «территорией» сознания. Согласно трудам К.Г. Юнга, Дж. Хилмана и других, архетипы – это унаследованные структуры психики, бессознательные образы в психике, которые универсальны, типичны, регулярны, постоянно повторяясь на протяжении многих веков, представляют собой заложенные инстинктом устремления, не имеющие содержания. Каждый архетип имеет собственные свойства и специфические функции, которые имеются в архетипических образах (именах), архетипических ситуациях.

Архетипы – как повторяющиеся образы и ситуации, прежде всего, глубоко задевают потребности и чувства человека. Поэтому К.Г. Юнг подчеркивает и выделяет их универсальность, присущие индивиду, их повторяемость и нуминозность в жизни человека. Определяя, в каких конкретных архетипических ситуациях оказывается человек, мы способны гораздо лучше понять, что он испытывает в данный момент. В качестве архетипических ситуаций, которые

универсальны для многих народов, можно выделить: рождение, брак, материнство, смерть, инициация или посвящение, теменос (территория) или огороженное пространство, падение, жертва, заброшенность, развод, утрата или неожиданное обретение чего-либо, посвящение, утрата, жертва, падение, заброшенность, поклонение предкам и другие.

Изучение архетипов приводит исследователей к тому, что они выделяют поведение, которое можно сформулировать в архетипические имена (божественное дитя, эго или герой, пуэра или символ вечной юности, сенека или мудрый старец, трикстер или плут, великая мать, многозначительное животное, целитель и др.).

С этой точки зрения, изучая личность в развитии, с учетом бессознательной сферы, мы можем глубже понимать психологию готовности или не готовности к чему – либо, а также психологию религиозности личности. Здесь мы рассмотрим архетипы личности, которые состоят из эго, персона, тень, анима, анимус, самость.

I. Архетип «Эго»

Эго – является центром сознания, т.к. оно относится к внутренней сознательной части и выступает как главный архетип личности. При этом эго, в качестве субъекта овладевая своими внутренними психическими процессами (мышление, чувство, ощущения, интуиция), сознательно игнорирует бессознательное, хотя многие ее аспекты могут оказаться обусловленными содержанием бессознательной части структуры личности. Как считает В. Зеленский, эго выступает как знак личности, местопребывание индивидуальности и всех психических содержаний, которые осознаются и в этом смысле должны быть связаны с эго. Т.е. эго есть центральный архетип, с которым имеют отношения все архетипы личности.

Эго - архетип, который исходит из коллективного и личного бессознательного как желаемый, сильный образ настоящего героя. Как отмечают исследователи, может даже показаться, что эго было рождено природой не для того, чтобы до бесконечности следовать своим собственным произвольным импульсам, а для того, чтобы помочь психике обрести целостность. Именно эго проливает свет на действие всей системы, позволяя ей стать осознанной, а значит реализованной¹.

Эго проявляет себя как стремление к целостности, направленности, анализу опыта. Архетип «эго» проявляет себя как сила, прилив энергии, предчувствие победы над ситуацией. Здесь же в аспекте архетипа «эго» можно рассмотреть потребность общества в героях, в лидерах.

II. Архетип «персона»

Архетип «персона» выступает как социальная природа, функция, качество. Проявляет себя в межличностных отношениях (данный термин аналогичен понятиям «маска», «лицо»). В творчестве персона выражена через продукты творчества, объекты, статус, имидж, и т.д. Большинство определений «личности», когда она понимается как целостное образование, в традиционном общем понимании, определяемые исследователями как «социальная природа», «качество», «социальная функция» и т.д. в большей степени можно отнести к персоне. Персона

¹Мария –Луиза фон Франц. Процесс индивидуации // Юнг. К.Г. Человек и его символы/ Под общ.ред. С.И. Сиренко, - М.: Серебряные нити, 1997, стр. 158.

- это сознательно обусловленная внешняя сторона личности. Как отмечает В. Зеленский, требования внешней адаптации ведут к возведению психической структуры, которая посредничала бы между эго и социальным миром, обществом. Другими словами, персона находится между эго и социумом. Как считает К.Г. Юнг персона состоит из межличностных элементов, часть которых основывается на многочисленных элементах, часть на личностных пристрастиях индивида, а часть образуется на базе общественных, социальных ожиданий от данной личности. Персона, как отмечается, есть некий компромисс между индивидуальностью и надеждами на нее других людей [5, с. 288].

Если больше углубляться в происхождение и сути персоны, то выясняется, что ее индивидуальность, самобытность как субъекта ставится под сомнение, т.к. в ней может оказаться больше коллективного, нежели сугубо «личного». В связи с этим, К.Г. Юнг определяет персону не только как маску, которую когда-то одевали актеры, чтобы обозначить исполняемую ими роль», а как часть коллективной души (persona), которая является мини маской коллективной души, той маской, что стимулирует индивидуальность, заставляя других и самого ее обладателя поверить в то, будто он индивидуален, тогда как он просто играет роль, через которую говорит коллективная душа. Когда мы анализируем персону, мы сдираем маску, - писал К.Г. Юнг, - и обнаруживаем: то, что казалось индивидуальным, по сути своей коллективно, или, говоря иначе, персона была только маской коллективной души. В принципе, маска и нереальна вовсе: она лишь компромисс между индивидуумом и обществом в отношении того, каким человек должен быть с виду. Он делает себе имя, заслуживает титул или звание, выполняет некие обязанности, и вообще — он то один, то другой. В известном смысле все это — реально, и все-таки, в отношении составляющей сущность данного лица индивидуальности, это — вторичная реальность, в создании которой другие часто принимают большее участие, чем само заинтересованное лицо. Персона есть видимость, реальность, имеющая два измерения [личина], если уж давать ей прозвище [15 - 116] .

Таким образом, в персоне присутствует и индивидуальное и коллективное. Но как взаимодействуют коллективное в индивидуальном? Как считает К.Г. Юнг, различить, где начинается личное бессознательное, и где начинается коллективное весьма и весьма сложно. На своих более глубоких уровнях бессознательное владеет коллективными содержаниями в относительно активном состоянии и оно в большей степени представляется как личное. Как реагируют и как переживают процесс введения содержаний бессознательного в сознание - по Юнгу - происходит у субъектов по-разному. Одни – испытывают невиданный оптимизм, другие впадают в уныние. В результате ассимиляции бессознательного: **первые (оптимисты)**, переполняемые чувством собственной значительности, берут на себя ответственность за бессознательное, превышающую все разумные границы; **вторые (пессимисты)** окончательно отказываются от какой бы то ни было ответственности, измученные ощущением бессилия эго перед судьбой, управляющей через посредство бессознательного.

За оптимистической самоуверенностью первых кроется глубокое чувство бессилия, в отношении которого их сознательный оптимизм действует как безуспешная компенсация - считает К.Г. Юнг. И, напротив, пессимистическое смирение вторых маскирует дерзкую волю к власти, далеко превосходящую в самоуверенности сознательный оптимизм первых [15-94].

Коллективное бессознательное. Может ли персона быть свободным от коллективного бессознательного? Остаются мало исследованными роль и значение коллективного и личного бессознательного в развитии персоны. Мы больше склонны большие надежды возлагать на коллективное мнение, нежели на свое сознательное решение.

К.Г. Юнг отмечает наше восхищение огромными организациями уменьшается, когда однажды нам доводится осознать оборотную сторону этого чуда. Как оказывается, чудовищное накопление и выпячивание в человеке всего самого примитивного и неизбежное разрушение его индивидуальности в интересах того чудовища, каковым, фактически, является всякая большая организация. Поэтому, как считает классик:

- современный человек, более или менее соответствующий такому коллективному идеалу, превращает свою душу в притон убийц, в чем легко можно убедиться с помощью анализа его бессознательного, даже если он сам ничуть не обеспокоен этим;

- любая большая компания, составленная целиком из замечательных людей, имеет мораль и интеллект неуклюжего, тупого и свирепого животного;

- чем больше организация, тем неизбежнее ее ждет безнравственность и безрассудство (*Senatus bestia, senatores boni vivi* (Сенат — чудовище, сенаторы — достойные мужи (лат.)). Общество, автоматически подчеркивая коллективные качества своих отдельных представителей, поощряет посредственность, все то, что позволяет вести легкий и безответственный образ жизни [15-110].

При более глубоком анализе проблема коллективного отражается на развитии личности, персоны. Сознание и бессознательное находятся в постоянном противостоянии, обеспечивая развитие сознания в единстве и сотрудничестве, расширяя, и обеспечивая развитие и совершенствование личности.

Возникающая в сознании вещь вначале с очевидностью не осознается. Осознание ее вытекает из неосознанного состояния. В раннем детстве мы все бессознательны; большинство главных функций инстинктивной природы протекает бессознательно, и сознание, скорей всего, продукт бессознательного.

Бессознательное просто создает образ, который есть реакция и ответ на сознательную ситуацию. Этот образ содержит в себе столько же мысли, сколько и чувства, и, пожалуй, является всем чем угодно, только не продуктом рационалистического обдумывания. Такой образ было бы лучше охарактеризовать как прозорливое видение художника [15 - 144].

Вероятно то, что найти универсальное для всех народов в психологии весьма непросто. Юнг К.Г. исходит в своей теории из того, что в бессознательном много общего для народов, бессознательные процессы самых далеких друг от друга народов и рас обнаруживают совершенно поразительное соответствие, которое проявляется, среди прочего, в экстраординарных, но достоверно установленных аналогиях между формами (и мотивами) автохтонных мифов.

Поскольку существуют различия, соответствующие расе, роду или даже семье, то в добавление к “всеобщей” коллективной душе, можно также говорить о таких ее разновидностях, как расовая, племенная и семейная душа.

Поднимая содержания из личного бессознательного в сознание, анализ заставляет субъекта осознавать то, что он обычно замечает в других, но никогда — в самом себе. Это открытие делает его менее индивидуально своеобразным и вместе с тем более коллективным. К.Г. Юнг считает, что подобная

коллективизация — не всегда шаг к несчастью; иногда она может оказаться ступенькой к благу. Есть люди, которые подавляют свои хорошие качества и сознательно дают волю своим инфантильным желаниям [15 - 105].

Природа аристократична. Дифференциация людей – проблема очень сложная и деликатная. Когда в обществе говорят о равенстве, наблюдается перенос устоявшихся убеждений из других сфер, например, из политической сферы. Все люди равны в правах (право на жизнь, право на свободу и т.д. по крайней мере должны быть равны) и это часто переносится на индивидуальную психологию. Это мнение склоняется к тому, что все люди равны и в остальном. Однако, этот стереотип не учитывает того, что среди всех «одинаковых и равных» людей есть в своем психологическом развитии личности, которых мы можем отнести к категориям: способный, одаренный, лидер, элита и т.д. Выделяя их из общей массы, вероятно, мы подразумеваем, что остальная основная масса не является таковыми. С этой точки зрения мы согласимся с тем, что писал К.Г. Юнг: Природа аристократична и один стоящий человек перевешивает десяток других, менее ценных [15 - 106].

У каждого народа есть пословицы и поговорки восхваляющие, например, такую ценность как «знание», также у кыргызского народа есть пословица «Билектуу бирди жыгат, билимдуу минди жыгат», в переводе означает: сильный физически победит одного, а человек со знанием победит тысячу». Из этого следует, что человек со знанием побеждает и стоит тысячу людей без знаний. Получается, что иногда один стоящий человек (в данном случае человек со знанием) может стоять тысячу других, менее ценных (не имеющих знания). Очевидно, есть много вещей, которых невозможно истребить физически.

Однако со знанием происходят свои парадоксы, когда оно становится личным достоянием отдельного человека. Здесь акцент должен уже переместиться на индивидуальную психологию. Новое знание, оказывается, может завораживать, но может и приводить к одиночеству. Не каждый почувствует себя сверхчеловеком, держа в руках весы добра и зла,- отмечает К.Г. Юнг [15-96]. Это больше связано со знанием как истиной. Знание «надмевает», — пишет Павел коринфянам [1 Кор. 8:1], ибо новое знание вскружило головы многим, что, фактически, происходит постоянно. Поэтому многие знания для человека могут оказаться недоступными, т.к. он еще оказался неготовым к этому.

Понятие «инфляция» здесь не имеет ничего общего с характером знания, но связана исключительно с тем обстоятельством, что всякое новое знание может настолько завладеть слабой головой, что человек уже ничего другого не видит и не слышит. Знание его гипнотизирует, и он тут же начинает верить, будто разгадал тайну Вселенной. Но это всего лишь самомнение. Этот процесс представляет собой настолько общую реакцию, что в Бытии вкушение от древа познания изображается как смертный грех.

Оказывается, что человек, узурпировавший новое знание, претерпевает преобразование или увеличение сознания, которое теперь уже не имеет сходства с сознанием его ближних. Он поднялся выше человеческого уровня своего поколения, но тем самым и отделился от людей.

В результате преобразований личности здесь возникает одиночество и мука одиночества. Человек, чем больше приближается к истине, тем все больше и больше обрекает себя на одиночество. Вероятно, это связано не только с тем, что «толпа» не прощает «проницательных одиночек».

Сознание, которое целиком и полностью является личным, с известной тревогой подчеркивает свое исконное право и право частной собственности на свои содержания, стремясь таким образом создать видимость целого.

Таким образом, новое знание может изменять «слабое» сознание отдельного человека, вплоть до того, что приобретая знание, возвеличивает его над основной массой, но он может оказаться в одиночестве. С другой стороны, знание может выступать как ценность (престиж) для одного, и не представлять такой ценности для другого.

Прогрессия в персоне. Успешность развития личности во многом зависит от того, какие процессы происходят в психике, в сознании, с точки зрения развития (прогрессирующие, регрессирующие процессы).

У многих исследователей остается однозначное, порой недостаточно полное понимание феномена бессознательного и психической энергии. Представления эти в большей степени связаны с пониманием «подавленного либидо» в тесной неразрывной связи с сексуальной энергией, в интерпретации теории З. Фрейдом. Более того, для многих, не только читателей, но и для некоторых ученых вся сфера бессознательного сводится к «либидо».

В теории Юнга К. Г. развитие тесно также связано с понятием либидо. Однако, здесь необходимо уточнить понимание данного термина и отличие от устоявшегося понимания, которое исходит из другой предыдущей теории. В дальнейшем, новыми направлениями, в частности К.Г. Юнгом и его школой установлено, что источником энергии является не только и не столько сексуальное либидо.

Самость очень тесно связана с психическим развитием личности человека. К.Г. Юнг считал, что психологическое развитие и есть прогрессивное возникновение и дифференциация эго и сознания из первоначального бессознательного. Психика как процесс меняется и развивается во взаимоотношении эго с содержанием бессознательного. Данный процесс изменения и развития продолжается в течение всей жизни человека.

К.Г. Юнг определяет прогрессию как ежедневный успех процесса психологической адаптации. Прогрессивное движение вперед тесно связано с формированием установки и завершением адаптации условиям внешней среды средствами установки. «Это очевидно, - пишет В. Зеленский – вследствие непрерывных изменений в окружающей среде все новых и новых к ней приспособлений. Прогрессия либидо в этом смысле заключается в непрерывном удовлетворении требований внешней среды. Последнее возможно лишь средствами установки, которая с неизбежностью выдвигается субъектом и характеризуется определенной односторонностью» (5 - с.279).

Если прогрессия есть непрерывный процесс приспособления внешним условиям, то регрессия со своей стороны есть адаптация к миру внутреннему, приспособление к внутренним условиям, к требованиям самого индивида, а точнее его индивидуальности.

III. Архетип «Тень»

Архетип «Тень» входит в содержание бессознательной сферы. Тень – это архетипическая форма, состоящая из материала, подавленного сознанием. Тень - неосознаваемая часть психики. Установлено, что содержание тени включает те тенденции, желания, воспоминания и опыты, которые отсекаются человеком как

несовместимые с персоной и противоречащие социальным стандартам, идеалам и находятся в бессознательной части психики. Тень содержит в себе все негативные тенденции, которые человек хочет отвергнуть, включая животные инстинкты, а также неразвитые позитивные и негативные черты¹.

Архетип «тьень» содержит в бессознательной сфере негативные образы, на которых субъект сознательно категорически не хотел бы быть похожим, или стать им - этой тенью. Тень часто появляется в сновидениях как темная, примитивная, враждебная или пугающая фигура, так как содержание тени насильственно вытеснено из сознания и всегда антагонистично сознательной части. Человеку представляется, что он единственный, кто обладает этой тенью. Хотя тень как архетип присущ каждому человеку. Тень иногда мешает человеку раскрыться, реализовать в полную силу. При этом следует подчеркнуть, что К. Г. Юнг отмечал, что «тьень» присуща не только одному человеку, она как архетип универсальна: есть и такие, - писал он, - кто принимает только что обретенный инсайт близко к сердцу, даже чересчур близко, совершенно забывая, что он не единственный обладатель теневой стороны. Они позволяют себе впасть в чрезмерное уныние, и уж тогда готовы сомневаться во всем, нигде не находя истины и справедливости.

Согласно теории К.Г. Юнга подавленный материал организован и структурирован вокруг тени, которая становится в буквальном смысле негативной самостью, или тенью эго. Тень опасна, когда остается неузнанной. По этой причине полезность адаптации заключается в том, что если материал из тени возвращается обратно в сознание, она теряет очень многие из своих примитивных и пугающих черт. Человек часто проецирует свои нежелательные черты на других, не понимая ее. Как считают ученые личность, претендующая на то, чтобы не иметь тени, оказывается не сложным человеком, а двумерной карикатурой, отрицающей смесь хорошего и плохого, неизбежно присутствующего во всех нас².

Идентификация себя с коллективным бессознательным и отсутствие тени приводит к деградации личности. Считается, что тень может являться одним из источников творческой энергии человека.

Таким образом, тень – архетип, который является частью бессознательной сферы психики, выступает как материал подавленный сознанием. Тень недоступна напрямую сознанию, она приходит или дает о себе знать через сновидения, неосознанные тревоги и страхи. Тень часто проявляет себя как тенденция навязать сознанию то, что является негативным, включая неразвитые черты, подавленные природные инстинкты. Считается, что тень находит свое место между эго и внутренним миром бессознательного. Она содержит в себе непривлекательные, негативные стороны психики, которые уважая себя эго не позволит идентифицировать в самом себе.

IV. Архетипы «Анима» и «Анимус».

В каждом мужчине есть что-то женское и символически представлено в подсознании как некий женский образ. Иногда, мы становимся свидетелями как

¹ Фрейджер Р. Фрейдимен Дж. Личность, теории, эксперименты, упражнения. Психологическая энциклопедия.// С.П. «Прайм-Еврознак, Изд. дом Нева; М. «Олма-Пресс», 2001, с. 94.

² Там же с. 94.

мужчина начинает вести себя как неполноценная женщина.

Соответственно **иногда** в психологии женщин что-то заставляет ее вести себя как мужчина, проявлять больший интерес к власти, к обладанию, нежели проявлять свои природные нежные женские качества.

Способ отношения к внутренним психическим процессам, который присущ данному человеку (женщине, мужчине), это есть та внутренняя установка, тот характер, которым он обращен к бессознательному. Все, что не согласовывается с тем, как именно человек осознает себя мужчиной или женщиной. Для женщины процесс психологического развития влечет за собой начало диалога между ее женским «Эго» с «Анимусом». То же самое происходит у мужчины как диалог мужского «Эго» с «Анима». Анима у мужчин или анимус у женщин, как представляется в работе К.Г. Юнга, есть внутренняя личность, скрытая от сознания.

Каждый мужчина,- писал К.Г. Юнг, - несет внутри себя вечный образ женщины, не образ той или другой конкретной женщины, но определенный феминный образ. Этот образ является отпечатком или «архетипом» опыта всех женских предков, хранилищем, так сказать, всех впечатлений, когда-либо приобретенных женщинами.

Так как этот образ является неосознанным, он всегда бессознательно проецируется на любимого человека, и это одна из главных причин для страстного влечения или отвращения, - считает К.Г. Юнг. Анима/анимус – бессознательная часть психики. Благодаря аниме/анимусу личность «осознает», **что** есть мужчина или женщина в психологическом плане. Анима - есть автономное психическое содержание в мужской личности, которое обусловлено (условно) «внутренней женщиной» в мужчине. Анима психически воспроизводит женское начало у мужчины и символически представлена женской фигурой (от совратительницы, проститутки до святой девы). К. Г. Юнг считает, что при совмещении эго и анимы, мужчина начинает вести себя как находящаяся в подчинении, чувствующая себя как бы неполноценной женщиной. Соответственно **анимус** представляет мужские психические элементы в психологии женщин. Одержимость анимусом в эго заставляет женщину проявлять больший интерес к власти, к обладанию, нежели поддерживать взаимоотношения или родственные связи.

V. Архетип «самость».

Мы подошли к анализу самого главного архетипа - самость. Если эго – центр сознания, то самость - это центр всей психики человека.

В теории К.Г. Юнга категория «самость» как одно из центральных содержаний бессознательной сфере существует как внутренний регулирующий центр, отличающийся от личностного сознания. Именно из этого центра исходит направляющее, регулирующее воздействие. Этот центр изобретает, упорядочивает и генерирует образы сновидений. К.Г. Юнг назвал этот центр самостью, охарактеризовал его как охватывающий всю психику человека, в отличие от эго, представляющего лишь сознание, небольшую часть психики¹.

Самость постоянно направляет развитие и созревание личности. И это разностороннее и цельное состояние психики выглядит как врожденное, но не

¹Там же, стр. 157.

проявившаяся возможность. Как показали исследования, на протяжении жизни человека, она может проявиться лишь отчасти или развиваться относительно.

При определенных благоприятных условиях самость подводит индивида к самому полному развитию, переживанию наивысшей ценности и силы за пределами собственных границ, т.е. опыту трансцендентного. В связи с тем, что чувство самости недоступно сознанию, ее переживание и образы имеют огромную ценность. По мнению ученых, традиционно это чувство получает наименование божественного [5, с. 293-295].

Считается, что целостность и направленность эго обусловлена самостью, этот механизм имеет свои закономерности. Самость очень тесно связана с психическим развитием личности человека. К.Г. Юнг считал, что психологическое развитие и есть прогрессивное возникновение и дифференциация эго и сознания, возникающего из первоначального бессознательного. Психика как процесс меняется и развивается во взаимоотношении эго с содержанием бессознательного. Данный процесс изменения и развития продолжается в течение всей жизни человека.

Многие закономерности и принципы работы бессознательной сферы тесно связаны с самостью.

К таким принципам можно отнести то, что: основная часть психической энергии исходит из бессознательного (в том числе самости); развитие личности, полная реализация может быть обусловлена в большей степени самостью; данный архетип определяет созидание и развитие личности; в психике происходит расширение сознания на основе воздействия самости; также в психике может происходить саморазрушение личности и психическая инфляция при отсутствии связи с самостью [1,2,5,14,15].

Анализ показывает как сильно влияние бессознательного на сознательную жизнь человека. Считается, что без свободы не может быть морали. Как пишет в своих трудах К.Г. Юнг: Свобода — это одно из самых трудных условий жизни [15 - 126].

Если говорить о свободе, то, оказывается, что человеку быть самостоятельным свободным очень трудно. Для многих людей, как оказывается, кабала и рабство лучше, чем свобода.

С усилением, влияния коллективного бессознательного ослабевает руководящая власть сознательного ума. На практике мы часто наблюдаем, как человек может незаметно стать ведомым, в то время как бессознательный и безличный процесс берет руководство на себя.

Зато в тех случаях, когда эта внутренняя адаптация становится проблемой, от бессознательного исходит какое-то удивительное, непреодолимое притяжение, которое оказывает мощное влияние на сознательную линию жизни человека.

Таким образом, анализ показывает, что исследования проблемы психологии религиозности человека уходит корнями глубоко в психологию бессознательного. В зависимости от того насколько глубоко затрагиваются причины или психологические факторы бессознательного, настолько религиозный человек предан этой религии.

С точки зрения аналитической психологии религиозный человек, прежде всего социальный человек, у которого в его индивидуальной психологии больше присутствует коллективное бессознательное, нежели личное.

Архетипы коллективного и личного бессознательной сферы должны быть

изучены и учтены в исследованиях ученых, когда идет речь о психологии религиозности современного человека.

В этой малоизученной сфере - психологии бессознательного многое объединяет народы.

Использованная литература:

1. Адыкулов А. Бессознательное в развитии личности. – Б.: ЛакПринт, 2011.- 118 с.
2. Адыкулов А. Психологические детерминанты в формировании личности лидера.- Б.: 2012.-108 с.
3. Белорусов С.А. Психология духовности, веры и религии//<http://www.aquagun.ru/psih/relig/relig4.html>.
4. Государственная политика в религиозной сфере и основные религиозные течения в Кыргызстане: Методическое пособие /Чотаев З.Д., Турсунбеков З.А., Жумакунов Э.М., Сманова Н.Т., Гайббаева А.Т. – Бишкек, 2005.- 90 с.
5. Зеленский В. Послесловие./ Юнг К.Г. Аналитическая психология: Прошлое и настоящее. – М.: Мартис, 1995.
6. Исследование потенциала внедрения курса «Образование для мира» в учебную программу исламских учебных заведений в Кыргызской Республике». Авторский коллектив: Эмиль Насритдинов и Нурбек Бекмурзаев // в рамках проекта «Многосекторное сотрудничество в целях межэтнического миростроительства в Кыргызстане». Бишкек – 2015 г.
7. Пригожин Илья, Стенгерс Изабелла. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2001. С.6-31; 275-276
8. Пригожин И. Философия нестабильности.// Вопросы философии. 1991. № 6.
9. Религия, политика и безопасность в Центральной Азии. Марта Брилл Олкотт//http://caa-network.org/cassions/wp-content/uploads/2015/03/MBOforUNRCCA_Nov2014.pdf
10. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. - М.: Наука, 1966.
11. Сахаджа Йога – великая Йога наших дней. <http://library.sahajayoga.ru/sy.htm>
12. Сидорова Е.Г. Восток–Запад: встреча в пространстве аналитической психологии.
13. Фрейджер Р. Фрейдимен Дж. Личность, теории, эксперименты, упражнения. Психологическая энциклопедия.// С.П. «Прайм-Еврознак, Изд. дом Нева; М. «Олма-Пресс», 2001, с. 94.
14. Юнг К.Г. Аналитическая психология: Прошлое и настоящее. – М.: Мартис, 1995.
15. Юнг К. Г. Отношения между эго и бессознательным//Сознание и бессознательное: Сборник/ Пер. с англ. – СПб: Университетская книга, 1997.-544 с.
16. Хиллман Дж. Архетипическая психология. – СПб: Б.С.К., 1996 . – 157 с.
17. Фрейд З. Я и Оно // Психология бессознательного. - М.: Просвещение, 1989 .
18. Фрейд З. Введение в психоанализ: - М. Наука. 1991.- 456 с.

Жамбаева У.Б.,
кандидат философских наук,
начальник ОРС УВО
«Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова»
Улан-Баторский филиал

УДК 323 (510)

Политико-правовой аспект Тибета в составе КНР

Политико-правовой статус любой этнической общности в составе полиэтнического государства определяется наличием у неё той или иной формы автономии, которая, в свою очередь, определяется характером обустройства самого государства. Речь идет о наличии или отсутствии в его устройстве главным образом двух принципов – национально-территориального и национально-государственного. При этом, следует отметить, что большинство федеративных государств мира устроены на основе лишь одного принципа – административно-территориального. В этой связи есть мнение в среде политиков и даже ученых о том, что выше указанные принципы потенциально порождают сепаратизм, и, наоборот, последний принцип обуславливает собой стабильность в обществе. Однако, как показывает практика не всё так однозначно.

В данном контексте китайский опыт решения положения иных этносов, а главным образом малочисленных народов и национальных меньшинств, в государстве весьма специфичен. С одной стороны, тяга доминирующего этноса – китайцев (ханьцев) к ассимиляции всех и вся ярко выражена, а с другой – налицо разумное решение национального вопроса, посредством предоставления определенной формы автономии. Здесь некоторая двойственность в национальной государственной политике, по всей видимости, определяется степенью опасности для целостности самого государства наличием тех или иных форм автономий.

Признание национально-территориального принципа, наряду с административно-территориальным, наиболее, конечно, оптимальный вариант решения национального вопроса с точки зрения безопасности государства. Но, дело в том, что процесс обретения своего национального государства носит объективный характер. Для этого необходимы ряд условий: во-первых, наличие этнической территории; во-вторых, наличие определенной культурной составляющей, то есть этнос должен обладать способностью обеспечить своими национальными кадрами основные сферы жизнедеятельности общества; в – третьих, их должно быть достаточно много, ибо в политике всегда играет определенную роль количественный фактор. Отсюда признание, в том числе, национально-государственного принципа напрашивается с достаточной необходимостью в вопросе обустройства полиэтнического государства.

Все эти условия, абсолютно применимы к Тибету. И, тем более, Тибет в разные исторические периоды представлял из себя полностью независимое государство. Народ, познавший самостоятельность и свободу, вряд ли согласится с утратой своего суверенитета. Для оптимизации отношений между центром и Тибетом следует на договорной основе поднимать политико-правовой статус

тибетцев (например, правительство Тибета в изгнании считает наиболее приемлемым, на сегодня, данный вариант решения проблемы). «Необходимо также отметить, что исследование тибетского вопроса имеет особое значение для России. Китай является нашим соседом и стратегическим партнером, чем и обуславливается специфическое отношение правительства Российской Федерации к тибетскому вопросу, выражающееся, в частности, в многократных отказах МИД России предоставить въездную визу Его Святейшеству Далай-ламе. Подобная позиция правительства вызывает недовольство со стороны российских буддистов (бурят, калмыков, тувинцев и др.), которые считают Далай-ламу иерархом своей буддийской традиции (Гелугпа), тем более, что буддизм официально признается в качестве одной из традиционных религий Российской Федерации. Наличие отмеченных факторов делает тибетскую проблему весьма актуальной для внешней политики России, благодаря существующим контактам российских буддистов с Далай-ламой и другими представителями тибетской диаспоры в Индии»¹.

На сегодня реальное положение вещей характеризуется тем, что тибетцы фактически по своему статусу относятся к национальным меньшинствам на своей этнической территории. Так, по данным правительства Тибета в изгнании на его территории проживают шесть миллионов этнических тибетцев и семь с половиной миллионов этнических китайцев. При этом историческая территория Тибета разделена на следующие административные единицы: 1. Тибетский автономный район; 2. Тибетские автономные округа в провинции Цинхай; 3. Тибетский автономный округ и Тибетский автономный уезд в провинции Ганьсу; 4. Тибетские автономные округа и Тибетский автономный уезд в провинции Сычуань; 5. Тибетский автономный округ в провинции Юньнань.

Из такой мозаичной политической карты Тибета напрашивается лишь один вывод – налицо в действии традиционный принцип «разделяй и властвуй». Более того, статус национальных меньшинств может привести к такой ситуации, когда они вовсе лишатся территориальной формы автономии. Дело в том, что есть для такого прогноза определенные предпосылки, нивелирующие выше приведенные условия суверенизации этноса, скажем в составе другого государства. Во-первых, тибетцы традиционно заняты в основном в сельском хозяйстве и животноводстве, а проживающие на территории Тибета китайцы – в управлении, торговле, секторе обслуживания. Во-вторых, уровень грамотности среди тибетцев составляет менее 50%. Хотя также известно, также, что в старом Тибете не было школ в современном понимании, образование было доступно только в виде монастырей, где действовали лишь малочисленные монастырские школы. «Абсолютную часть школьников составляли дети аристократов, крепостные и рабы были лишены права на образование; поступаемость в школы детей школьного возраста составляла всего 2 %, 95% молодежи и людей зрелого возраста были неграмотными, а уж о науке и технике говорить нечего. С 1951 года по 2010 гг. государство ассигновало на образование в Тибете 40,73 млрд юаней, что эффективно способствовало развитию дела образования в Тибете. Сегодня в Тибете уже создана система современного образования, включающая дошкольное, начальное, среднее, профессиональное и высшее образование, образование для взрослых и специальное

¹ Гарри И.Р. Тибетский вопрос и национальная политика КНР в Тибете (1951-2001 гг.).- Улан-Удэ, 2010.-С.37.

образование»¹. В 2010 г. в Тибете насчитывалось 6 вузов, 122 средних школ, 872 начальных школ, свыше 500 тыс. учащихся. В-третьих, тибетская оппозиция расценивает политику китайских коммунистических властей в регионе как геноцид тибетского народа. И, наконец, в-четвертых, в силу численного преобладания китайцев на территории Тибета путем простого голосования могут решить будущее тибетцев, как это происходит повсеместно по миру, причем за вывеской демократии.

В данном контексте политических реалий в Тибете обретает определенную значимость теоретические знания по статусу национальных меньшинств. Так, например, в нашей стране в разрабатываемом проекте закона о статусе национальных меньшинств предлагалось следующее определение: национальные меньшинства – это части этносов, проживающие за пределами территории их традиционного расселения. Другими словами, в части определения постулируется идея экстерриториального их обустройства. Отсюда трагичность ситуации заключается в том, что статус национальных меньшинств исключает право на территорию, исходя из понимания того, что этническое ядро уже имеет статус территориальной автономии. По всей видимости, роль этнического ядра в Тибете играет Тибетский автономный район (ТАР), который занимает меньше половины всего исторического Тибета, а население ТАР составляет всего лишь одну треть от населения Тибета. При этом следует помнить, что автономный район – это не форма государственности, а всего лишь административная единица. Прежние символы государства – флаг, герб китайской стороной объявлены символами сепаратизма.

Симптоматично, что некоторые части территории исторического Тибета вообще не получили никакого территориального оформления. На так называемый «Великий Тибет», к которому тибетское правительство в изгнании относит также территории, не имеющие в нынешнем Китае автономного статуса, приходится: 5,2 миллиона тибетцев, 3,6 миллиона хань (китайцев) и 1,6 миллиона представителей других национальностей (подсчёты по данным китайской переписи населения 2000 года). Вместе с тем, по данным международных правозащитных организаций с момента аннексии территории Тибета Китаем численность сократилась как минимум в 5 раз.

Характерно и то, что если в автономном районе Внутренняя Монголия статусом государственного языка обладает наряду с китайским и монгольским, то с момента вхождения в состав Китая Тибета официальным языком на его территории стал, лишь китайский. Хотя делопроизводство разрешено вести на тибетском, а также в начальной школе обучение зачастую ведётся на тибетском, с постепенным переходом на китайский язык к старшим классам (2).

Общеизвестно, что утрата языка – первый шаг на пути духовного перерождения любого народа. Поскольку духовная жизнь народа во многом определяется богатством родного языка. И особенный социально-культурный статус тибетцев в мире определялся своеобразием их духовности, через которую идет осознание окружающего мира, выработка более глубокого и тонкого отношения к нему. На сегодняшний день идет некое возрождение тибетского языка, тибетской культуры в пределах северной Индии, в г. Дхарамсала, а точнее в

¹ 60-летие мирного освобождения Тибета// Китай. Ежемесячный журнал № 9 (71). - Москва, 2011.-С.10.

неких образовательных центрах, таких как TCV (Tibetan children villages), в Сэра и т.д. Ведь известно, что потеряв свой родной язык, мы, таким образом, разрушаем наше самосознание, как народ. В этой связи весьма интересны исследования В.М. Алексеева, который ввел в оборот понятие «мыслить иероглифически», подчеркивая, что «иероглифика – это картина, картина же усваивается иначе, чем разговор о ней».¹ Здесь следует оговорить специально одну деталь: термин «алфавит» применительно к любому иероглифическому письму употребляется в семиотическом смысле слова и обозначает совокупность не букв, как, например, в русском или латинском алфавитах, а знаков. Тем самым, знаковая система письма инициирует образность мышления, и, по всей видимости, составляет основу бессознательного. Получается, что в культуре мышления, скажем китайца, с обретением иероглифической письменности не произошел разрыв между абстрактно-логическим и образным мышлением, означающее целостное восприятие мира и, тем самым, предполагающее подлинную гармонию духа и тела, человека и природы.

В свете сказанного также интересно прислушаться и к мнению Э. Феннолозы, который считал современные западные языки тощими и стерильными, «потому что всё меньше вдумываемся в них».² Тем самым буквенный язык как бы вгоняет сознание в узкие рамки логики и формирует предметно – понятийное восприятие, составляющее основу западного прагматизма, где природа в конечном итоге становится лишь объектом эксплуатации. Однако правополушарное начало в мыслительной деятельности ведет к постоянному поиску смыслов, как в словах, так и в структурированных текстах. Отсюда имеет место быть проблема интерпретации понятий, текстов и в целом проблема достоверности в науке.

Язык в онтологическом плане несет в себе закодированные, тайные смыслы. Вот почему при чтении молитв, лучше всего их читать на языке оригинала, ибо он созвучен как по форме, так и по содержанию с кодом Вселенной, и тем самым он составляет собой основу мировоззренческой дивергенции. Данное требование очень хорошо просматривается при чтении буддистских мантр, где звуки речи различные не только по произношению, но и в том числе, по тональности произношения. В особенности звук, исходящий от слова «Ом», совпадает, по мнению теологов, со звуком Вселенной. Здесь сосредоточенность ума на звуковую вибрацию должна быть абсолютной. Дело в том, что «ум всегда блуждает с одного предмета на другой, поэтому необходимо постоянно тренироваться в концентрации его на образе Всевышнего Господа Шри Кришны или на звуке Его имени. По природе своей ум беспокоен, перескакивает с предмета на предмет, но он может отдохнуть в звуковой вибрации Кришны».³ В сущности это и есть гегелевское «тождество бытия и мышления».

Это вполне соотносимо с актом божественного творения мира, выраженного в библейской формуле «в начале было слово». М.Ф. Альбедиль в выше приведенной работе пишет: «Понимание магической связи предмета и его имени пронизывает всю традиционную культуру, доживая до нашего времени. Религиозному сознанию и древнего, и современного индийца свойственно материализованное восприятие

¹ Алексеев В.М. В старом Китае.- М., 1958.- С.301.

² Малявин В.В. Китайские импровизации Паунда//Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации.-М., 1982.-С.249.

³ Бхагавад-Гита как она есть. - М., 1986.-С.43.

слова, нашедшее свое выражение, в частности, в том, что акт называния предмета воспринимался как акт его творения, а язык осознавался как вид деятельности».¹ Здесь надо заметить, что взаимовлияние древнеиндийской и древнекитайской культур был весьма значительным.

Характерной чертой тибетской культуры являлось особое отношение к письменности как символу, символической схеме. В этой связи необходимо считать, что тибетцы видели мир как всеобъемлющую знаковую систему: каждое явление, событие, это есть некий знак свыше. Считается, что с помощью знаков, символов можно не только выявлять уникальные законы мироздания и всей системой в целом. Отсюда понятно столь трепетное отношение тибетцев к своей письменной культуре.

В данном контексте как бы благие намерения, исходящие от китайской стороны, в деле преобразования тибетского общества не находят в мире ожидаемого понимания. На наш взгляд, постулат о том, что духовная жизнь человечества происходит и отталкивается от жизни материальной, в рассматриваемом случае не работает. Интерес к Тибету в мире поддерживался тем, что именно там духовная деятельность стала самоценной, она обладала значимостью нередко безотносительно к результату. Не покидает ощущение потери чего-то глобального, жизнеутверждающего начала в нашем предметном мире.

Литература:

1. Алексеев В.М. В старом Китае.- М., 1958.
2. Барьядаева В.А. Китайская классическая «Книга перемен»//Конфуций и конфуцианство: Материалы научной конф. – Улан-Удэ, 25 марта 2005г.,- С.12/БГУ.
3. Бхагавад-Гита как она есть. – М., 1986.
4. Гарри И.Р. Тибетский вопрос и национальная политика КНР в Тибете (1951-2001 гг.).- Улан-Удэ, 2010.
5. Еремеев В.Е. Чертеж антропокосмоса.-М., 1993.
6. Малявин В.В. Китайские импровизации Паунда//Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М., 1982.
7. Семенов И.И. Афоризмы Конфуция. – М., 1987.
8. 60-летие мирного освобождения Тибета// Китай. Ежемесячный журнал № 9 (71). – Москва, 2011.-С.10.

¹ Альбедиль М.Ф. Указ. раб. – С.110.

Канатбек Азиз,
кандидат юридических наук, доцент,
Член Центральной избирательной комиссии
Кыргызской Республики

УДК 323.316.122

О политико-правовой природе президентской власти на ранних этапах становления независимого Кыргызстана

В настоящей статье, автор подверг политико-правовому анализу природу президентской власти, установленной в начале 1990-1993 годов. Выявил причины и последствия усиления этого института.

Ключевые слова: Президент; Глава государства; институт Главы государства.

Общеизвестно, что после принятия независимой Конституции Кыргызстана, полномочия первого Президент страны были расширены. Так, в соответствии с Основным законом страны от 5 мая 1993 года, глава государства являлся всенародно избранным главой государства, выступающий гарантом незыблемости Конституции и единства государственной власти¹. Иными словами, кыргызский президент стал занимать в системе государственной власти особое место.

Как показывает исследование, как глава государства, он был более близок к исполнительной ветви власти. Об этом говорила ч.1 ст.42 Конституции Кыргызстана, в которой было отмечено, что «контроль за работой Правительства Кыргызской Республики осуществляет Президент Кыргызской Республики. Президент вправе председательствовать на заседании Правительства».

Если говорить о порядке её формирования, то только за президентом закреплялось право вносить для утверждения в Жогорку Кенеш проект структуры Правительства. Более того, именно он как глава государства, имел право самостоятельно подбирать кандидатуры на должности Премьер-министра и членов кабинета Министров. Однако назначить их без согласия парламента он, безусловно, не мог.

Что касается ответственности, то члены Правительства были ответственны именно перед главой государства. Об этом говорилось в п. 4 ч. 1 ст. 46 «Основного закона» «освобождение от должности членов Правительства и руководителей административных ведомств Кыргызской Республики» является независимым правом Президента.

Вместе с тем это распространялось не на все Правительство КР. Так, в случае прошения самим Премьер-министром он мог сделать это самостоятельно. Но в случае своего недовольства, он должен был получить согласие Жогорку Кенеша.

¹ Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 1993 г.: принята на двенадцатой сессии Верховного совета Республики XII-созыва 5 мая 1993 г. // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 1993. № 7. Ст. 175.

Если говорить о «сильной» стороне его полномочий, то глава государства, согласно Конституции от 5 мая 1993 года, был вправе вмешиваться в сферу законодательной и судебной властей, и в предусмотренных «Основным законом» случаях, выполнять законодательные функции. Так, в работу парламента, глава государства вмешивался путём права законодательной инициативы, и по своему желанию мог назначить референдум. Он имел право подписывать или возвращать на пересмотр, принятые парламентом законы. Более того, в случае преодоления парламентом вето президента, он имел право опротестовать в Конституционном суде Кыргызстана, принятые Жогорку Кенешем законы или ратифицированные им межгосударственные договоры.

И это ещё не всё. Так, после «успешно» проведённого референдума, у президента Кыргызстана страны образовывалось право по своему желанию распустить действующий созыв Жогорку Кенеша и назначить новые выборы. В качестве примера можно вспомнить самороспуск в 1994 году парламента и объявление главой государства А.А. Акаевым референдума¹. Или роспуск в октябре 2007 года президентом К.С. Бакиевым действующего Жогорку Кенеша².

Вместе с тем следует отметить, что как показывает практика, о «выгодности» роспуска или доведения до самороспуска Жогорку Кенеша никогда главой государства никогда не говорится. Так, Президент страны К.С. Бакиев в упомянутом акте отмечал, что только сам «парламент страны своими действиями и решениями создал кризис, вызванный непреодолимыми противоречиями между законодательной ветвью власти и Конституционным судом КР». И всё это его обязало принять полные и исчерпывающие меры по недопущению нарушений «Основного закона», прав и свобод граждан, надлежащему функционированию и согласованному взаимодействию государственных органов» страны³. А первый Президент страны А.А. Акаев утверждал, что депутаты двух палат парламента, «были больше увлечены «перетягиванием» властного «каната», чем решением проблем в законодательстве»⁴.

Интересным в этом контексте являлся тот факт, что согласно упомянутого «Основного закона», за президентом Кыргызстана было закреплено право выполнять, параллельно функции и высшей судебной власти республики. Об этом подтверждал п. 6, ч. 4 ст. 46, где говорилось, что глава государства имел право приостановить действие актов Правительства Кыргызстана, министерств, государственных комитетов и административных ведомств страны, глав местной государственной администрации, в случае их несоответствия Конституции и законам Кыргызской Республики.

¹ Указ Президента Кыргызской Республики «О референдуме (всенародном голосовании) по поправкам к Конституции Кыргызской Республики» от 21 сентября 1994 г. УП № 245 // газета «Слово Кыргызстана». 1994. 23 сентября.

² Указ Президента Кыргызской Республики «О роспуске Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» от 22 октября 2007 года УП № 457 // Текущий Архив Президента Кыргызской Республики с 2005 – 2010 гг.

³ Там же.

⁴ Шеримкулов М. Парламент независимого Кыргызстана. – Бишкек: 1998. – С. 215.

Подвергая анализу вышеотмеченное, можно задаться вопросом, для чего учрежденный в 1990 году политико-правовой институт президента, после принятия независимого «Основного закона», стал обладать относительно «сильными» полномочиями? Вероятно, вся проблема находилась в предыдущем «слабом» президентском институте президента. Ведь если проанализировать положения о компетенции главы государства Киргизской ССР и его взаимоотношениях с другими высшими органами государства, то можно заключить, что «Закон об учреждении поста Президента Киргизской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) Киргизской ССР фактически определил лишь систему «слабый Президент и сильный парламент». Совершенно верно было подмечено М.К. Укушевым и Ж.А. Бокоевым, что «такая система, была направлена на то, чтобы Президент, с одной стороны, имел определённую самостоятельность в принятии решений и мог осуществлять формальный контроль за деятельностью высших и исполнительных органов. Но с другой стороны, такое положение дел не позволяло ему действовать без согласия Верховного Совета, который был правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесённый к ведению Киргизской ССР»¹.

¹ Укушев М.К., Бокоев Ж.А. Президент Кыргызской Республики. – Бишкек: Шам, 1997. – С. 24-26.

Доромбекова А.О.,
канд. философ. наук, и.о. доцента кафедры
международной политики и права
Дипломатической академии МИД КР им. Казы Дикамбаева

УДК 378.4

Интерактивные методы, применяемые на семинарских занятиях по философии по направлению «Международные отношения»

Философская культура – важная составная часть общечеловеческой культуры и ее формирование, развитие являются одной из актуальных потребностей современности. В условиях кардинальных перемен нашего общества отказ от стереотипов, догм и умозаключений, которые крепко закрепились не только в мышлении, но и в практической деятельности – требование нового времени. Разностороннее освоение ценных богатств мировой философии, ее методов возможно развитие конструктивного, критического, творческого, диалектического и свободного мышления.

Известно, что в философии существуют различные подходы и способы решения тех или иных ее проблем.

Сегодня как никогда для будущего дипломата важно овладеть хотя бы основами философии, так как для международных отношений и ее служителей овладение основами философии – это вопрос формирования человеческого духа, это общечеловеческое образование и воспитание, в основе которых гуманизм, высокая нравственность, правдивость, честность и милосердие. Без этих категорий нет международных отношений, нет дипломата. А без них нет настоящей мудрости или философии.

Преподаватель называет тему занятия, объявляются его цели, коротко разъясняются интерактивные методы, применяемые при его проведении.

К примеру, рассмотрим тему «Исторические формы мировоззрения: мифология, религия, философия».

Методы 1) «Работа в малых группах» и 2) «Разбор казуса».

Описание метода «Работа в малых группах»¹

Цель: Данный метод используется для организации совместной работы участников по изучению и обсуждению информации, разрешению трудных ситуаций и разногласий, принятию оптимальных решений и т.д. Метод позволяет участникам развить навыки сотрудничества, коммуникаций, толерантность и другие навыки.

Порядок проведения: Преподаватель объясняет правила работы в группах и задание, общее для всех групп. Участники в зависимости от их количества делятся на 4-5 групп, Оптимальное количество членов каждой группы - 3-5 человек. Среди членов группы распределяются роли: спикер (тот, кто будет презентовать наработки группы), тайм-кипер (тот, кто будет следить за временем), райтер (тот,

¹ Более подробная информация об особенностях интерактивных методов обучения приводится в конце данной статьи – Авт.

кто будет записывать наработки группы на флипчарте (доска с фломастером) или доске) и т.д.

Каждая группа должна иметь необходимые материалы (листы флипчарта, маркеры) и информацию. Преподаватель убеждается, что участники правильно поняли задание. В случае необходимости дается задание каждой группе в отдельности. Определяется время работы.

Участники работают в группах. Результаты работы оформляются на флипчарте или доске. Преподаватель переходит от группы к группе и в случае необходимости направляет работу участников.

По истечении заданного времени спикеры групп презентуют результаты работы в группах. Заранее оговаривается время каждой презентации. После каждой презентации представители других групп и преподаватель могут задать вопросы.

Данный метод часто используется в совокупности с такими методами, как «Разбор казуса», «Моделирование ситуации», «Дерево решений».

Правила проведения:

- Группы должны быть разнородными (в каждой группе должны быть активные и неактивные, успевающие и неуспевающие участники, лица разного пола и разных национальностей).

- Правила работы и задание для работы в группах объясняются до деления на группы. Инструкции должны быть ясными и немногочисленными.

- Преподаватель может содействовать, направлять работу групп, но не должен выполнять за них задание.

- Строгое соблюдение регламента.

Продолжительность - 30-40 мин.

Описание метода «Разбор казуса»

Цель: Данный метод позволяет участникам применять теоретические знания к реальным жизненным ситуациям. Метод развивает у участников логику, критическое мышление, навыки анализа проблемных ситуаций и принятия решений.

Порядок проведения:

Преподаватель знакомит участников с казусом. Это можно сделать, зачитав казус публично, раздав листы с казусом для самостоятельного прочтения или с помощью методов «Работа в малых группах», «Ролевая игра» и т.п.

Делается обзор фактов, содержащихся в казусе, с помощью открытых и закрытых вопросов. Задаются вопросы или дается задание к казусу. Участники, опираясь на имеющиеся знания или полученную информацию, должны:

- выделить спорную проблему;

- выработать и обсудить доводы, которые могли бы быть «за» и «против» и которые отражали бы весь спектр взглядов;

- принять решение и аргументировать его.

После того как участники придут к своим собственным заключениям, преподаватель может сказать им, какое решение было действительно принято в данном случае (если, например, казус взят из судебной практики). Таким образом, участники смогут сравнить свои решения с реальным решением суда.

Данный метод часто используется в совокупности с методом «Работа в малых группах».

Правила проведения:

■ В качестве казусов могут использоваться случаи из юридической, судебной практики; гипотетические ситуации, содержащие конфликты и дилеммы; ситуации, имевшие место в жизни, взятые из газет, журналов и других источников и т.д.

■ Казусы должны быть понятными, реальными, дискуссионными и нейтральными в отношении пола, национальности, религии и т.д.

■ Участники должны обладать достаточными знаниями или иметь достаточную информацию для ответов на вопросы или для выполнения задания к казусу.

Продолжительность - 30-40 мин.

Рассмотрим порядок проведения семинарского занятия с помощью интерактивных методов «Работа в малых группах» и «Разбор казусов».

Как и на других практических занятиях, обучаемые должны владеть определенной информацией по проблеме, с тем чтобы они были готовы к ее обсуждению. Достигается это как предшествующим прочтением лекции, так и предоставлением преподавателем необходимого справочного материала по теме занятия.

Студенты делятся на 3 группы. Каждая группа должна иметь флипчарт (доска с фломастером), маркеры, казус и задание. Казусы и задание необходимо распечатать для каждой группы.

Казусы для 1-й группы.

1. У североамериканских индейцев существовал обычай при заключении мира выкуривать с врагом общую трубку – «**трубку мира**». В «Песне о Гайавате» Г. Лонгфелло (1807-1882) в переводе И. А. Бунина владыка жизни - могучий Гитчи Манито, созвав вождей враждующих между собой индейских племен, говорит им:

Смойте краски боевые,
Тростников для них нарвите,
Смойте с пальцев пятна крови;
Ярко перьями украсьте,
Закопайте в землю луки,
Закурите Трубку Мира
Трубки сделайте из камня,
И живите впредь, как братья!

Отсюда выражение «трубка мира» стало употребляться как образное определение мира, дружбы; «выкурить трубку мира» - заключить мир, примериться¹.

Примечание: курение табака племенами Центральной Америки в первую очередь было связано с ритуальными целями. В своих обрядах ароматный дым, источаемый подожженными табачными листьями, поднимался к небу и считался связующим звеном индейцев с богами и духами предков.

¹ <http://school.bakai.ru/?id=boowd232>

Кроме того, табак выполнял важнейшую роль в быту многих индейских племен. Для европейского человека главной ценностью было золото, для племени майя этот металл занимал лишь второе место. Настоящим богатством индейцев стал табак. Листья растения не только курили. Из них делали лечебные отвары, жевали или просто прикладывали к ранам. Как уже выше сказано, табак использовался даже в дипломатических целях. Часто для примирения, враждующие, между собой индейские племена обменивались связками табачных листьев. Подарить кому-то табачные листья считалось у индейцев выражением высшей меры уважения. Отсюда и появилось известное выражение «выкурить трубку мира», хотя трубка как курительное приспособление появится гораздо позже.

Индейцами майя было замечено, что при курении табака в особых количествах можно войти в транс. Часто жрецы, постоянно курившие свернутые табачные листья, во время проведения ритуальных таинств теряли сознание, а состояние транса нередко сопровождалось галлюцинациями. Все это рассматривалось майя не как воздействие содержащегося в табаке никотина, а как вселение в тело жрецов духов воды, неба или воздуха. Согласно поверьям майя, белый табачный дым считался божественным, потому что напоминал облака. А боги, естественно, жили в облаках, высоко на небе.

Постепенно майя начинают расселяться по долине реки Миссисипи, распространяя ритуал табакокурения среди соседних племен. Другие индейские племена верили, что дух великого бога Маниту являлся им в виде белого густого дыма. Чем большую территорию заселяли индейцы, тем больше распространялось табакокурение по континентам Северной и Южной Америки, а также по архипелагу Карибского бассейна.

Курение табака как ритуал распространялось в нескольких направлениях. Все больше индейских племен верили в его магическую силу. Североамериканское племя Гурунов по заимствовало курение у майя. Один из мифов племени Гурунов гласил: когда-то земля была бесплодной, и среди людей царил голод. Великий дух предков послал индейцам женщину-спасительницу. Когда она путешествовал; по миру, везде, где ее правая рука касалась земли, вырастал картофель, где левая — маис. Когда же все индейцы были накормлены, спасительница прилегла отдохнуть и уснула. Женщина проснулась, а на том месте, где она спала, вырос табак - растение, которое было подарено индейцам для связи с богами.

2. Согласно кыргызам сглаз имеет своего покровителя. Им является круглая сирота, зачуханная и всеми покинутая девочка по имени Кирене, которой некуда идти, и она чрезмерно голодна. Если какой-то человек с умилением и завистью посмотрит на младенца, похожего на ангела или на красивого, симпатичного, удачливого человека, то Кирене, которая так и ждала найти обиталища, войдет в этого ребенка или человека, и начинает пожирать его внутренности. В результате у ребенка поднимается температура, пропадает аппетит, он без причины начинает плакать. Взрослый человек тоже начинает плохо себя чувствовать, страдает от душевного дискомфорта и бесконечно зевает. Такое явление кыргызами называется кирене, ач кирене или кирене кирди Кыргызские знахарки знали некоторые методы «борьбы» с Кирене. Например, они брали кусок

хлеба, делили этот кусок на 7 маленьких кусочков и водили этими кусочками по телу ребенка, касаясь его ладошек, плеч, грудь, живот, колени, приговаривая:

Чык, Кирене, чык!

Букадай бакырганга бар!

Азуусу бийик зоого бар!

Өгүздөй өкүргөнгө бар!

Агымы күчтүү сууга бар!

Азып жүргөн итке бар!

Чык, Кирене, чык!

Араң жүргөн баламда,

Ала турган эмнең бар?

Чык, Кирене, чык!

Примечание: кроме хлеба, которого давали собаке после выполнения обряда, При данном ритуале использовалась бумага, которая сжигалась после его выполнения, а также вода в пиале с золой, которая потом резким движением выливалась в сторону дороги.

Это интересно: последние годы XX столетия и современность характерны поисками неспецифических способов лечения, т.к. современная медикаментозная терапия, особенно седативные гормоны (от латинского *sedativus* – успокоительные) и антибиотики, привели к появлению лекарственной болезни. Возникновение лекарственной болезни, или лекарственной зависимости заставило медиков обратиться к лечению травами, иглотерапией, точечным массажем и другими способами для повышения сопротивляемости организма. Последние достижения естествознания утверждают, что металл, вода и другие вещества, используемые в народной международных отношениях, притягивают к себе отрицательную энергию и успокаивают человека, снимая нервное напряжение, регулируя деятельность сердечно-сосудистой системы и т.д. (см.: Сборник по народной международных отношениях и нетрадиционным способам лечения / Составитель Г. З. Минеджян. – Ташкент: Изд-во «Фан» АН Республики Узбекистан, 1994).

Вопросы: Как называется форма племенной религии, согласно которой каждое явление, в том числе и детские болезни, имеют своего духа, духовного покровителя, подобно Великому духу предков, могучему Гитчи Манито, женщине спасательнице и Кирене? Какие еще духи болезней в образе животных и людей из мифологии народов мира Вы знаете? Какую функцию играют табак и хлеб во время выше описанных ритуальных обрядов? Переведите смысл предложенного текста обрядового заклинания кыргызов. Какие еще кыргызские обряды «борьбы» с Кирене Вы знаете? Вы одобряете подобные формы лечения? Как называется форма племенной религии, основанной на сверхъестественные силы, свойства или способности неодушевленных предметов, в том числе и в деле лечения физиологических и психических заболеваний? Опишите определенный ритуал лечения с помощью неодушевленного предмета.

Казусы для 2-й группы

1. Главным действующим лицом любого обряда североамериканских индейцев являлся шаман (от эвенкийского шаман, или саман – возбужденный, иступленный человек). Он проводил церемонии, общался с духами, изгонял злые

силы. Он же был и лекарем: считалось, что человеческая болезнь - результат дурных мыслей, поступков, которые привлекают к себе, в человеческое тело, злые существа. Излечить больного - значит изгнать из тела злобу вместе с теми дурными духами, которые там поселились.

Индийский шаман в племени занимал очень высокую социальную позицию. Он всегда изображался с жезлом. Жезл с глубокой древности был символом высокого служения, эмблемой лидерства и авторитета. Он ассоциируется со стихией Огня и используется для выведения энергии огня в мир физических явлений. Поэтому посох, в частности, служит для фокусировки и направления энергии в соответствии с волей шамана. Праздники, ритуалы, начало и конец войны не обходились без внимания шамана. Чтобы воодушевить и вести в бой индийское войско шаману нужно обладать достаточно высокими лидерскими качествами и харизмой.

Более 30 000 лет жизнь индейцев, в том числе религиозная, не была подвержена внешнему воздействию; индейские племена лишь взаимодействовали между собой. Картина изменилась коренным образом с появлением в начале XVII века испанцев. Последний непродолжительный этап борьбы индейцев за сохранение своей независимости и образа жизни был отмечен неизбежным воздействием и усиливавшимся влиянием вторгнувшегося белого человека, как в материальной, так и в культурной области.

Индеец, вся жизнь которого была буквально пронизана и пропитана религиозными верованиями и окутана религиозным ореолом, не смог устоять перед чарами веры белых людей. В ходе войн с белыми он убедился, что Бог белых является более могущественным, чем Великий Дух, которому поклонялись индейцы. На него успехи белых производили особо сильное впечатление, поскольку его собственная вера была основана на том, чтобы обращаться, к высшим силам с просьбой послать успех в том или ином деле; а в данном случае успех был явно на стороне белых. Значит, вера белых была более сильна, их религия – более действенна. Поэтому индейцы либо включили в свои религиозные верования некоторые элементы христианства, либо вообще отказались от прежней веры и обратились в новую, либо, наоборот, еще тверже стали следовать вере отцов, не допуская никакого проникновения религии белого человека.

2. Кыргызского шамана, который лечил своих пациентов опираясь на религиозно-мистические методы, называли бакшы (женщину – бубу). Деятельность шамана основана на представлении об общении шамана с духами во время камлания (ритуал, приводящий в экстатическое состояние; сопровождается пением и ударами в бубен). Особого шамана, способного «выгнать» нечистую силу из организма человека, который страдает от болезни или стал жертвой сплошных бед, или из его дома с помощью душераздирающих криков, имитации течения острых предметов, громкими ударами своего «священного» посоха о землю, называли куучу. Такой иррациональный метод «лечения» присущ не только кыргызам и другим народам Азии и Африки. В старину европейские народы тоже пользовались «услугами» шамана. Скажем, иррациональный метод беларусов под названием «трясцы», по форме и содержанию очень похож на метод «куучу» (см.: Борейшо Д. Е., Кулаго Г. В. Международные отношения и знахарство. – М., 1965).

Примечание: как свидетельствуют этнографические материалы, помимо бубна, у шаманов был целый «арсенал» средств лечения. Основными из них были череп собаки, конские черепа, талисманы (тумар), амулеты, обереги (көз мончок), посох (аса-муса таягы), альчик, кнут, рога оленя, плеть, нож, четки (теспе), зеркало, можжевельник (арча), 41 гадательных камней, свечи, когти птицы и т.д.

Вопросы: Как называется форма племенной религии, основанной на сверхъестественные силы или способности человека, в том числе и в деле лечения физиологических и психических заболеваний? Шаман - больной человек, или у него особый дар, которого простым людям не понять? Какие иррациональные методы лечения шаманов народов мира Вы знаете? Вы одобряете подобные формы лечения? Как это явление можно объяснить с точки зрения рациональной науки? Часто ли Вы встречаете такие иррациональные методы лечения? Ваше отношение к целебным свойствам неодушевленных предметов, ставших «атрибутом» лечения шаманов. Как называется форма племенной религии, основанной на сверхъестественные силы, свойства или способности неодушевленных предметов, в том числе и в деле лечения физиологических и психических заболеваний? Опишите определенный ритуал лечения с помощью неодушевленного предмета.

Казусы для 3-й группы.

1. Ритуал взаимного одаривания, называемый индейцами Северозападной Америки потлач, детально описан Марселем Моссом в его работе «Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах» (1925)

В архаических обществах не установлен обмен имущества, богатства и продуктов в форме рыночной торговли между индивидами. Сначала договариваются коллективы - кланы, племена, семьи. Более того, то, чем они обмениваются, состоит отнюдь не только из богатств и вещей. Это, прежде всего, знаки внимания, пиры, ритуалы, военные услуги, женщины, дети, ярмарки, из которых рынок и циркуляция богатств - лишь одно из отношений гораздо более широкого договора. Наконец, взаимные дары осуществляются добровольно, хотя на самом деле они строго обязательны, уклонение от них грозит войной. Ритуал обмена дарами связан с ожесточенным соперничеством обеих сторон и может даже сопровождаться уничтожением богатств. Потлач характерен как для индейцев, так и для племен Меланезии, Папуа, Африки, Полинезии и Малайзии. В том или ином виде этот ритуал проявлялся, вероятно, во всех архаических культурах. У греков по древнему обычаю граждане, принадлежащие к разным государствам, заключали между собою союз, по которому взаимно обязывались оказывать друг другу гостеприимство. Договор, заключенный отцами, переходил к детям. Словом ξένοϛ называли и того, кто пользуется гостеприимством, и того, кто оказывает гостеприимство. В «Илиаде» Главк и Диомед, столкнувшись лицом к лицу, обнаруживают, что их отцы были связаны узами гостеприимства. Они восстанавливают этот союз и обмениваются оружием.

У индейцев Северо-запада Америки институт потлача выражен наиболее четко. Даже после длительного контакта с европейцами ни одна из многочисленных передач имущества, производимых здесь постоянно, не существует иначе, как в торжественных формах потлача. Значительную роль в

этом ритуале играет понятие чести. В некоторых видах потлача от человека требуется истратить все, что у него есть. Тот, кому предстоит быть самым богатым, должен быть также самым безумным расточителем. Принцип антагонизма и соперничества составляет основу всего. Политический статус индивидов в кланах достигается «войной имуществом» так же, как и войной, удачей, наследованием, союзом или браком.

В ряде случаев имущество даже не дарят, а просто разрушают. При этом разрушение является высшей формой траты. У племени цимшиан ее называют «убивать имущество». Это тема жертвоприношения. Если собственность убивают, то это потому, что у нее есть жизнь. Как и в обычных жертвоприношениях, вещи разрушаются для предков. Можно вспомнить тему «врага», становящегося «гостем-другом» при условии обмена дарами в «Илиаде» (у греков «чужой» / «враг» и «гость» / «друг» обозначались одним словом - ξένος) и то, что в латыни слову *hostis* (чужеземец; враг) соответствует *hospes* (чужеземец, гость); при этом «жертвенное животное, жертва» в латыни - *hostia*; Сравните: гостия в христианском богослужении.

Одной из форм потлача является игра. Есть множество легенд об играх, о вождях, потерявших все в игре. Один вождь племени цимшиан проиграл даже детей и родителей. При этом этикет требует, чтобы выигравший оставлял свободу проигравшему, его жене и детям. Сравните: свидетельство Тацита об играх германцев (в контексте рассказа об их празднествах: «Играют германцы и в кости... смотря на это занятие как на важное дело, причем с таким увлечением и при выигрыше, и при проигрыше, что потеряв все свое достояние и бросая в последний раз кости, назначают ставкой свою свободу и свое тело. Проигравший добровольно отдает себя в рабство... безропотно позволяет связать себя и выставить на продажу. Такова их стойкость в превратностях этого рода, тогда как ими самими она именуется честью. Рабов, приобретенных таким образом, стараются сбыть, продавая на сторону; поступают же они так и для того, чтобы снять с себя сопряженное с подобной победой бесчестье».

Нарушение правил потлача влечет за собой утрату чести и «лица», т.е. души. Это действительно «лицо», танцевальная маска, право воплощать дух, носить герб, тотем. Поскольку потлач - это соревнование, «война», обязанность принять приглашение носит принудительный характер. У индейцев-тлинкитов тех, кто медлит, прежде чем прийти на потлач, относят к «женщинам». Отказавшийся обнаруживает свою боязнь оказаться «уничтоженным», «потерять вес» своего имени из-за неспособности ответить на подарок более щедрым подарком. Санкцией для обязанности отдаривать служит рабство за долги. Это институт, реально сопоставимый по своей природе и по функции с римским пехим.

Одной из форм дара является благопожелание (текст, содержащий пожелание добра, и ритуал его произнесения). Обязательный компонент обряда благопожелания - вознаграждение за пожелание. В ответ на высказанное гостем благопожелание хозяин обязан был одарить его продуктами, деньгами или угостить за столом, что обеспечивало благополучие дома. Поверье о том, что одарившему ритуального гостя Бог воздаст сторицей, определяло и поведение гостя, обязывающее его принять предложенное угощение, от которого нельзя было

отказываться. Поскольку гость как «чужой», пришедший в дом извне, традиционно наделялся особыми свойствами и рассматривался как представитель высших сил, то его одаривание было своего рода жертвоприношением, обеспечивающим хозяйственное и семейное благополучие.

2. Главный подарок кыргызов, которым обмениваются во время тоя, известен на кыргызском как «кийит». Кийит обычно включает в себя подарки и контр-подарки в виде одежды, обуви, калпаков (традиционный кыргызский войлочный головной убор), а также жоолук (головной шарф). Во время свадеб, например, подарками и контр-подарками обмениваются между родственниками мужа и жены, а также между другими членами семьи и гостями хозяев (стоит отметить, что «кийит» технически обменивается родственниками мужа и жены).

Другим видом традиционного ритуала обмена в кыргызском обществе является кешик - передача пищи с пира участникам этого пира; ырыскы, или ырыс кешик (устукан) - передача пищи от уважаемого человека остальным во время пищеприема за праздничным столом; жыртыш - подарки на помин души после церемонии похорон. И ырыскы или ырыс - счастье - является одним из синонимов счастья в кыргызском языке.

Ритуал кешик для самих кыргызов не считается просто остатком пищи, которую приносят домой с праздника (рождение ребенка, свадьба), но воспринимается как то, что и у попробовавшего остатки пищи с праздника тоже будет такое событие в жизни. Люди делятся этим кешиком не только с родственниками, но и с друзьями или коллегами по работе независимо от национальной принадлежности. Это верование может осуществляться не только посредством пищи, но и предметов. Как один из современников указал: «Вы знаете, иногда в тех домах, где проводят той, люди могут воровать ложки, вилки с таким вот пониманием». Не только ритуал кешик сопровождается таким верованием, но и ритуал жыртыш.

Во время ритуала жыртыш верование может присутствовать только в случае, если похороны прошли у человека, который прожил долгую жизнь. Человек, который по общественным меркам жизнь была хорошая, воспитал, вырастил и поднял на ноги всех детей. Это верование распространяется независимо от того, похороны это пожилого мужчины или пожилой женщины. В таких случаях похороны воспринимаются обществом не как траур, но той. И все предметы со стола (вилки, ложки, иногда даже лоскуток скатерти) могут быть незаметно взяты с собой, сопровождаемые повернем, что и они (присутствующие) проживут 90-100 лет, как и тот человек, на чьих похоронах они были. Такое же отношение и к еде с таких похорон, еда в данном случае перенимает такую же функцию, как и кешик, и также берется с такой мыслью, что близкие дома или друзья, если попробуют пищу с таких похорон, тоже проживут долгую жизнь.

Вышеописанные ритуалы указывают на то, что значимость события или же долголетие могут передаваться через предметы, еду другим людям косвенно, без какого-либо прямого контакта с человеком, который обладал или испытал такие позитивные качества, как почтенный возраст, свадьба или рождение сына. В таком случае следующий ритуал (устакан) предполагает прямое присутствие того человека, кто является источником позитива в глазах сообщества и участвует в

этом ритуале. Во всех трех ритуалах присутствует понимание - ырыскы. Ырыскы считается как то, что всевышний уготовал для каждого человека, каждый человек имеет порцию позитива от всевышнего, и когда человек получает порцию еды от другого уважаемого человека, то эту еду называют ырыс-кешик.

Вопросы: Почему эти ритуалы были выбраны для казуса? В каждом из них присутствуют ли традиционная философия и верование кыргызов, что имеет большое значение, как для индивида, так и для общества? Включают ли эти ритуалы те социальные функции, что они выполняют, но и верования, что побуждает индивидов практиковать эти ритуалы обмена? Как называется форма племенной религии, согласно которой неодушевленные вещи в виде подарков, еды или одежды имеют сверхъестественное свойство?

2.2. Задание: в группах разобрать казус, проанализировать его с точки зрения человека той эпохи и культуры, которые студенты представляют по казусу. Студентам предлагается ответить на предложенные в конце каждого казуса вопросы.

3. Основной вопрос философии.

Метод «Открытые вопросы»

Описание метода «Открытые вопросы»

Цель: данный метод используется для повторения пройденного материала, определения первоначальных знаний по тому или иному вопросу у участников, подведения итогов проделанной работы.

Порядок проведения:

Преподаватель последовательно задает открытые вопросы¹, которые логически вытекают друг из друга, выслушивает ответы участников, может задавать уточняющие вопросы. Ответы участников не обсуждаются и не критикуются. Важно выслушать мнения как можно большего количества участников. Но если желающих выступить больше, чем позволяет регламент, можно ограничить количество выступлений по каждому вопросу.

Правила проведения:

- Строгое соблюдение регламента.
- Правило поднятой руки.
- Уважение мнения каждого.
- Необходимо избегать дискуссий.

Продолжительность - 10-15 мин.

Порядок проведения семинарского занятия с помощью метода «Открытые вопросы»

3.1. Предполагается, что студенты владеют определенным объемом информации по основному вопросу философии, так как во-первых, данные вопросы частично рассматривались на лекции по теме «Основной вопрос философии в жизни человека, общества и международных отношений», а во-

¹ **Открытые вопросы** - это вопросы, которые либо не имеют точных ответов, либо имеют несколько ответов (иногда противоречащих друг другу); это вопросы, на которые нельзя ответить однозначно «да» или «нет».

вторых, студентам было дано задание в рамках самостоятельной работы при подготовке к занятию прочитать рекомендуемую литературу.

3.2. Преподаватель задает студентам вопросы, выслушивает ответы и в случае необходимости дает дополнительную информацию по каждому вопросу.

- «Как возник этот мир: естественным путем или же был кем-то сотворен?»;

- «Что наш мир в целом представляет собой, каково его «положение» в Космосе?»;

- «Откуда взялись люди: сотворены, занесены из космических далей, являются плотью от плоти Земли и Неба?».

- Что первично: эмбрион или душа, мозг или сознание, яйцо или курица?

- Какие ассоциации у античных греков, древних китайцев и индусов, авраамических религий (иудаизм, христианство и ислам), современных материалистов и у них самих вызывают понятия и словосочетания «бытие», «реальное бытие», «ложное бытие», «жалган дүйнө», «чын дүйнө»,

- «төрөлүү» («төр» (апогея, конец жизни)) + «өлүү» (смерть), «түбөлүк» («түбө» - конец, исход + «өлүк» – мертвое тело).

- Доктор медицинских наук, академик, опытный человек почтенного возраста, посвятивший всю свою жизнь исследованию человеческого организма, будучи мужчиной, когда-либо сможет познать, почувствовать, понять, что такое материнский инстинкт?

3.3. Ответы на вопросы, данные студентами или преподавателем, коротко записываются на флипчарте (доска с фломастером) или доске.

3.4. Каждому студенту предлагается самостоятельно определить свои мотивы онтологической и гносеологической сторон основного вопроса философии. Несколько студентов (по желанию) могут рассказать аудитории, каковы их мотивы.

Метод «Займи позицию».

Описание метода «Займи позицию».

Цель: Данный метод используется для проведения дискуссий по спорным вопросам. Он позволяет продемонстрировать разнообразие мнений по изучаемой теме, дать участникам возможность выразить свои точки зрения и оценить достижение целей занятия в части формирования и изменения отношений.

Порядок проведения:

В противоположных углах комнаты вывешиваются три таблички с надписями: «Согласен», «Не согласен», «Другое мнение».

Участникам объясняется, что им будет зачитано несколько утверждений. Каждый должен будет встать возле той таблички, которая соответствует его точке зрения по каждому утверждению, и обосновать свою позицию. Если в процессе обсуждения того или иного утверждения кто-то из участников изменит свою позицию, то он может перейти к другой табличке и обосновать изменение своей точки зрения,

Зачитываются утверждения. Участники занимают соответствующие позиции. По каждому утверждению свои позиции аргументируют не более 2-3 человек от каждой группы. Преподаватель сам выбирает того, кто будет отвечать.

Желательно, чтобы выступали разные участники. Преподаватель должен занимать нейтральную позицию. Споры и дискуссии между участниками не допускаются.

После выступлений по каждому утверждению преподаватель спрашивает, не изменил ли кто-нибудь из участников своего мнения и не желает ли перейти к другой табличке. Все, кто изменил свои позиции, должны будут обосновать, почему они это сделали.

Правила проведения:

- Все участники должны встать до того, как преподаватель начнет зачитывать утверждения, и не присаживаться до окончания упражнения.

- Утверждения должны быть понятными, короткими и дискуссионными.

- Участники должны обладать достаточными знаниями или иметь достаточную информацию для участия в дискуссии по каждому утверждению.

- Строгое соблюдение регламента.

- Уважение мнения каждого.

- Необходимо избегать дискуссий.

Продолжительность - 10-20 мин.

Порядок проведения семинарского занятия с помощью метода «Займи позицию».

1.1. В противоположных углах аудитории вывешиваются три таблички с надписями «Материализм», «Идеализм», «Дуализм».

1.2. Участникам предлагаются схемы 7-16, а также задачи и упражнения, предложенные для блока 1 «Предназначение философии» данного практикума. Каждый должен встать возле той таблички, которая соответствует его / ее точке зрения и он / она должен, / должна обосновать свою позицию. Если в процессе обсуждения того или иного утверждения кто-то из участников изменит свою позицию, то он / она может перейти к другой табличке и обосновать изменение своей точки зрения.

1.3. По каждому утверждению свои позиции аргументируют не более 2-3 человек от каждой группы. Желательно, чтобы выступали разные участники. Преподаватель должен занимать нейтральную позицию. Споры и дискуссии между участниками не желательны.

Подведение итогов.

Подведение итогов семинарского занятия проводится с помощью контрольных заданий, вопросов и тестов.

По ответам студентов преподаватель должен определить, насколько успешно достигнуты цели занятия.

Брусиловский Д. А.,
канд. философ. наук, доцент.
Кыргызско-Российский Славянский университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина

УДК 327

Семья как основа межкультурного и межрелигиозного сотрудничества в условиях глобализации (на материалах тюркоязычных народов)

Семья – это общество в миниатюре, от целостности которого зависит безопасность всего большого человеческого общества.

Ф. Адлер

Материнскую нежность и отцовскую доброту ничем невозможно заменить. Человек, выросший в обстановке семейной любви, в окружении взаимных чувств и нежности, никогда не будет похож на человека, выросшего в разбитой семье. Поэтому семья должна всячески укрепляться.

Ф. Гюлен

Создание мира на Земле подобно созданию счастливой и дружной семьи. Мы отлично осознаем, что достижение межкультурного и межрелигиозного диалога возможно с осуществлением перемен каждого конкретного человека, каждой семьи. Если в семье мы будем относиться к нашим близким людям с любовью, пониманием и уважением, то это неизбежно отразится на отношениях с другими людьми. Семья должна стать пунктом формирования истинных людей диалога. Таким образом, построение безопасного мира возможно через гуманистические практики в построении семейных отношений. Прекрасно установленные семейные отношения – это вопрос выживания в условиях глобализации.

Демократическое содержание национальных культур прошлого в противовес национализму несло в себе идеи дружбы и уважения к семьям соседних народов. Именно эти прогрессивные традиции прошлого – традиции духовного содружества целиком и полностью восприняты тюркской цивилизацией.

Существует множество литературных памятников, составляющих общее духовное богатство различных народов. Например, героическая поэма «Слово о полку Игореве» входит в сокровищницу русской, украинской, белорусской национальной культуры. Глубоко любимые народами республик Центральной Азии «Свод тюркской лексики» и «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») известны как общее достояние культуры тюркоязычных народов.

В общетюркских трудах Юсуфа Баласагунского [1] и Махмуда Кашгарского [5] значительное место отведено семейным проблемам и воспитанию молодого поколения. В сочинении «Благодатное знание» кочевой жизни противопоставляется городская, а феодальные отношения являются главным условием процветания государства. Так для феодального общества мусульманского Востока были присущи следующие семейные принципы: беспрекословное подчинение жены мужу, младшего старшему, дочери и сына отцу, а также уважение и почитание в родовом кругу. В главе о женитьбе Юсуф Баласагуни советует мужчинам искать умную, домовитую, скромную, честную и добрую жену. Интересный совет дается в главе о воспитании дочери:

«Тебе судьба могла бы сделать милость,

Чтоб вовсе дочь на свет не появилась.
А если небо дарит дочерей,
Пусть забирает их земля скорей.
Для них могильный камень до сих пор
Единственный надежный был запор» [1].

Не следует делать поспешных выводов после прочтения части данной главы. Речь идет не о гендерном неравенстве: предпочтении рождения сына, а не дочери. Здесь говорится об ответственности отца перед воспитанием дочери и о том, что ее трудно беречь от земных соблазнов и грехов.

Такой же совет дается в «Словаре тюркских народов» Махмуда Кашгарского. Так как «дети неразумны», то им необходимы наставления.

Итак, М. Кашгарский и Ю. Баласагунский, как представители средневековой культуры тюркских народов, отразили в трудах важность семьи, а также историю развития тюркоязычных народов, государства, права и морали. Они также рассуждали об истинной дружбе. А что такое дружба в условиях глобализации?

Дружба – счастье. Вдвойне удача, если настоящим другом оказывается любимый тобою человек противоположного пола, спутница или спутник твоей жизни, мать или отец твоих детей. Настоящая дружба, как и настоящая любовь, не проходит. Это всегда на всю жизнь. Долгую или короткую. В отличие от простой симпатии, увлечения настоящая любовь может только умереть. Человек готов пожертвовать своими интересами, самим собой ради счастья другого. Вершиной такой настоящей любви являются дети.

В повести «Белый пароход» тюркоязычный писатель Ч. Айтматов утверждал, что именно в детстве в человеке возникает зародыш совести и порядочности, и от того, как он уцелеет и затем разовьется, какие ему создадут условия, зависит цельность и ценность личности. Необходимо любить своих детей и относиться к ним более ответственно. Детям, чьи родители в детстве мало уделяли внимания трудно в последующем стать личностью, способной участвовать в межкультурном и межрелигиозном диалоге. В неполных семьях дети чаще всего задаются следующим вопросом: Зачем зачали? Ведь они не виноваты и не просили их рожать. Они не понимают: почему должны страдать из-за того, что родители не в состоянии обеспечить им светлое будущее. Например, если в семье отец становится наркоманом или алкоголиком, то мать или кто-то другой берёт всю ответственность за ребёнка на себя, тогда ребёнок обычно вырастает в нищете и получает психологический стресс под названием «нехватка денег». Скажем, таким детям стыдно, что их родители не могут купить новые школьные принадлежности, заплатить за школу. Им стыдно ходить в одной и той же одежде долгое время, особенно если эта девочка. Они начинают стесняться самих себя. Рассмотрим другой пример. Во многих семьях, чтобы удержать мужа жена рождает ребёнка или ещё одного. В такой ситуации, ребёнок с детства знает, что он лишь неудачная попытка для удержания одного из членов семьи. У такого ребёнка с детства появляются переживания, комплекс неполноценности. Он считает себя нежеланным, не первенцем. Ему трудно поверить, что его кто-то способен полюбить. Что же может придать сил этому человеку? Вера. Если такого ребёнка кто-нибудь приведет в церковь, то там он найдёт утешение. Ведь ему объяснят, что есть Бог, который выслушает, защитит его и будет с ним всегда рядом. Тем более, как учат религии, никто не сможет любить человека так, как Бог. Получается ощущение, что его никто не любит, кроме Бога. Вернее, религия предоставляет

человеку возможность почувствовать себя любимым и важным созданием, а не малой частицей равнодушной и необъятной Вселенной. Такие дети вырастают, читая в основном Библию как «живое слово». И, следовательно, будут искать подходящую религиозную организацию. Они будут ходить в разные церкви пока не найдут ту религиозную организацию, которая придаст им значимость. Иначе говоря, церковь предоставит возможность человеку: почувствовать себя значительным. Такие люди в последующем часто страдают депрессией. В конечном счете, депрессия – это тоска по любви. По настоящей любви во всех её формах и на всех её уровнях. Здесь речь идёт и об элементарнейшей чувственности и о высочайшей ступени духа. А в подростковом возрасте могут попытаться покончить жизнь самоубийством, чтобы их кто-нибудь пожалел. Все люди ищут сострадания. Они будут прятать неуверенность в себе, и бояться остаться со своими мыслями наедине. Поэтому, это чаще всего гиперактивные дети. Они находят силы в прекрасном, справедливом, желании сделать что-то большее, чтобы не дать другим испытать этой мучительной боли, разъедающей человека и его душу изнутри. Таким людям важно доказать, что они лучше, чем их братья, сёстры. Умение заработать деньги выступает, как критерий поддержания уверенности в себе.

Отсюда стремление строить карьеру. А если дети выросли при мечетях, побывали в различных течениях ислама, то религия выступает ответом на все экзистенциальные вопросы. Если им не дать должного образования, то верующие могут попасть на неверный путь. Теперь стоит обратить внимание, что люди остаются в таких религиозных организациях, где есть подобные им. Им кажется, что только здесь можно найти понимание и приобрести «чувство нормальности». У таких людей из неполной атеистической или религиозной семьи много схожего. Чаще всего, они добиваются больших успехов в карьере, так как росли и знали, что им не на кого надеяться. В итоге это умные и талантливые люди, редко разбалованные. Но здесь во многом играет роль, как человек относится к власти и определённые жизненные обстоятельства каждого.

Здесь необходимо вспомнить о психологии террористов. Характерно, что как правило, членами террористических организаций являются выходцы из неполных семей, люди, которые по тем или иным причинам испытывали затруднения в рамках существующих общественных структур, лишились или вообще не имели работу. Чувство отчуждения, пробуждающееся в подобных ситуациях, вынуждает человека примкнуть к группе, которая кажется ему столь же антисоциальной, как и он сам. Таким образом, общей чертой террористов является острая потребность во включенности в группу похожих людей, связанная с проблемами самоидентичности и одиночества. Э. Шоу считает, что террористами становятся выходцы из групп риска, которые с детства не могли решить проблемы, связанные с самооценкой.

Идентификация с террористической группой создает таким людям социальную роль, хотя и негативную. Порвать с группой для террориста почти невыносимо – это равносильно психологическому самоубийству. Представления террориста могут быть уподоблены представлениям некоторых женщин, поддерживающих несчастливый брак из соображения, что это лучше, чем быть незамужней. Для террориста покинуть организацию значит потерять самоидентичность. Террорист имеет столь низкую самооценку, что для него отказаться от заново обретенной самоидентификации практически невероятно.

Таким образом, любое нападение на группу воспринимается террористами как нападение на себя лично. Следовательно, любая акция извне существенно способствует групповой сплочённости. Речь идёт о давно известном методе всех религий и идеологий: «Кто не с нами, тот против нас». Первым делом последователей убеждают в том, что они являются частью привилегированной организации и их объединяют узы общих целей. Для того, чтобы укрепить эти узы, необходимо объявить о появлении вероломного врага, желающего вас уничтожить.

Это – все те, кто сомневается в ваших идеях. Они готовы на всё, чтобы расстроить и остановить вас! Любого, кто не принадлежит к вашей группе, кто пытается уличить вас, теперь решительно можно причислять к армии вероломного врага. Если у вас нет врагов, то изобретите их. Поставьте огородное пугало, и ваши приверженцы будут спланировать свои ряды в борьбе с ним. Они обрели идеалы, в которые верят, и неверных, которых уничтожают.

Когда религиозный проповедник утверждает, что учение Иисуса Христа придало смысл всей земной жизни, то это расшифровывается как освящение всей повседневной жизни. Иначе говоря, религия не теория неба, а прежде всего утверждение определённого образа действительной жизни. Религия оказывает сильное воздействие на людей, потому что формулирует позитивную программу каждодневного поведения, и ни в коем случае не из-за отвлечения их от земных забот. Люди с удовольствием выслушают человека, рассказывающего об ангелах, демонах, или экспериментах с выходом из телесной оболочки, чем о депрессии и тяжком труде. Лидер знает, что он должен отражать чаяния своих приверженцев.

Не менее значимыми для нашей темы являются высказывания доктора психологических наук Дж. Грэя. Он утверждает, что «основная трудность, подстерегающая нас в личных отношениях, – суметь сохранить любовь, несмотря на возникающие время от времени обиды и непонимание». Джон Грэй также считает, что «люди, ненавидящие мир, ненавидят себя». «Формируя себя, мы участвуем в формировании мира», – отмечала французский философ Симона Вейль [2, с. 10, 21; 10].

Возникает вопрос: почему важную роль играет семья в межкультурном и межрелигиозном диалоге? Ответ на него предполагает умение увидеть причины, по которым устанавливаются новые отношения женщины к мужчине – отношение не диалога, а монолога.

Во-первых, спутник твоей жизни, которому ты отдаёшь своё сердце, принимает тебя такой, какая ты есть. Ему можно открыться, довериться. Настоящий мужчина своей любовью пробуждает в женщине подлинное Я – источник настоящего чувства собственного достоинства. Женщина с таким мужчиной способна любить. Она начинает воспринимать себя как женщину. И это важно, так как неуверенность в себе, присуща многим женщинам из неблагополучных семей. Неуверенность определённно будет присутствовать у молодых женщин, если у девочки был грубый отец, который не видел в подрастающем ребёнке будущей прекрасной женщины, или девушке пришлось пережить в подростковом возрасте сильное разочарование из-за неразделённой влюблённости, или имели место грубые домогательства к подрастающему ребёнку, тем более попытки изнасилования. Здесь следует обратить внимание на первое если. Важно понимать, что отец для дочери должен быть любящим и мужественным.

Мужественность отца заключается в умении защищать, оберегать детей и жену. В облике отца выражается человеческая ответственность за появление ребёнка на свет. Ребёнку хочется, чтобы его отец был светлой личностью. Он может испытать глубокое личное горе, если его отец является правонарушителем. Так, дочь всегда стремится быть поддержкой отцу. Ему не подобает выражать своё презрение к неправильным поступкам ребёнка, так как это надломит психику девочки. Чтобы потом в обществе у подруг такой молодой женщины не возникало риторического вопроса: а почему так? Например, из-за неправильно понятых родителями детских проступков и сурового наказания, в последующем молодая женщина не решится просить у мужа денег на личные расходы и без всякой надобности станет отделять свои деньги от него. Она будет считать, что никто не имеет права распоряжаться семейными деньгами даже ради неё.

Во-вторых, неуверенность в мужчинах. В их надёжности, ответственности, способности заботиться о детях и женщине. Такая неуверенность в мужчинах характерна для девушек, выросших в неполных, неблагополучных семьях. Если отец был наркоманом, алкоголиком, обижал мать, или вовсе ушёл к другой женщине, то, разумеется, семья бедствовала в нищете. На глазах у дочери мать одна растила детей. По всей вероятности, мать работала с утра до вечера на нескольких работах, чтобы обеспечить и дать образование своим детям. Как правило, матери в таких семьях отрицательно действуют на своих дочерей. Просто разрушительно, но из самых благих намерений. Они воспитывают дочерей в атмосфере презрительного отношения к мужчинам. Отсюда понятно, почему для дочери поверить своему избраннику – труднейшая задача.

Даже если он совсем не похож на её отца. Такая тенденция повторяется из поколения в поколение. Мы отлично знаем, что тем, кем человек стал и кем станет в будущем, он обязан старшим поколениям. Представим себе типичную картину. Например, бабушка делала аборт от мужа, который её не берёт. Она воспитала мать девочки, которая не доверяла отцу. В семье происходили частые ссоры. Отец начинал запиваться.

Дебоши из-за алкоголя напугали девочку в детстве. Поучения матери продолжали уничтожать антимужское воспитание будущей женщины и напрочь разрушили позитивный образ мужчины. Как Вы думаете, хочет ли эта девочка становиться женщиной-матерью? Мы считаем, что подсознательно она будет лишь бояться этого. А можем ли мы говорить о доверии, открытости, физической близости в таком случае? Способна ли девушка любить противоположный пол в последующем? Иметь толерантное отношение к мужчинам? Будет ли она полноправным участником межкультурного и межрелигиозного диалога?

В-третьих, роль женщины для такой жены будет унижительной. В современном мире женщины стремятся к равенству с мужчинами. Им постоянно необходимо самоутверждаться. Для этого женщина становится лидером не только на работе, но и в личных отношениях. Настоящему мужчине будет трудно жить с такой женщиной. Отсюда возможность разрушения семьи.

Женщина, которая не может получать удовольствие от физической близости, питать свою природную способность любить не является спокойной, не обладает душевной теплотой, теряет женственность и совсем по-другому любит своего ребёнка. В доме она не способна создать благоприятную атмосферу, и не может принести миролюбие и спокойствие людям в обществе. При этом необходимо помнить о духовном слиянии двух душ.

Понятно, что женщина, пережившая в детстве психологическую травму, имеет не слишком высокую самооценку, малое чувство собственного достоинства. Способность к любви подвергается сомнению. Чтобы выжить в социуме женщина нуждается в создании компенсаторного образа Я, неприступного и гордого. Именно такой образ сокрушает толерантность и подавляет межкультурный и межрелигиозный диалог.

Теперь необходимо сосредоточить внимание на справедливых высказываниях педагогов. В. А. Сухомлинский писал: «Помните, юноши и девушки, учим мы своих питомцев, что вступая в брак, люди берут на себя не только юридические, материальные, но и духовные обязанности. От характера отношений в семье зависит духовное богатство общества» [9, с. 211].

Как полагает тюркоязычный теолог Ф. Гюлен, «Семья – это основополагающий элемент общества. И здоровье всего общества зависит от того, насколько здоровыми являются отношения в каждой отдельной семье. И бессмысленно искать в обществе милосердие и почтительность, потерянные в семье!» [3, с. 232–233; 10].

Подведём краткие итоги. ***Известно, что любовь – это ответственность. Воспитание детей – это истинный смысл семейной жизни. Для того чтобы, образно говоря, в сердце маленького человека прочно обосновалась толерантность к окружающим людям и возможность для диалога, надо с детства воспитывать в нём доброжелательность. Нельзя унижать человеческое достоинство.***

Для нашей темы явились значимыми высказывания известных мыслителей тюркской цивилизации: М. Кашгари, Ю. Баласагуни, Ч. Айтматова, Ф. Гюлена.

Литература

1. Баласагуни Юсуф. Наука быть счастливым. Избранные главы. – Б.: Раритет, 2005. – 196 с. – С. 155.
2. Грэй Дж. Рецепты счастливых отношений / пер. с англ. Н. Болховецкой. – М.: ООО Издательство «София», 2013. – 256 с.
3. Ф. Гюлен и современный мир. – М., 2010.
4. Дружинин В. Н. Психология семьи. – СПб: Питер, 2012. – 176 с.
5. Кашгари Махмуд. Тюркские пословицы из «Диван Лугат ат-Турк» // Пословицы народов Центральной Азии. – Б.: Раритет, 2008. – 264 с. – С. 257.
6. Майерс Д. Социальная психология. – СПб: Питер, 2015. – 800 с.
7. Сатир В. Как строить себя и свою семью. – М.: Педагогика-Пресс, 1992. – 192 с.
8. Семейный Кодекс Кыргызской Республики. – Б.: Кенеш, 2015. – 60 с.
9. Сухомлинский В. А. Как воспитать настоящего человека: (Этика коммунистического воспитания). Педагогическое наследие / сост. О. В. Сухомлинская. – М.: Педагогика, 1990. – 228 с.
10. См.: Диалог и толерантность в XXI веке. В поисках бессмертия рода человеческого и мира религий без войны / Авт.-сост. Д.А. Брусиловский, Ж.А. Борочоров. – Б.: Нео Принт, 2015. – 1664 с.: ил. – (Серия «Ученые Кыргызской Республики»); Brusilovskii D. Dialogue and tolerance in the XXI century. Practical recommendations to achieve a positive and effective intercultural and interreligious dialogue. – В.: NEO PRINT, 2015. – 160 pp. ("Scientists of the Kyrgyz Republic" series).

Developing intercultural awareness

The modern world can be called multicultural due to racial, cultural and ethnic diversity. Through the process of globalization and immigration modern society has become a mixture of different nations and cultures. Cross-cultural contacts have grown significantly nowadays. Thanks to globalization we can enjoy foreign goods, food, music, ideas, technologies and practices. People from diverse cultures bring language skills, new ways of thinking, and creative solutions to difficult problems and negotiating skills. Culture comprises all activities people practice, what they eat, how they dress, etc. Cultural diversity makes our country richer by making it a more interesting place in which we to live. Just think how boring a meal would be without Chinese, Mexican, Japanese, Italian, French, Turkish or Indian food! If we all thought alike imagine how boring the world would be! Cultural diversity also makes our country stronger and better able to compete in the new global economy.

The students expect us not only language teachers; they expect us to open up the world for them, they can read about other people and their accomplishments and cultures. So we, English language teachers wish to broaden our students' multicultural awareness. In other words, to learn a language well usually requires knowing something about the culture of that language. Communication that lacks appropriate cultural content often results in humorous incidents, or worse, is the source of serious miscommunication and misunderstanding. A person who encounters an unfamiliar culture will lack knowledge of such behaviours, which may lead to amusing situations, and even conflict, caused by miscommunication. This happens because these aspects of culture are unspoken rules created by a community.

Let us consider a few examples of unsuccessful cross-cultural encounters. Such misunderstanding of verbal or non – verbal messages often leads to the formation of a distorted picture of another society and its culture.

1. An American teacher was speaking to Asel, one of her Kyrgyz students. She said: "Asel, I'm very happy with your work. Your English is really improving". Asel looked down and said, "Oh, no, I'm not a good student, my English is not very good".

An American teacher didn't know what to say, so she decided not to give Asel any more compliments.

2. It was the first day of the English class and the teacher was introducing himself. He wrote his full name on the board and said: "My name is Chris Johns if you like you can use "Mr" with my name". But students called him "Teacher". Chris asked not to call him "Teacher". Students looked confused, but the teacher ignored them and continued to ask the students to call him by name.

3. An English teacher had just started teaching English to a group of Japanese students. She wanted to get to know the students more informally, so she invited them to her house for a party. The students all arrived together at exactly 8:00 p.m. They had a good time. At about 10:00 p.m. one of the students said to the teacher: "I think it's time for me to leave. Thank you for the party". Then all the other students got up to go, and all left at the

same time. An American teacher decided she would never invite them again! She felt insulted.

The same incident was with an American teacher Linda in Kyrgyzstan. Linda invited her Kyrgyz students to her house for a party at 6.00 p.m. but her students arrived at 8.00 p.m. Linda had waited for her students for two hours. She felt insulted. She thought that her students didn't respect her. First and foremost, Americans are punctual, if not absolutely ruled by the clock.

4. A Kyrgyz person in the United States, after being offered a meal and refusing politely, could be unpleasantly surprised to be given nothing to eat, and might even think that Americans are stingy with food. The American host would not realize that refusing food is a sign of modesty and the person offering the meal should insist.

A critical incident is a situation where there is a communication problem between people of different cultures. In other words, something goes wrong because the people involved don't understand each other's culture.

Students in China show great respect to their teachers in general. In the classroom professors are the laws and authorities. On another hand, American students treat college professors as equals. In Vietnamese there are thirty ways to smile. In Korea a bow is an acknowledgement or greeting, in China a laugh may express sympathy even at some devastating news.

It is necessary to have a discussion on culture shock and adjusting to a foreign way of life. Students seldom know what to expect when they go to another country. We should focus on the students' own culture and compare the cultures of the other countries to their own, point out the cultural contrasts. Here students expand their cultural knowledge by learning about all cultures of the world.

Students will benefit by gaining solid knowledge of the different world cultures and they must also develop the ability to compare their native culture to other cultures, to evaluate critically and interpret the results of such comparisons, and to apply this knowledge successfully in both verbal and non-verbal communication for both transactional and interactional purposes. In many countries, there is still much intolerance towards and prejudice against other nations and cultures. Intensive intercultural education seems to be a good way to sow the seeds of tolerance, acceptance, understanding, and respect.

Also, we teach the most challenging concept –basic “reality assumptions”. We explore what our students, in their culture, assume to be true about the world and the way things work, and we compare and contrast these with American assumptions about reality, and move to other English language cultures later during the course. Basic premises about time, progress, the purpose of life, human nature, God, the invisible world, and many other things may be similar or remarkably different from culture to culture. Differences between people within any given nation or culture are much greater than differences between groups. Education, social standing, religion, personality, belief structure, past experience, affection shown in the home, and a myriad of other factors will affect human behavior and culture. Sure there are differences in approach as to what is considered polite and appropriate behavior both on and off the job. In some cultures "yes" means, "I hear you" more than "I agree." Length of pleasantries and greetings before getting down to business; level of tolerance for being around someone speaking a foreign (not-understood) language; politeness measured in terms of gallantry or etiquette (e.g., standing up for a woman who approaches a table, yielding a seat on the bus to an older person, etc.); and manner of expected dress, to take off your shoes when entering

somebody's house, nodding the head could mean "no" instead of "yes" are all examples of possible cultural differences and traditions.

By exploring foreign and their own culture, students acquire the vocabulary with which to describe values, expectations, behaviours, traditions, customs, rituals, forms of greeting, cultural signs, and identify symbols familiar to them. The aim of these activities is to widen learners' perspectives by getting them to know the cultures of the English-speaking countries and to compare those cultures to their own. We cannot simply judge which culture is better, because each culture has its own advantages and features. For students who go abroad for education, travelling, working if they can combine positive culture elements from two different cultures to their self- development, it would be a competitive advantage in their whole career.

So, from country to country, social taboos, politics, and religious, traditions and values differ. These cultural variables need to be respected if students are to benefit from new experiences. The goal is for students to become aware that norms of behaviour are culturally defined and varied and to foster a certain degree of understanding of culture.

References:

1. Alison Savage. Cross cultural communication. University of Surrey Education Liaison. 1996.
2. Examining cultural behaviour. Oxford University press 1998 p.84-87.
3. FORUM. volume 37#3. 1999. p.2-5.
4. Оспанова Ж.М. Национально-культурная специфика языковых картин мира // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби №1 (131) 2011. С.285.
5. Мельникова А. Язык и национальный характер. - М., 2003. С.13.
6. Ашмарина Е.В. Проблемы межкультурной коммуникации в современных условиях. - Б.: КНУ, 2008. С.76.

УДК 342.51

***Стабильность Конституции и Конституционной палаты –
гарант устойчивости государства и соблюдения законности в
Кыргызской Республики***

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики была образована в соответствии с новой Конституцией Кыргызской Республики, которая была принята на всенародном референдуме 27 июня 2010 года. Конституционная палата является институционально и организационно самостоятельным высшим судебным органом страны.

Хотелось бы отметить особую роль экспертов Венецианской Комиссии, благодаря которой действующая Конституция Кыргызской Республики приобрела более демократичный характер и вполне отвечает реалиям сегодняшнего дня и требованиям народа Кыргызстана. В нем принят во внимание ряд важных рекомендаций, данных Венецианской Комиссией. Со всей ответственностью могу заявить, что действующая Конституция Кыргызстана возможно имея свои небольшие минусы, но в основном соответствует демократическим стандартам.

Хотел бы остановиться на некоторых примерах коренных преобразований в стране, которые происходят в стране после принятия новой редакции Конституции:

1. Кыргызстан единственная страна в Центральной Азии с парламентской формой правления основанной на партийной системе, практика показывает, что преимуществом парламентской формы правления является то, что эта система не позволяет сконцентрироваться власти в одних руках. Соответственно, все решения государственного масштаба принимаются коллегиально и открыто. Нормы Конституции исключают узурпацию власти одной личностью;

2. Если проанализировать и сравнить 20-ти летний опыт с президентской системой в нашей стране с 5-х летней с парламентской формой правления, можно выделить весомые преимущества новой конституции. Если, при предыдущей президентской форме правления оппозиция подвергалась гонениям, арестам и ей не представлялось участие в политических процессах, не говоря уже о равных условиях, то в новой парламентской конституции впервые в истории независимости Кыргызстана всем представлены равные стартовые условия для участия политических процессах;

3. Как отмечено в Конституции Кыргызской Республики, впервые оппозиция получило право принимать участие в формировании состава ЦИК (Центральной избирательной комиссии), судейского корпуса. А также приобрела полномочия контролировать ряд комитетов Жогорку Кенеша, касающихся вопросов бюджета и финансов, прав человека и правопорядка. Очевидно, что нормы конституции позволяют лучше соблюдать систему сдерживания и противовесов ветвей власти,

предоставляя равноправные условия для всех участников политического процесса, не позволяет узурпировать власть, позволяет решать все насущные проблемы демократическим путем.

Хотел бы информировать кратко о деятельности Конституционной палаты с момента его образования.

Прежде всего, хотелось бы отметить, неоценимую роль Венецианской Комиссии в принятии конституционного закона «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики». В конце апреля 2011 года делегация Венецианской Комиссии принимала активное участие на пленарном заседании Парламента, а также на круглых столах по вопросам судебной реформы. Указанные мероприятия были очень продуктивными, по их результатам в проект закона о Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики был внесен ряд значимых изменений и дополнений. За короткий промежуток времени с момента формирования Конституционной Палаты Верховного суда Кыргызской Республики, в ее адрес поступает большое количество обращений от граждан, юридических лиц и государственных органов Кыргызской Республики, в том числе от парламента, правительства, министерств и административных ведомств Кыргызской Республики, при этом наблюдается тенденция роста обращений в Конституционную палату. Убежден, что это показатель о растущем доверии со стороны субъектов обращения к деятельности Конституционной палаты как гаранта защиты конституционных прав и свобод граждан.

В целях реализации принципа гласности и открытости конституционного судопроизводства, обеспечения беспрепятственного доступа к информации о деятельности Конституционной палаты создан официальный сайт Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики, где граждане могут получить необходимую информацию о текущей работе палаты, о судебных заседаниях, принятых им актах, о проводимых мероприятиях и другие сведения.

Председатель с судьи конституционной палаты прилагают все усилия, чтобы обеспечить работу Конституционной палаты прозрачной, открытой, эффективной в обеспечении верховенства закона и важных механизмов защиты прав и свобод, гарантированных Конституцией Кыргызской Республики.

Уверен, что Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики помимо выполнения своих непосредственных функций и задач может стать одним из важнейших инструментов в укреплении межэтнического согласия, гражданского мира и единства народа Кыргызстана.

Стоит отметить, что многие полагали, что парламентаризм и новая конституция может завести республику в тупик, что такому народу, как наш, нужен сильный президент, сильная личность, способная принимать быстрые решения. Однако печальный опыт президентств беглых Акаева и Бакиева показал: общественность не позволит еще кому-нибудь узурпировать власть в стране. А парламентаризм как показывает опыт 5 последних лет, худо-бедно развивается.

За четыре года парламентаризма четырежды разваливалась парламентская коалиция большинства, соответственно менялся и состав правительства и только благодаря нормам Конституции, в котором четко прописаны конституционные пути выхода из ситуации в таких случаях, без общественных потрясений,

демонстраций и митингов избирались и утверждались новые составы правительства и страна двигалась вперед.

В общественной жизни Кыргызстана, тем не менее, раздаются голоса об изменении конституции и перехода от парламентской формы правления на президентскую или президентско-парламентскую, отдельные общественные деятели и политики считают, что парламентаризм и действующая Конституция не оправдали надежды и чаяния граждан.

На мой взгляд, сейчас нам, как никогда, важно сохранить парламентаризм и действующую конституцию как наиболее приемлемую для нашей страны панацеею от регионализма, клановости, ксенофобии и коррупционных проявлений, высших эшелонах власти.

И только стабильность Конституции и конечно же сохранение Конституционной палаты со всеми его полномочиями позволит сохранить устойчивость государства и соблюдению и защиты законных интересов прав граждан и полноценной развитию нашей республики.

УДК 341.2

***Суд как субъект правоприменения в сфере
международной правовой помощи по уголовным делам***

Применение норм является особой формой реализации права, осуществляемое государственными органами, которое дополняет механизм правового регулирования института международной правовой помощи по уголовным делам индивидуальной регламентацией. Деятельность, осуществляемая субъектами правоприменения, способствует конкретизации прав и обязанностей иных субъектов указанного института, осуществляющих формы соблюдения, исполнения и использования права, уточняет их процессуальное положение в той или иной юридической ситуации.

К числу ведущих, центральных субъектов применения норм о международной правовой помощи по уголовным делам относится суд. Он наделен широкими властными полномочиями, что позволяет ему принимать решения по одностороннему волеизъявлению, исполнение которого обеспечивается принудительной силой государства. Властные полномочия суда составляют основу его процессуального положения, которые находятся в тесной связи с другими элементами, в совокупности образующими его уголовно-процессуальный статус. К элементам уголовно-процессуального статуса суда относятся цели, задачи и функции данного органа, его компетенция (система властных полномочий), гарантии реализации полномочий, а также ответственность за их неисполнение либо ненадлежащее исполнение.

В соответствии с Конституцией Республики Казахстан суд является единственным государственным органом, который вправе осуществлять правосудие. Правосудие выступает главной функцией суда, обеспечивающей права и свободы человека и гражданина, которое осуществляется путем рассмотрения и разрешения уголовных дел.

Таким образом, определив суд единственным органом, правомочным осуществлять правосудие, законодатель тем самым исключает возможность возложения данного полномочия на иные государственные органы.

Правоприменительную деятельность в сфере международной правовой помощи по уголовным делам вправе осуществлять любой суд общей юрисдикции, рассматривающий уголовное дело по существу и выносящий решения, предусмотренные уголовно-процессуальным законом.

Реализация судом своих полномочий осуществляется в соответствии с правилами подсудности. Строгое соблюдение правил о подсудности создает предпосылки полного и объективного исследования всех обстоятельств по уголовному делу, что, в конечном итоге, позитивно отражается на степени законности и обоснованности приговора.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Казахстан суд вправе вносить запрос о производстве процессуальных действий

компетентным органом или должностным лицом иностранного государства. Необходимость реализации данного полномочия у суда возникает, когда по рассматриваемому им уголовному делу тот или иной участник процесса находится на территории иностранного государства, без участия которого в определенных процессуальных действиях невозможно судебное разбирательство и отправление правосудия. По смыслу закона суд не вправе вносить запрос о производстве процессуальных действий, не предусмотренных УПК.

Наибольшие предпосылки для внесения судом запроса о производстве процессуальных действий возникают на судебном следствии, которое является важнейшей частью судебного разбирательства по уголовному делу, в ходе которого суд исследует доказательства собранные в стадии предварительного расследования, а также представленные участниками процесса в судебном заседании и истребованные самим судом. Такие доказательства имеют существенное значение для формирования внутреннего убеждения судей по тем вопросам, которые подлежат обсуждению при постановлении приговора в совещательной комнате. Важность производства судебного следствия обуславливается тем обстоятельством, что в основу приговора суда могут быть положены лишь те материалы, которые проверены и исследованы при этом.

Для исследования доказательств в ходе судебного следствия, суд вправе производить некоторые процессуальные действия. В частности, УПК регламентирует допрос подсудимого, потерпевшего, свидетелей, эксперта; производство судебной экспертизы; осмотр вещественных доказательств, местности и помещения; следственный эксперимент; предъявление для опознания; освидетельствование. Когда суду не представляется возможным произвести указанные процессуальные действия на территории Республики Казахстан, он вносит запрос об их производстве компетентным органом или должностным лицом иностранного государства, на территории которого это возможно.

Внесение запроса о производстве процессуальных действий требует от субъекта правоприменения соблюдения требований к содержанию и форме такого запроса в соответствии с правилами УПК Республики Казахстан. Следует учитывать, что в некоторых международных договорах Республики Казахстан о правовой помощи содержатся дополнительные требования к содержанию и форме запроса. Необходимость соблюдения таких требований в каждом конкретном случае продиктована тем, что их невыполнение может повлечь за собой отказ в оказании правовой помощи. Это в значительной степени будет негативно влиять на осуществление процессуальных полномочий судом в связи с рассматриваемым им уголовным делом. Поэтому соблюдение конкретизирующих требований отдельных международных договоров Республики Казахстан обеспечит суду возможность отправления правосудия по рассматриваемому им уголовному делу.

Во время судебного разбирательства по уголовному делу, подсудимый по разным причинам может оказаться за пределами Республики Казахстан, что делает невозможным производство процессуальных действий с его участием. Как показывает практика наиболее часто подсудимый, вследствие избрания в отношении его меры пресечения, не связанной с ограничением свободы, пользуясь этим, скрывается от правосудия. В таком случае суд должен передать все материалы рассматриваемого уголовного дела в Генпрокуратуру Республики Казахстан для последующего их направления в государство, где находится

подсудимый для осуществления компетентными органами этого государства уголовного преследования в отношении данного подсудимого.

При производстве по уголовному делу суд вправе вызвать свидетеля, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, а также эксперта, находящихся за пределами Российской Федерации, для производства процессуальных действий в соответствии с установленным российским уголовно-процессуальным законом порядком. В соответствии с ч. 4 ст. 9 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г.¹ вызов свидетеля или эксперта не должен содержать угрозы применения средств принуждения в случае неявки.

Личная явка свидетеля, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, а также эксперта имеет существенное значение в ходе судебного разбирательства по уголовному делу и способствует реализации судом требований уголовно-процессуального закона об устности и непосредственности судебного разбирательства. В этой связи российский ученый Т.Г. Морщакова справедливо указывает на то, что «принцип непосредственности в судебном исследовании доказательств по уголовным делам выражает одну из важнейших черт уголовно-процессуального доказывания. ...Непосредственность в судебном исследовании обеспечивает основу для критической оценки судом уже сформулированных органами расследования выводов, что невозможно без собственной тщательной работы по исследованию доказательств в суде»².

В силу принципа непосредственности уголовного процесса суд обязан заслушать показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, осмотреть вещественные доказательства, огласить протоколы и иные документы, произвести другие судебные действия по исследованию доказательств. Приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном разбирательстве, с учетом указанного требования закона суд не вправе ссылаться в подтверждение своих выводов на собранные по делу доказательства, если они не были исследованы судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания³.

Суд не вправе взять под стражу либо подвергнуть иным ограничениям лиц, явившихся по его вызову, за деяния или на основании приговоров, которые имели место до пересечения ими Государственной границы Республики Казахстан независимо от их гражданства. Кроме того, указанные лица не могут быть также привлечены к ответственности, взяты под стражу или подвергнуты наказанию в связи с их свидетельскими показаниями или заключениями в качестве экспертов в связи с уголовным делом, являющимся предметом разбирательства (ч. 1 ст. 9 Минской конвенции 1993 г.). Действие такого процессуального иммунитета прекращается, если явившееся лицо, имея возможность покинуть территорию Республики Казахстан до истечения непрерывного срока в 15 суток с момента, когда его присутствие не требуется должностному лицу, вызвавшему его,

¹ СЗ РФ. 1995. №17. Ст. 1472. Далее – Минская конвенция 1993 г.

² Морщакова Т.Г. Некоторые вопросы непосредственного исследования доказательств в суде при рассмотрении уголовных дел / Комментарий судебной практики за 1981 г. / Под ред. Болдырева Е.В., Пергамент А.И. – М., 1982. С. 120.

³ Рыжаков А.П. Хрестоматия по уголовному процессу: нормативные акты и судебная практика. – М., 2003. С. 302.

продолжает оставаться на этой территории или после отъезда возвращается в Республику Казахстан. Следует иметь в виду, что установленный срок в 15 суток, в течение которого лицо имеет возможность покинуть территорию Республики Казахстан без ущерба для себя, начинается истекать с того дня, когда субъект правоприменения, вызвавший такое лицо, сообщит ему, что в дальнейшем в их присутствии нет необходимости. В этот срок не засчитывается время, в течение которого эти лица не по своей вине не могли покинуть территорию Республики Казахстан (ч. 2 ст. 9 Минской конвенции 1993 г.).

Истечение указанного срока дает суду право при необходимости применить в отношении вызванного лица любые меры процессуального принуждения, предусмотренные законом. При этом суду необходимо учитывать положения отдельных международных договоров Республики Казахстан, предусматривающих иные сроки действия неприкосновенности вызванных им лиц.

Свидетелю, эксперту, а также потерпевшему и его законному представителю, вызванному для производства процессуальных действий, расходы, связанные с проездом и пребыванием в Республике Казахстан, как и неполученная заработная плата за дни отвлечения от работы, возмещаются Республикой Казахстан. Эксперт имеет право также на вознаграждение за проведение экспертизы. В соответствии с ч. 3 ст. 9 Минской конвенции 1993 г. субъекты правоприменения обязаны в вызове данных лиц указать, какие выплаты вправе они получить, а также по ходатайству вызываемых лиц выплатить аванс на покрытие соответствующих расходов.

При возникновении у суда необходимости допросить в качестве свидетеля или потерпевшего лицо, которое находится под стражей или отбывает наказание в виде лишения свободы в запрашивающем государстве, а также провести иное процессуальное действие с его участием, это лицо, независимо от его гражданства, может быть передано на время Республике Казахстан. Для этого суд направляет соответствующему иностранному государству обоснованную просьбу с обязательством обеспечить содержание данного лица под стражей и вернуть его в установленный срок. Просьба о передаче лица на время составляется сходно запросу о правовой помощи и должна содержать указание на время, в течение которого требуется присутствие этого лица в Республике Казахстан.

При исполнении запроса о правовой помощи, если точный адрес указанного в запросе лица неизвестен, по смыслу ч. 3 ст. 8 Минской конвенции 1993 г. суд принимает меры для установления адреса.

Если суд некомпетентен исполнить запрос о правовой помощи, то он должен переслать его другому компетентному органу и уведомить об этом учреждение юстиции запрашивающего государства, от которого исходит запрос. При невозможности исполнения запроса о правовой помощи, полученные документы возвращаются с указанием причин, воспрепятствовавших его исполнению, через орган, его получивший, либо по дипломатическим каналам в тот компетентный орган запрашивающего государства, от которого исходил запрос. Запрос возвращается без исполнения, если он противоречит законодательству Республики Казахстан либо его исполнения может нанести ущерб суверенитету или безопасности¹.

¹ Вопросы расследования преступлений. Справочное пособие / Под общ. ред. И.Н. Кожевникова; науч. ред. А.Я. Качанов. – М., 2000. С. 200.

Суд исполняет запросы об осуществлении уголовного преследования, если Генпрокуратура Республики Казахстан направит ему материалы уголовного преследования, поступившие от запрашивающей стороны. При этом материалы уголовного преследования для суда несут лишь информацию, не влияющую на свободу осуществления судом полномочий в связи с судебным разбирательством (в частности, самостоятельно проверять и оценивать имеющиеся в материалах уголовного преследования доказательства). Окончив производство по уголовному делу, материалы которого были переданы суду для осуществления уголовного преследования запрашивающим государством, суд обязан уведомить соответствующий орган запрашивающего государства об окончательном решении, вынесенном по делу. Если запрашивающая сторона обратится с соответствующей просьбой, то суд вправе направить ей копию своего окончательного решения (ст. 74 Минской конвенции 1993 г.).

При осуществлении указанных правоприменительных полномочий в сфере международной правовой помощи по уголовным делам, суд действует независимо, т.е. рассматривает дела и принимает по ним решения на основе Конституции и других законов. Независимость является важнейшим принципом правосудия, получившим отражение в Конституции Республики Казахстан и многочисленных законах, регулирующих организацию и деятельность органов судебной власти.

Применяя нормы о международной правовой помощи по уголовным делам, суд должен исходить из приоритетности норм международных договоров Республики Казахстан перед национальными законами. Однако данное правило не распространяется на нормы Основного Закона, которые занимают главенствующее положение в иерархии норм, регулирующих рассматриваемый вид международной правовой помощи по уголовным делам.

Клименок Д.Ф.,
аспирант Кыргызско-Российского
Славянского университета имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина

УДК 321. 6 (5-15)

***Место этнорелигиозных факторов в капиталистическом
и в социалистическом обществе России***

*Когда афиняне, оскорбив Фемистокла, снова
пожелали вернуть ему власть, он сказал:
«Не одобряю людей, которые используют один и
тот же сосуд как ночной горшок и как ковш для
вина».*

Клавдий Элиан

Фундаментальной проблемой сегодня является воспитание высоконравственного и процветающего будущего поколения, где немаловажную роль играет и *этнорелигиозный фактор*. *Этнорелигиозный фактор* является определяющим в *идеологии* современного государства.

Что же такое идеология?

«**Идеология** определяется как отражение общественного бытия сквозь призму социально групповых или классовых интересов, отражение идеологии, выработка систем ценностей, что должно быть, и чего не должно быть в социальном мире. Идеология всегда выражает интересы части общества и её главный принцип – *партийность*. **Партийность** – это определенность социальной позиции субъекта»¹. С самого момента появления, идеология берет на себя основные функции и определяет устройство жизни, убеждения и моральные принципы народов.

В современном капиталистическом обществе *культурные и религиозные проблемы* пытаются решить *диалогом* между сторонами². **Межконфессиональный диалог** – не просто общение теологов различных конфессий, где обсуждаются религиозные догматы или ведется сравнительный анализ различных источников, толкований и религиозной практики. Диалог в сфере конфессиональных отношений является важным элементом *внутренней и внешней государственной политики*, имеющей специфическую стратегию и тактику³.

Шесть социальных функций: мировоззренческую, компенсаторную, коммуникативную, регулятивную, идеологическую, легитимизирующую и интегративную⁴ в таких государствах выполняет – *религия*.

¹ См: Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. – М., 2001. – 599 с.

² Диалог (греч. – разговор, беседа) – форма коммуникативного взаимодействия двух или нескольких лиц, сторон.

³ См: Баширов. Л. А. Православно-исламские взаимоотношения в современной России: проблемы межконфессионального диалога. – М., 2013.

⁴ Смирнов М.Ю. Религия и религиоведение в России. – М.: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2013. – 368 с.

В антитезис *капиталистической* идеологии выступает *социалистическая*. Её отличие состоит в системе *экономических отношений*.

Безусловно, по временным рамкам, коммунистическая доктрина является новым витком общественного сознания по отношению к капиталистической, однако заключая в себе некоторые следы первобытного строя.

Несколько десятилетий тому назад, Бертран Рассел отмечал: «Почти половина мира сегодня – это страны, которые верят в марксистские теории»¹. Но удивительно, капитально нового в системе коммунистической доктрины не обнаруживается, только перевернутое старое, новизна одно из главных качеств успеха идеи.

С одной стороны социалисты видели на Западе пороки, которые раздуваются до степени неприязни и нетерпимости, с другой стороны вполне обоснованная военная угроза и шпионаж со стороны Запада всегда присутствовали и усугублялись даже во время окончания «холодной» войны, именно по той причине 50–75 % всех премий Советского союза выделялись на военные разработки, нежели на гражданские. Результатом одной из таких разработок Советского союза является испытание самой мощной когда-либо испытанной водородной бомбы в мире в 1961 году и её доставки с помощью космической ракеты, в частности Гагариным в том же году².

О. Шпенглер подметил, что капитализм и социализм видят друг друга не как они есть, а как бы сквозь зеркальное стекло, на которое проектируются их *собственные внутренние проблемы*. Т.е. «образ врага», создаваемый в СССР, в том числе и в эпоху «развитого социализма» – это образ худших черт самого себя, которые сознание не хотело бы замечать³.

Но не все так однозначно. *Мораль и нравственность* населения в Советском обществе была довольно высокого уровня. С первого класса ученики проходили посвящение в *октябрята*, потом – *пионеры*, затем – *комсомолы*, *вступление в партию*. В Советском союзе давали возможность развития всему попадающему под рамки коммунистической доктрины.

В основе социалистической системы СССР стоял *Вождь*. Можно сказать, что первобытное вождество и советское вождество это перевернутые песочные часы, парадокс которых заключается в том, что в первобытном вождестве⁴ имеет место наследственная иерархия правящих кругов, ярко выражено социальное неравенство населения, главенство общины вождя, распределительная экономическая система, дифференциация культур на элитарную и народную. На первый взгляд при вождестве СССР, такие признаки не выделяются, а напротив все говорит об обратном: место этнического фактора в Советском союзе занимало огромное место, было ликвидировано рабство народов другими народами, социальное неравенство и все с этим связанные проблемы канули в небытие. Однако, можно заметить, что в советском союзе человек коммунистической партии это тот же самый «человек вождя» первобытного общества и ему достаются привилегии

¹ Мудрость Запада. Историческое исследование западной философии в связи с общественно политическими обстоятельствами. – М., 1998. – С. 411.

² См: Приложение 2.

³ О. Шпенглер. «Закат Европы». – М.: Мысль, 1993. – С. 62.

⁴ См.: Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия в электронном варианте // <http://www.km.ru>.

большие, чем простому пролетарию без партийного билета.

Этнические факторы имели главное значение в политике государства, что нельзя сказать о *религиозности*, которую объясняли *иллюзорным видением мира*, т.е. не научным подходом, религиозное мышление противоречило государственной идеологии являлось её антиподом или антитезисом.

Как говорил К. Маркс: «*Религия будет исчезать* в том мире, где будет *процветать социализм*». При социализме религия является частным делом по отношению к государству. В отношении религии высказывалась критика.

В своей сущности религиозные факторы не занимали лидирующих положений и так как не замечались в упор, как тени капитализма.

При капитализме 90–х в государстве не доставало необходимой идеологии единства, сплоченности. С каждым днем растет разница материального состояния между классами населения. Вспомним и темную сторону, что рабство имело место при капитализме до середины XIX века как естественное явление невольничьего дела. Однако капитализм с ним и расправился, в частности при царской России 1861 года, а в США 1865 году. Система доказала, что способна к исправлению своих темных сторон.

Приведенный моральный кодекс строителя коммунизма на XXII съезде¹ показывает какие были цели социалистического общества СССР.

Однако и при социализме случались парадоксы, в частности на XXII съезде КПСС, секретарь Спиридонов, предложил вынести тело И. В. Сталина из мавзолея и на основании члена компартии с большим стажем Лазуркиной, заявившей что «накануне она советовалась с Ильичом... который «стоял перед ней как живой», и говорил что «ему неприятно лежать в гробу рядом со Сталиным, принесшим столько бед партии»², в последствии на основании этого было принято решение тайно вынести тело. Данный случай *не социалистический* по своей сущности, видение *умершего вождя* с того света противоречит идеологии, но доказывает то, что вождество первобытное оно или советское есть вождество, с приписыванием вождю сверхъестественных свойств как выше показанный пример явления во сне после смерти и т.п. Видно от этнорелигиозных противоречий социализм не смог избавиться, в его силах лишь уменьшить их влияние.

После распада СССР, в 1990–ые года *НРД*³ вместе с *мировыми религиями* увеличивают свое количество до пределов разумного на территории бывшего союза. Общество забывает социалистические моральные устои, все новое приветствуется и с приставкой «Нео» старое приобретает притягательность, например: неофашизм, неоязычество, неотенгрианство.

Следует отметить отношение *между Западом и Россией* даже в капиталистическую эпоху, когда капиталист по идеологическому принципу капиталисту не враг, не всегда были адекватными. История Российского государства показывает несколько примеров этого прошлого. В США в 1861–1865 годы вспыхнула гражданская война между Севером и Югом страны. Российская империя единственная поддержала «свободный» Север, в отличии от Англии и Франции поддержавшей конфедератов рабовладельческого Юга. В 1863 году флот

¹ См: Приложение 1 или Материалы XXII съезда КПСС. – М., 1961.

² «Стенографический отчет...» Т. 3. – С. 121.

³ Новые религиозные движения – общества образованные на основе синтеза религиозных верований, берут начало приблизительно после 1950 года.

Российской империи в Сан–Франциско и в Нью–Йорке блокировал подступы к северу, а также в результате появления на Тихом океане эскадры контр–адмирала А. А. Попова, «владыка морей» Англия отказалась от своего намерения вмешаться в войну на стороне конфедерации Юга и позволила продолжить блокаду портов Юга, благодаря чему, впоследствии нехватки боеприпасов армии конфедератов, Север одержал верх, Соединенные штаты стали свободны от рабства, однако сторонники конфедерации 1865 после войны убивают Авраама Линкольна, новый президент закрывает глаза на Юг страны, где рабство снова имеет место. Именно с этого периода отношения между Российской империей и США начали приобретать неопределенный характер.

Великая отечественная война при социалистической России 1941 года для Советского союза наступила внезапно и роль в этом религиозного фактора довольно велика. Из воспоминаний и размышлений маршала Г. К. Жукова: «Примерно в 12 часов ночи 21 июня командующий Киевским округом М. П. Кирпонос... доложил по ВЧ... в наших частях появился еще один немецкий солдат – 222 пехотного полка... он переплыл речку, явился к пограничникам и сообщил, что в 4 часа немецкие войска перейдут в наступление... Все говорило о том, что немецкие выдвигаются ближе к границе. Об этом доложили в 0.30 минут ночи И.В. Сталину. И.В. Сталин спросил передана ли директива в округа, я ответил утвердительно»¹. Как мы видим, вождя самого ввели в курс дела, но утаили часть правды, о чем далее неохотно упоминает Жуков: «Чуть позже нам стало известно, что перед рассветом 22 июня во всех западных приграничных округах была нарушена проводная связь с войсками и штабы округов и армий не имели возможности быстро передавать свои сообщения...»². На Сталина возлагали слишком много ожиданий и обязанностей, сами не предпринимали ничего существенного, давая вождю дезинформацию, вераломно погубивших много жизней.

Как считал маршал А. М. Василевский «Сталин явно промедлил с принятием решения на переход армии и страны на полный режим военного времени... в результате Вооруженные Силы СССР были вынуждены с боями отходить в глубь страны»³ Однако тут отмечает : «И не правильно объяснять неудачное начало войны исключительно ошибками Сталина»⁴.

16 июня 1941 года за шесть дней до войны в СМИ СССР объявили, что войны не будет! Как и заявляли ранее, но если бы война когда–то была, то она будет победоносной и вестись, только на территории врага. Тем не менее факты нам говорят об обратном, в первые месяцы войны 800 тысяч красноармейцев погибли и около 1 миллиона было взято в плен Вермахтом. Причины этой катастрофы искали в репрессиях офицеров накануне событий и обвиняли самого вождя, но по сути виновата система социалистического *вождества* того периода, умоляющая роль религиозных факторов и незамечая их проявлений. Народ верил в вождя, словно ассоциирующегося с тринакрией⁵, т.е. «всевидящим оком». Он, как и в первобытную эпоху, вождь–шаман общающийся с умершими, обладающий даром

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М.: Политиздат, 1970. – С. 235-237.

² См.: там же.

³ Василевский А.М. Дело всей жизни. – М.: Политиздат, 1988. – С. 177.

⁴ См.: там же.

⁵ Шандель Р. «Ангелы и Демоны» Другая сторона. – СПб, 2006. – С. 80.

ясновидения, поэтому считали его неуязвимым, принесший с собой новый порядок. Но за роль умиротворения народа для стабильности и процветания Советского союза обвинять вождя не имеет объективных причин, на самом деле «вера в себя» была подавлена не вождем, а самим народом, в частности после революции 1917 года народ СССР считал, что управляет процессами инициативы, веры и знает свои нужды, но лишь создали скрытый индивидуализм в коллективизме, вершиной которого стал вождь. Это напоминает казнь монарха Карла I в Англии, власть парламента и затем приход к власти Карла II, сына предыдущего монарха. Стоило ли рубить голову монарху англичанам, чтобы потом привести к власти его же сына через 20 лет? Или стоило ли в Российской империи расстреливать царскую семью, чтобы создать вождя, которого впоследствии боялись больше царя? Эти вопросы приобретают риторический характер.

Особенное противостояние вспыхивает при социалистической России в период после Второй Мировой войны. Начинается новый передел мира: *борьба капитализма с коммунизмом*, как тогда считали его на Западе «чумой XX века». В 1950–х годах *война в Корее*, США поддерживает демократический Юг, СССР – социалистический север, заканчивается это возведением стены. Через 10 лет новая *Война во Вьетнаме*, Советский союз поддерживает социалистический север, США – демократический Юг, все заканчивается в 1975 году, выводом войск и фактическим проигрышем капиталистов. И таких примеров масса и сегодня – Югославия, Ирак, Афганистан, Сирия и др.

Сегодня в Российской Федерации капитализм шагнул на новый уровень и в этом заслуга В. В. Путина, ему удастся возродить этнорелигиозную значимость путем поддержки патриарха Кирилла, возврата веры как в государя, так и в вождя, капиталистическая и социалистическая системы путем синтеза старого и нового приобретают новые отголоски в развитии Российского государства. Народный патриотизм берет свое начало, на возрождении значимости многовековой истории, как счастливых событий, так и трагичных. Политику главы России сегодня на Западе называют империалистической, но, по сути, она носит либеральный характер, с множеством реформ. Курс Российской Федерации отражает заявление В.В. Путина на форуме: «Нам не нужна революция, нам нужна эволюция!». Значительно улучшается состояние молодежи, уже не желающей переезжать за рубеж, а готовая строить свое будущее на родине. Значительно уменьшается количество курильщиков и алкоголиков благодаря своевременной работе законодательной и исполнительной власти. Евро–Азиатский Союз сходный по целям и задачам с СССР, усиливается с каждым днем и включает в себя уже пять стран: Россию, Белоруссию, Казахстан, Кыргызстан, Армению.

Итак, в своей сущности нормы нравственности обязано регулировать государство. Переходное поколение было воспитано «призрачной» моралью Советского союза, но проблема в подрастающем поколении.

Государствам XXI века следует обращать внимание на будущее, в частности на *этнорелигиозные факторы* в обществе.

Список использованной литературы

1. Алексеев П. В., Панин А.В. Философия. – М., 2001. – 599 с.
- 2.. Баширов. Л.А. Православно–исламские взаимоотношения в современной России: проблемы межконфессионального диалога. – М., 2013.

3. Блищенко И.П., Дурдевский В.Н. Дипломатическое и консульское право. – М., 1962. – 480 с.
4. Василевский А.М. Дело всей жизни. – М.: Политиздат, 1988. – 320 с.
5. Жуков Г.К. «Воспоминания и размышления» – М.: Политиздат, 1970. – 705 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. – М., 1948. – 470 с.
7. Материалы XXII съезда КПСС. – М., 1961.
8. Мудрость Запада. Историческое исследование западной философии в связи с общественно политическими обстоятельствами, – М., 1998, 560 с.
9. Смирнов М.Ю. Религия и религиоведение в России. – М.: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2013. – 368 с.
10. Туманов В.А. Критика современной буржуазной теории права. – М., 1957. – С. 108.
11. Шандель Р. «Ангелы и Демоны» Другая сторона. – Спб., 2006. – 206 с.
12. Шпенглер О. «Закат Европы». – М.: Мысль, 1993г. – 435 с.
13. <http://ru.wikipedia.com>\диалог
14. <http://ru.wikipedia.com>\XXII_съезд_КПСС

УДК 343.35

Ответственность за коррупцию в отдельных зарубежных странах

Коррупция, являясь неизбежным следствием избыточного администрирования со стороны государства, по-прежнему серьезно затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и повышению эффективности национальной экономики, вызывает в нашем обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создаёт негативный имидж страны на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности страны.

Ряд государств тяготеют к расширению содержания коррупции как социально-правового явления, прежде всего за счет включения в круг потенциальных субъектов коррупционных деяний всех государственных служащих, а не только должностных лиц, а также руководителей негосударственных хозяйствующих субъектов. Первоисточником названной позиции можно считать разрабатывавшуюся длительное время рядом американских ученых (Э.Бенфилд, М.Джонсон, Дж. Най) концепцию коррумпированного поведения, согласно которой коррупцией следует считать невыполнение или неправильное выполнения политическим деятелем, государственным служащим, бизнесменом и любым другим лицом своих служебных обязанностей в личных, семейных или групповых интересах¹. Всеохватывающий характер приведенного подхода имеет очевидный недостаток: плотность (интенсивность) любого контроля обратно пропорциональна его широте.

Международная уголовно-правовая оценка коррупции имеет свою специфику. В ее основу, как показывает анализ, положены критерии повышенной социальной опасности и традиционности соответствующих коррупционных правонарушений.

Названным критериям удовлетворяют два больших вида коррупционных преступлений:

- 1) коррупционные хищения имущества, т.е. хищения совершенные с использованием государственным служащими своего служебного положения;
- 2) различного рода злоупотребления государственным служащими своим должностным положением в целях незаконного получения каких-либо преимуществ при отсутствии признаков хищения.

подавляющее большинство стран, в которых на государственном уровне осознана опасность коррупции, в том или ином виде устанавливают уголовную ответственность за эти виды преступного коррумпированного поведения, но при

¹ См., например: Jonson M. The Political Consequences of Corruption. - N.Y., 1986. P. 406; Corruption and Political Development // American Political Science Review /. 1967. 6 June. P.417-427.

этом вносят национальную специфику в описание соответствующих форм коррупции.¹

В уголовном законодательстве Соединенных Штатов Америки, которые являются одним из бесспорных лидеров в части, касающейся установления всевозможных запретов на коррумпированное поведение, уголовная ответственность предусмотрена за:

- подкуп политических и профсоюзных деятелей, а также официальных иностранных лиц;
- незаконные пожертвования на политические цели;
- фальсификацию счетов по договорам с государственными учреждениями;
- фальсификацию отчетности об экономическом положении компании;
- мошенничество и иные незаконные действия с акциями компаний;
- незаконные соглашения в определенных целях;
- уклонение хозяйствующих субъектов от уплаты налогов;
- дачу взятки закупщикам товаров;
- недобросовестную рекламу;
- продажу некачественных или не отвечающих требованиям безопасности товаров;
- нарушение техники безопасности на производстве;
- присвоение вверенного имущества рабочими и служащими;
- фальсификацию отчетности о трудовой дисциплине;
- нарушение почтовых правил с корыстной целью;
- преступления с использованием компьютеров;
- преступное нарушение правил охраны природной среды².

Основным источником запретов на преступные коррупционные деяния в США является Федеральный Уголовный кодекс (раздел 18 Свода законов США). В соответствии с ним наказываются 11 видов коррупционных преступлений:

- дача взятки публичным должностным лицам и свидетелям и получение ими взятки (параграф 201);
- вознаграждение членам Конгресса, должностным лицам и другим лицам по вопросам, затрагивающим интересы правительства (параграф 203);
- получение или вымогательство вознаграждения за содействие в получении должности на государственной службе (параграф 211);
- сделки, совершенные членами Конгресса (параграф 431);
- заключение сделки должностным лицом или служащим с членом Конгресса (параграф 432);
- обещание кандидата о будущих назначениях в целях получения поддержки (параграф 599);
- обещание работы или иной выгоды за политическое содействие, поддержку или оппозицию любому кандидату или партии в связи с выборами на любую политическую должность (параграф 600);
- предоставление одним государственным служащим пожертвований на политические цели другому государственному служащему (параграф 607);

¹ Абдиев К.М., Осмоналиев К.М. Противодействие коррупции: криминологические, уголовно-правовые и криминалистические аспекты. Учебное пособие. – Б.: Чуйский университет, 2004. – 157 с.

² См.: Assets protection. 1981. № 3. P.21-24.

- вымогательство государственным служащим США имущества (параграф 872);

- совершение незаконных действий должностными лицами, осуществляющими операции с государственными денежными средствами (параграф 1901);

- nepotism в назначении получателя или доверительного собственника (параграф 1910)¹;

- лоббизм с использованием средств, выделенных Конгрессом на специальные цели (параграф 191)².

Изучение этих норм показывает, что основными категориями субъектов коррупционных преступлений на федеральном уровне в США признаются: а) публичные (государственные) должностные лица; б) государственные служащие вообще (например, клерки); в) лица, предоставляющие различного рода преимущества государственным служащим и, в том числе, должностным лицам.

Следует обратить внимание на то, что среди публичных должностных лиц - субъектов коррупционных деяний специально выделены члены Конгресса США (в 4 из 7 случаев), что лишний раз подчеркивает заинтересованность Парламента США в обеспечении своего престижа даже ценой привлечения виновных к уголовной ответственности³.

Другими отличительными особенностями федерального уголовного законодательства США в рассматриваемом аспекте являются:

1) преобладание штрафа среди видов наказания за коррупцию;

2) использование относительно небольших сроков лишения свободы, как правило, не свыше двух лет;

3) использование в отдельных случаях наряду со штрафом и лишением свободы наказания в виде лишения права занимать должности, связанные с получением доходов, или доверием Соединенных Штатов.

Существенное дополнение к федеральному уголовному законодательству США было сделано в 1989 году, когда Законом о борьбе с коррупцией глава II раздела 18 Свода законов США была дополнена статьей 225 "Коррупция в государственных органах"⁴. В соответствии с этой поправкой под уголовно-наказуемой коррупцией понимается любое умышленное ограничение права человека на получение услуг служащего любого государственного органа, которое предусмотрено статьей 225 главы II раздела 18 Свода Законов США. При этом государственным органом считается любое подразделение исполнительной, законодательной, судебной власти или другой сферы управления, включая любое министерство, независимое ведомство, комиссию, администрацию, орган, совет, бюро, а также корпорацию или другое законное подразделение, учрежденное правительством или органами управления и подлежащее контролю с их стороны в целях реализации какой-либо правительственной программы или совместной

¹ Nepotism - предоставление преимущества по признаку родства или своячества.

² См., например: Пономарев П.Г. Понятие коррупции и уголовно-правовые средства ее сдерживания // Правовые и организационные проблемы борьбы с коррупцией. - М.: Академия МВД РФ, 1993. С.52-56.

³ Только за 1990-1991 гг. семи членам Конгресса США были предъявлены обвинения в получении взяток. См.: Коррупция в США. Аналитический обзор - М.: Академия ФСБ РФ, 1993. С.6.

⁴ См.: Закон о борьбе с коррупцией. - Вашингтон: Конгрешнл рекорд, 1989 (пер. с англ.)

программы, реализуемой несколькими органами государственного управления.

В соответствии с данным Законом существенно увеличено наказание за коррупционные преступления вплоть до 20 лет тюремного заключения при наличии неосторожной формы вины по отношению к последствиям коррупции в виде совершения лицом, которому оказано необоснованное содействие, опасного преступления.

Система уголовно-правовых норм об ответственности за коррупцию, содержащаяся в федеральном уголовном законодательстве США дополняется нормами-запретами, включенными в уголовные кодексы отдельных штатов. Так, Уголовный кодекс штата Нью-Йорк содержит нормы об ответственности публичных служащих за получение взятки в случае оказания каких-либо услуг лицу, передавшему взятку (статья 210), отказ (за вознаграждение) от преследования за преступление (статья 215) и пр. Анализ показывает, что уголовное законодательство штатов в части, касающейся борьбы с коррупцией, преимущественно содержит специальные по отношению к запретам федерального уголовного законодательства нормы. Недостаток этой модели состоит в том, что ею закладываются объективные основы для конкуренции общих и специальных норм, которая не может быть преодолена за счет четкого разграничения полномочий в области уголовной юрисдикции США и отдельных штатов.

Иной подход к уголовно-правовой борьбе с коррупцией обозначен в законодательстве Великобритании. Это проявляется в публично-частном и прецедентно-нормативном характере совокупности соответствующих норм. Центральное место в ней занимает Закон о предупреждении коррупции 1916 г., который является одним из старейших действующих специальных законов о борьбе с уголовно-наказуемой коррупцией.

Специфика этого Закона состоит:

- 1) в установлении ответственности за коррупцию в частных интересах, т.е. в интересах лица, предоставляющего какое-либо преимущество субъекту коррупции;
- 2) в определении субъекта коррупции как любого лица, действующего в чьих-либо интересах (столь широкое понимание субъекта преступного деяния отчасти конкретизируется указанием на то, что субъектами коррупции признаются также лица, служащие Короне, любому юридическому лицу, муниципальному, городскому Совету графства либо района);
- 3) в возложении на обвиняемого обязанности доказывать свою невиновность после того, когда ему предъявлено обвинение¹.

Тяготение британского уголовного права к прецедентной форме имеет место и в случае с Законом о борьбе с коррупцией 1916 г. и сопровождается некоторыми негативными последствиями. Одно из них состоит в том, что отсутствие членов парламента в перечне субъектов коррупционных преступлений, который дан в этом законе, на практике приводит к тому, что до настоящего времени ни один британский парламентарий не привлечен к уголовной ответственности за коррупцию. И это несмотря на то, что в упомянутом Законе речь идет о представителях власти².

Британский подход к проблеме уголовно-правовой борьбы с коррупцией, по-

¹ Вильямс К. Учебник уголовного права. - Лондон. 1978. С.847-848.

² Витвицкий А.А. Определение коррупции в английском уголовном праве // Правовые и организационные проблемы борьбы с коррупцией. - М.: Академия МВД РФ, 1993. С.65.

видимому, можно считать достаточно консервативным, громоздким и малоэффективным. Однако это не воспринимается Парламентом как стимул к немедленным революционным преобразованиям и заимствованию чужого опыта. Специфический подход к решению проблем уголовной ответственности за коррупцию характеризует уголовное законодательство Франции. Новый Уголовный кодекс Французской Республики, принятый 22 июля 1992 г. содержит разветвленную систему норм об ответственности за коррупционные преступления¹.

К числу таких норм следует отнести: хищение, совершенное лицом, являющимся представителем власти или выполняющим задание органов государственного аппарата, при осуществлении или в связи с осуществлением его функций или порученного ему задания (п.2 статьи 311-4), то же деяние, совершенное лицом, незаконно присвоившим такие полномочия (п.3 статьи 311-4); мошенничество, совершенное лицом, которое является представителем государственной власти или на которое возложено какое-либо задание органами государственного аппарата, при осуществлении или в связи с осуществлением его функций или задания (п.1 статьи 313-2); то же деяние совершенное лицом, незаконно присвоившим соответствующие функции (п.2 статьи 313 - 2); злоупотребление доверием лицом, обратившимся за помощью к населению с тем, чтобы добиться передачи денежных средств или ценностей, либо от своего собственного имени, либо в качестве руководителя или служащего какого-либо промышленного или коммерческого предприятия (п.1 статьи 314 - 2); злоупотребление доверием, совершенное судебным представителем или государственным либо судебным чиновником при исполнении или в связи с исполнением своих функций либо в связи с занимаемым им положением (статья 314 - 3); приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем с использованием средств, предоставляемых в связи с осуществлением профессиональной деятельности (п.1 статьи 321 - 2); взимание лицом, являющимся представителем государственной власти сумм не подлежащих уплате или подлежащих уплате в меньшем размере (статья 432 - 10); незаконное получение выгод лицом, являющимся представителем государственной власти, выполняющим задание органов государственного аппарата или облеченным общественным избирательным мандатом (статья 432 - 12); получение государственным служащим выгод от предприятия, деятельность которого прямо или косвенно им контролировалась до истечения пятилетнего срока после прекращения этих обязанностей (статья 432 - 13); оказание государственным или общественным служащим необоснованного преимущества кому-либо при заключении сделок с участием государства (статья 432 - 14); похищение представителем государственной власти или лицом, выполняющим задание органов государственного аппарата или являющимся государственным бухгалтерским работником, публичным хранителем документа, ценной бумаги, государственных или частных средств, которые были переданы ему в связи с исполняемыми функциями или возложенным на него заданием (статья 432 - 15); дача взятки лицу, являющемуся представителем государственной власти, выполняющему задание органов государственного аппарата или облеченного избирательным мандатом (статья 433 - 1).

Особенностями содержащейся в уголовном законодательстве Франции

¹ См.: Новый Уголовный кодекс Франции. - М.: МГУ, 1993 (пер. с франц.).

системы норм об ответственности за коррупционные преступления, как показывает проделанное нами исследование, являются:

1) деление всех коррупционных преступлений на две большие группы: преступления против собственности (ст.ст. 311-4, 313-2, 314-2, 314-3, 321-2) и преступления против нации, государства и общественного порядка (ст.ст. 432-10, 432-12, 432-13, 432-14, 432-15, 433-1);

2) включение в число субъектов коррупционных деяний следующих категорий лиц: а) публичные (государственные) должностные лица; б) служащие государственного аппарата; в) лица, уполномоченные на выполнение государственных функций по специальному заданию; г) представители судебной власти; д) лица, привлекающие денежные средства населения для занятия хозяйственной деятельностью; е) должностные лица органов общественного самоуправления коммун; ж) лица, предоставляющие какие-либо незаконные преимущества государственным служащим или лицам, уполномоченным на выполнение специальных функций; з) юридические лица, привлекающие денежные средства населения;

3) преобладание среди санкций норм об ответственности за большинство коррупционных преступлений абсолютно определенных комбинированных санкций в виде срочного тюремного заключения и штрафа нередко на весьма значительную сумму (до 1 млн. франков).

Сравнение французской модели уголовно-правовой борьбы с коррупцией с аналогичными моделями других западных стран, помимо рассмотренных¹, позволяет сделать вывод о том, что данная модель является одной из наиболее репрессивных и с точки зрения среднего размера наказаний за коррупционные преступления, и с точки зрения определения круга субъектов коррупционных деяний.

Указанные выше подходы в определении содержания коррупции и мер ответственности различных стран были учтены в Конвенции ООН против коррупции - первом международно-правовом документе против коррупции, принятом на пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 31 октября 2003 года и вступившем в силу 14 декабря 2005 года. 9 декабря 2003 года на Политической конференции высокого уровня в Мериде (Мексика) Конвенция ООН против коррупции была открыта для подписания. День начала работы конференции был объявлен Международным днём борьбы с коррупцией. В настоящий момент к Конвенции присоединились 172 государств. Государства-участники, в их числе и Кыргызстан, приняли на себя обязательства по внедрению антикоррупционных мер в области законодательства, государственных институтов и правоприменения. Каждое из государств-участников Конвенции призвано в соответствии с принципами честности, ответственности и прозрачности разрабатывать и проводить политику по противодействию и предупреждению коррупции, повышать эффективность работы существующих институтов, антикоррупционных мер, а также развивать сотрудничество по борьбе с коррупцией на международном и региональном уровне.

¹ См., например: Уголовный кодекс Швеции. - М., 1976 (пер. с англ.); Уголовный кодекс ФРГ. - М., 1982 (пер. с нем.); Уголовный кодекс Италии (ст.ст. 318, 320, 158).-М., 1993 (пер. с итал.).

УДК 343.359

Некоторые вопросы предупреждения налоговых преступлений в свете современной уголовной политики: национальный и международный опыт

Не только в бедных странах, где налогоплательщики уклоняются от налогов только из-за того, чтобы не впасть в нищету, но и в развитых государствах проблема борьбы с налоговыми преступлениями весьма актуальна. Несмотря на известное выражение одного из судей Верховного Суда США Оливера У. Холмса: «Налоги — цена, которую мы платим за цивилизованное общество», даже самые законопослушные граждане США и стран Европы относятся к налоговому законодательству с меньшим уважением, чем к иным законам, считают, что выплачиваемые ими деньги идут на удовлетворение своекорыстных нужд бюрократии. Иногда это недовольство выливается в политические формы. В США существуют общественные движения, ратующие за отмену налогов, ссылаясь либо на их несоответствие Конституции, либо на экономическую неэффективность. Но гораздо больше людей «борется» с налогами на практике, предпочитая дело словам. Поэтому налоговые преступления занимают особое место среди прочих правонарушений.¹

Традиционное деление мер предупреждения и противодействия налоговым правонарушениям и преступлениям на общесоциальные и специально-криминологические не имеет четких границ. Ряд мер сочетает в себе и общесоциальную и специальную профилактику. В частности, к мероприятиям в сфере предупреждения и противодействия налоговым правонарушениям можно отнести экономическую обоснованность налогов и сборов. Эти меры можно определить как общесоциальные меры специальной направленности.²

Ряд направлений совершенствования системы предупреждения и противодействия налоговым правонарушениям являются составной частью совершенствования организационно-экономического механизма противодействия криминализации общества как основы обеспечения его экономической безопасности³.

Основные направления совершенствования системы предупреждения налоговым преступлениям можно представить в виде двух составляющих:

- 1) реализация системы мер профилактики налоговых преступлений;
- 2) реализация основных направлений уголовной политики в сфере налогообложения.

¹ Пепеляев С.Г. Основы налогового права: Учебно-методическое пособие/Под ред. С.Г. Пепеляева.—М.: Инвест Фонд, 2000. С.78.

² См.: Ларичев В. Д., Бембетов А. П. Налоговые преступления. – М.: Экзамен, 2001. – С. 94.

³ См.: Новосельский В. Налоговые факторы государственного регулирования // Экономист. 2007. № 5. – С. 17-22.

Соответственно, по каждому направлению можно выделить мероприятия экономического, правового и управленческого характера¹.

Под специальным предупреждением налоговой преступности понимается целенаправленная деятельность органов внутренних дел, ориентированная на обнаружение и раскрытие преступлений, установление и устранение их причин и условий совершения, а также неотвратимость назначения и исполнения справедливого наказания. Суть данного вида предупреждения в том, чтобы своевременно обнаружить налоговое преступление, принять надлежащие меры к его раскрытию, установлению и изобличению виновных, обеспечить правильное применение закона, так чтобы каждый преступник подвергался справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

В предупреждении налоговой преступности должны быть предусмотрены следующие меры:

– информированность граждан – потенциальных налогоплательщиков о развитии правоприменительной практики по делам о налоговых преступлениях.

– упрощенность и сбалансированность налоговой системы, в том числе в части налогообложения доходов граждан.

– устранение пробелов в законодательстве, создающих лазейки для недобросовестных налогоплательщиков, которые с помощью фальсификации, подлога, оптимизируют налогообложение с помощью льготных режимов, а также путем запутанных схем ухода от налогов.

Эффективность борьбы с налоговыми преступлениями в значительной степени зависит от слаженности и взаимодействия всех звеньев системы, обеспечивающей экономическую безопасность государства.

Основными формами двухстороннего сотрудничества компетентных органов по борьбе с экономическими преступлениями, как на территории Кыргызской Республики, так и в рамках международного сотрудничества являются:

1. Обмен информацией путем направления и исполнения запросов об оказании содействия в проведении проверочных действий.

2. Проведение совместных оперативно-розыскных мероприятий, согласованных и скоординированных операций, направленных на предупреждение, выявление и пресечение экономических преступлений.

В рамках международного сотрудничества в сфере противодействия налоговым преступлениям следует отметить некоторые основные положительные моменты, характерные для системы сбора налогов в зарубежных странах, влияющих на борьбу с налоговой преступностью, которые могут быть учтены в нашей республике при совершенствовании правоохранительной работы в сфере налогообложения:

1. Хорошо развитая и финансируемая автоматизация системы сбора налогов, а также распространение системы безналичных расчетов.

2. Большое значение деловой и финансовой репутации бизнесмена. Информация об уклонении от уплаты налогов или о наличии проблем с налоговой полицией может пагубно сказаться на дальнейшем развитии бизнеса, отпугнуть деловых партнеров.

¹ См.: *Латышев В.И.* Налоговые правонарушения: поиск и выявление. – М.: Финансы и статистика, 2006.

3. Систематизация опыта работы налоговых служб и правоохранительных органов, их хорошая техническая оснащенность, высокий авторитет у граждан и хозяйствующих субъектов.

4. Глубоко проработанное и детализированное налоговое законодательство, отсутствие оснований для разных толкований и интерпретаций.

5. Разумная дифференциация санкций за налоговые преступления. Практика ограничения виновных в некоторых гражданских правах, например, лишение права участвовать в выборах, лишение водительских прав, заграничных паспортов являются действенными мерами предупреждения налоговых преступлений, которые могли бы помочь и у нас в стране.

Налоговая преступность в нашей республике носит массовый, а подчас и организованный характер, так как она состоит из тесного слияния легальной и теневой экономики.

В связи с этим, по мнению автора, наряду с государственной программой по борьбе с экономической преступностью следует разработать самостоятельную программу по противодействию с налоговыми преступлениями в Кыргызской Республике, главной задачей которой должна стать реализация национальных интересов в сфере обеспечения экономической безопасности страны, преодоление негативных тенденций роста налоговой и связанной с ней экономической преступности, парализующей экономическую систему государства и цивилизованное предпринимательство, обеспечение пополнения государственного бюджета.

В отличие от Кыргызстана, где нормы уголовного права традиционно сведены в единый Кодекс, за рубежом положения о налоговых преступлениях зачастую содержатся в актах налогового законодательства.

В США это раздел 26 Свода законов США, в основу которого лег Кодекс внутренних доходов; в Великобритании, Италии и Японии — отдельные налоговые законы; во Франции — Общий кодекс о налогах. Положение о налогах 1977 г. ФРГ содержит не только нормы уголовного права, но и правила уголовного процесса при рассмотрении дел по налоговым преступлениям.

Для законодательства зарубежных стран характерно деление нарушений на преступления и проступки. Основой для такого деления является суровость налагаемых санкций. Преступления, в отличие от проступков, влекут за собой более тяжкие меры ответственности (лишение свободы, арест). Проступки представляют собой не столь опасные деяния, и за них полагаются незначительные наказания, вроде ареста на короткий срок или небольшой штраф.

За рубежом политика в области применения уголовного закона имеет два направления: американское и европейское. В США практикуется весьма жесткий подход к налогоплательщику, широкое применение уголовных мер, криминализация значительного числа составов. Преступлением (правда, малозначительным, примыкающим к проступкам) считается даже несвоевременная подача декларации, если будет доказано, что обвиняемый умышленно опоздал с ее составлением. Внесение в декларацию заведомо ложных данных является серьезным преступлением и карается штрафом до 100 000 долларов (или 500 000 долларов, если речь идет о корпорации) и тюремным заключением на срок до пяти лет. Кроме того, система штрафов отличается большой изощренностью. Например, за неполную уплату налога взыскивается 5% от неуплаченной суммы и 50% от суммы, которую нарушитель получил бы, положив эти деньги в банк под

среднерыночный процент. Действительно, когда речь идет о неуплате крупных сумм, многие дельцы легко мирятся с взысканием незначительного фиксированного штрафа, ибо положив «сэкономленные» деньги на депозит, они с лихвой наверстают потерянное.¹

Европейское законодательство относится к неплательщикам мягче. В Европе по возможности стараются избегать судебных процедур, а штрафы заменяются доплатами к налогам, устанавливаемыми в административном порядке. Но в случае повторного нарушения сумма штрафа увеличивается многократно. Применяется также конфискация имущества, приобретенного за счет средств, полученных в результате уклонения, запрещение заниматься коммерческой деятельностью, работать в государственных органах и т.д. Среди специфических мер воздействия следует указать право фискальных органов на преимущественную покупку товара, если в документах налоговой отчетности указана его явно заниженная стоимость.

Коренное отличие уголовных законодательств зарубежных стран от российского законодательства заключается еще и в том, что к ответственности за налоговые преступления на Западе может привлекаться юридическое лицо. В вину корпорации вменяются действия ее служащих, если они совершали их в рамках своих должностных обязанностей и преследовали интересы фирмы. При этом служащие не освобождаются от персональной ответственности, хотя точной идентификации виновного лица не требуется.

Даже если служащего оправдают, корпорация может быть осуждена. Оправдание для нее возможно при условии, если служащий при совершении преступления преследовал собственную выгоду.

Основным видом налоговых преступлений за рубежом, как и в Кыргызстане, является уклонение от уплаты налогов. Способы уклонения аналогичны — лишить органы налоговой администрации достоверной информации об объекте налогообложения. Соответственно преступными признаются непредставление декларации в налоговые органы (недекларирование доходов), несвоевременное декларирование, искажение информации, вносимой в налоговую отчетность. Игнорирование декларации о доходах влечет наказание лишь в тех случаях, когда налог с утаенного дохода превышает определенную сумму. Но наиболее серьезным деянием считается искажение сведений, вносимых в декларацию. К сожалению, в Кыргызстане, такие правонарушения не наказываются должным образом.

Список используемой литературы:

1. Ларичев В. Д., Бембетов А. П. Налоговые преступления. — М.: Экзамен, 2001. — С. 94.
2. Новосельский В. Налоговые факторы государственного регулирования // Экономист. 2007. № 5. — С. 17-22.
3. Латышев В. И. Налоговые правонарушения: поиск и выявление. — М.: Финансы и статистика, 2006.
4. Пепеляев С.Г. Основы налогового права: Учебно-методическое пособие/Под ред. С.Г. Пепеляева.—М.: Инвест Фонд, 2000.

¹ Козырин А.Н. Уголовно-правовая ответственность за нарушения уголовного законодательства: опыт зарубежных стран /Ваш налоговый адвокат.— Вып. 1 (3).— 1998—С. 139.

УДК 341.1

***История становления и распространения института
омбудсмена в зарубежных странах***

Совершенствование процедур защиты прав и свобод человека представляет важнейшую и неотложную задачу нашего государства. Несмотря на наличие судебных, административных и прокурорских средств охраны прав и свобод - в настоящее время в нашей стране права граждан часто нарушаются, а перечисленные способы недостаточно эффективны, так как не акцентированы исключительно на защите прав человека и гражданина. Вот почему возникает проблема не только совершенствования уже имеющихся методов, но и создания новых инструментов, гарантирующих и охраняющих права личности.

Эти вопросы взаимосвязаны, не могут находиться в отрыве друг от друга, ибо, чем больше существует действенных способов защиты прав гражданина в современном государстве, тем человечнее данное общество.

В национальной программе «Права человека» на 2002-2010 годы, утвержденной Указом Президента КР А.А.Акаевым от 2 января 2002 г., для усиления эффективности национальной системы несудебной защиты прав и свобод человека предусмотрено принятие Закона «Об Уполномоченном (омбудсмене) Кыргызской Республики по правам человека». В настоящее время эта идея реализована с принятием 31 июля 2002г. закона Кыргызской Республики «Об Омбудсмене Кыргызской Республики».

Несмотря на то, что все годы суверенитета и независимости никто из государственных деятелей, политиков, ученых и т.д. не высказывался открыто против введения института парламентского уполномоченного по правам человека, процесс создания такого института занял сравнительно долгий для нашей страны срок. Это связано с внимательным изучением проблемы введения новой формы правозащитного контроля, не известной ранее в национальной правовой системе.

Между тем в мировой практике он занимает важное место в системе органов, осуществляющих контроль за деятельностью аппарата управления, эффективно защищающих права личности. Его содержание и деятельность открыли новую главу в отношениях между государством и гражданином, между лицами, наделенными властью, и управляемыми. Этот институт справедливо считается важным фактором укрепления законности и правовой основы в деятельности исполнительной власти

В данной статье исследуются особенности формирования института омбудсмена в зарубежных странах. Определяются значимость и эффективность деятельности омбудсменов в странах с различной политической и правовой системой, формой государственного устройства и формой правления.

Законодательное введение института омбудсмена во многих зарубежных странах явилось важным шагом в развитии демократических процессов направленных на дальнейшее укрепление статуса личности, гарантий реализации

прав и свобод человека и гражданина - основных составляющих правового государства.

Права и свободы человека - один из правовых институтов, для которых характерно утверждение единых стандартов и координация усилий как внутри государства, так и на международном уровне. Значимую роль в деле защиты прав и свобод человека и гражданина в зарубежных странах играют омбудсмены - должностные лица, избираемые или назначаемые парламентом и уполномоченные им осуществлять контроль за соблюдением законных прав и интересов граждан в деятельности органов исполнительной власти и должностных лиц.

Ниже представлен краткий обзор истории становления и распространения института омбудсмана в разных странах мира. Институт омбудсмана имеет скандинавское происхождение. Впервые он был создан в Швеции в начале XIX века, когда в Конституции 1809 года была введена должность омбудсмана юстиции. Однако сам термин "омбудсман" появился в Швеции еще в XIII веке. Он имеет немецкое происхождение, и его корни восходят к раннему периоду истории германских племен. Омбудсманом называлось лицо, которое избиралось для сбора от имени пострадавшей стороны денежной пени (виры) с преступников, совершивших убийство. Шведы и другие скандинавские народы переводили слово "омбудсман" как "поверенный", "управляющий делами", "доверенное лицо". По мере перехода к конституционной монархии омбудсман становится парламентским органом, что и получило закрепление в Конституции Швеции 1809 г.

Первая историческая веха в развитии института омбудсмана относится к эпохе абсолютной монархии и связана с возникновением в Швеции в XVI веке фигуры Главного Сенешаля, которому вменялось в обязанность осуществлять от имени верховной власти короля надзора за деятельностью судей и отправлением правосудия и представлять доклады королю. С 1683 года другому должностному лицу было дано право прямого воздействия на судебных чиновников, вплоть до их обвинения в суде. Далее происходит расширение сферы такого контроля со стороны королевской власти и на администрацию королевства. Этот этап связан с именем Карла XII. После поражения под Полтавой в 1709 г. он уезжает в Турцию, а в Швеции в этот период начинаются волнения и беспорядки. Тогда Карл XII своим указом в 1713 г. учреждает должность королевского омбудсмана, который с 1719 г. стал называться канцлером юстиции. Его главной функцией являлось осуществление надзора за деятельностью судей, гражданских служащих, обеспечение должного исполнения ими национальных законов. Однако канцлер был слугой короля и подчинялся кабинету. Он не обладал достаточной независимостью для того, чтобы эффективно защищать граждан. После смерти Карла XII следует сложный исторический период, который в рассматриваемом нами аспекте характерен тем, что на разных этапах канцлер юстиции либо находился под влиянием короны, либо становился в большей степени подотчетен законодателям или землям, получая значительную независимость. Окончательное освобождение Швеции от абсолютизма (после убийства короля Густава III и свержения его преемника Густава IV) ознаменовалось принятием риксдагом (парламентом) в 1809 г. новой Конституции, в основе которой лежал принцип равновесия власти короля и парламента.

Конституция вводила должность омбудсмана юстиции. В отличие от канцлера (эта должность также сохранилась, как королевский чиновник), омбудсман

юстиции выходил из-под опеки короля и становился подотчетен парламенту, который его избирал и которому он должен был представлять ежегодный доклад о своей деятельности, будучи в своей деятельности независимым и не подчиняющимся никому, кроме закона. В сферу его компетенции входил надзор за администрацией, юстицией и даже Церковью.

Со временем институт омбудсмана претерпел существенные изменения. Так, сфера его компетенции была распространена на служащих местной администрации. Кроме того, он перестал быть единоличным органом. Для контроля за военной администрацией в 1915 г. создается военный омбудсман, который существовал отдельно до 1967 г. Однако с этого времени возрожден принцип органического единства службы, но при этом определяются три различные сферы деятельности, каждая из которых контролируется отдельным омбудсманом. Иными словами, на единой должности находятся три лица, каждое из которых носит звание омбудсмана юстиции. Сегодня, согласно принятым правовым актам, в Швеции действует бюро омбудсманов из четырех человек: Главный омбудсман и три Парламентских омбудсмана.

Финляндия стала второй страной в мире, в которой появился институт парламентского омбудсмана. После падения монархии в России и обретения Финляндией независимости, в принятой 17 июля 1919 года Конституции были прописаны не только укрепившая свою позицию и популярная в обществе должность Канцлера юстиции, но и, с учетом шведского опыта, позиция омбудсмана юстиции, избираемого парламентом и действующего параллельно и независимо от Канцлера юстиции.

С середины XX века этот институт приобрел большую популярность и в других странах мира. Так в Дании работа по созданию института парламентского Омбудсмана началась сразу после окончания Второй мировой войны, в рамках созданной в 1946 году Комиссии по разработке новой Конституции. В принятой в 1953 г. Конституции содержалась ст. 55, в соответствии с которой парламент Дании уполномочивался избрать одно или два лица, не депутатов парламента, «для контроля гражданской и военной администрации государства». В следующем, 1954 году был принят соответствующий закон, а год спустя был назначен и первый Омбудсман Фолькетинга, профессор Стефан Гурвиц. Именно датская модель получила наибольшее признание в мире, благодаря тому, что датская правовая система ближе англо-американской и европейской континентальной правовой культуре.

В Норвегии первоначально была введена должность военного омбудсмана (1952 г.), но в дальнейшем – с 1962 г. – соответствующий орган был создан для контроля за деятельностью гражданской администрации. Далее идея омбудсмана из северных (Скандинавских) стран распространилась во многих других государствах Европы, Америки, Азии, Африки, Океании.

На основе датской модели в 1962 г. этот институт был создан в Новой Зеландии, воспринявшей его первой среди англоязычных стран. Накопленный опыт института омбудсмана был изучен в странах обычного права. Уже в 1967 г. в Великобритании принимается Закон об образовании аналогичного института. Он получил название Парламентского уполномоченного по делам администрации. Впоследствии такого рода службы были образованы также в Шотландии и Уэльсе. В том же году, что и в Великобритании, омбудсман был учрежден в ряде провинций Канады, а к 1977 г. он существовал уже во всех провинциях (при том, что на

федеральном уровне омбудсмана "общей компетенции" нет, однако, созданы два отраслевых омбудсмана – уполномоченный по вопросам государственных языков с 1969 г. и следователь по делам исправительных учреждений с 1973 г.). Постепенно происходило становление этого института в Австралии.

Как и в Канаде, идея введения федерального омбудсмана не получила признания и в США, однако там возникли свои омбудсманы различного типа в ряде штатов: Гавайи (1969), Небраска (1971), Айова (1972), Аляска (1975), Нью-Джерси (1974), Аризона (1996) и др. Вместе с тем, в США возник и целый ряд так называемых "псевдоомбудсманов" (или "исполнительных омбудсманов"), которые имели мало общего с первоначальной моделью, поскольку назначались губернатором штата. Также омбудсманы появились и в ряде городов: Дейтон (Огайо), Эри (Пенсильвания) и др.

Особый интерес представляют страны, где институт омбудсмана создавался в условиях демонтажа диктатуры. Первой такой страной стала Португалия, где был ликвидирован диктаторский режим Салазара. В 1975 г. создается институт омбудсмана – Проведора (поручителя) юстиции. Он стал одним из элементов системы защиты молодой демократии.

Аналогичная ситуация сложилась и в Испании, где по Конституции 1978 г., восстановившей парламентский демократический строй, и принятому в соответствии с ней в 1981 г. Органическому закону, был учрежден институт омбудсмана – Народного защитника. Это было одним из наиболее удачных государственно-правовых нововведений на этапе перехода от режима Франко к демократии. Причем, испанцами была избрана "сильная" модель института омбудсмана, приближенная к классическому шведскому образцу с некоторыми дополнительными полномочиями. Именно по испанской модели стал впоследствии создаваться институт омбудсмана (Народного защитника) в государствах Латинской Америки, где этот процесс также был частью процессов демократизации и перехода к свободному рынку. Сегодня этот институт существует в Мексике, Колумбии, Эквадоре, Перу, Боливии, Аргентине, Венесуэле, Чили и др., а также в странах Карибского бассейна.

Различные виды омбудсманов известны Швейцарии, Бельгии, Италии, Франции, ФРГ, Австрии. Институт омбудсмана создан в Нидерландах, Японии, Ирландии, Египте, Австралии, Израиле, Индии, на Кипре, а также во множестве развивающихся стран – Гайана, Маврикий, Острова Фиджи и др.

Отдельное внимание следует уделить, процессам создания института омбудсмана на постсоветском пространстве, которые начинаются с началом демократических реформ в конце 1980-х гг. Первым омбудсманом в Восточной Европе был польский Уполномоченный по правам граждан, начавший свою деятельность с 1988 г., а годом позже омбудсман был учрежден в Венгрии. С 1990 г. аналогичная служба появилась в Хорватии.

Уже из этого краткого обзора истории становления института омбудсмана в мире видно, насколько популярной оказалась эта идея. Сегодня около ста государств мира имеют такой институт, хотя он обладает различной компетенцией, правовым статусом, организационными формами, возможностями воздействия. При всех национальных отличиях основные функции омбудсмана состоят в том, что он принимает жалобы граждан о нарушениях их прав и свобод действиями (или бездействием) правительственных чиновников и ведомств, рассматривает их и выносит свои заключения. И хотя эти заключения носят рекомендательный

характер (то есть чиновники не обязаны им следовать), в подавляющем большинстве случаев рекомендации омбудсмана принимаются к исполнению.

Без преувеличения можно сказать, что институт омбудсмана является не только желательным, но и необходимым элементом национальной системы защиты прав человека, ключевым звеном в процессе преобразований в странах, которые стали на путь демократии и верховенства права

Следует отметить, что, несмотря на существенные достижения в области защиты прав и свобод граждан в Кыргызской Республике, институт омбудсмана нуждается в дополнительной правовой и организационной регламентации. По причине того, что потенциал, заложенный в данном правозащитном институте, не раскрыт в должной мере, в первую очередь, из-за отсутствия у Омбудсмана (Акыйкатчы) государственно-властных полномочий. Учитывая, что его деятельность направлена на недопущение и устранение нарушений прав и свобод граждан в деятельности органов государственной власти, данное обстоятельство существенно снижает эффективность его деятельности, ведь в случае выявления нарушений прав и законных интересов граждан омбудсмен вправе лишь направить рекомендации об их устранении в государственный орган, допустивший подобные нарушения. Таким образом, достижение положительного результата в правозащитной деятельности будет зависеть исключительно от авторитета лица, занимающего эту должность, и от добросовестности самого государственного органа. А поскольку речь идет, в первую очередь, о защите прав и интересов человека и гражданина, в данном случае нельзя полагаться только на рекомендательные формы. Заслуживающим внимания является положительный опыт ряда зарубежных стран, где омбудсмены обладают определенными контрольными государственно-властными полномочиями, что существенно повышает степень защищенности прав граждан этих стран.

Adylbek Sharshenbaev,
Board Chairman, Transparency International
Kyrgyz National Chapter

***Community-driven development projects and corruption
in the Kyrgyz Republic***

Kyrgyzstan being one of the poorest countries of the former Soviet Union has a poverty rate of around 40% according to UNDP¹. Despite being in possession of huge hydro power and water resources, the electricity and water supplies remain unreliable and extremely irregular, especially for the poor rural populations. Populations suffering from irregular resource allocation also lack trust in officials and the local authorities' ability to meet their demands for the provision of public goods and services. Entrenched corruption² continues to frustrate reforms towards greater political and administrative accountability and development. Many municipal programs, fail to get real outcomes. Elected bodies entrusted with the responsibility to represent public interests, all too often act for private gain resulting in a loss of credibility and trust in politics.

To address the issue donor agencies started to apply community driven development (CDD) approach based on the principle of development aid through active community participation. It requires active participation of local communities in local development projects and their in-kind and financial contributions as a sign of ownership. The demand-driven and bottom-up nature of decision making in such projects expected to promote pro-social behaviors.

The limitedness of funds in local and national budgets results in a poor infrastructure, particularly in rural and remote areas. But even cities and towns suffer from deficit of electricity, pure water and sanitation, waste management. Therefore community driven projects in Kyrgyzstan are mostly aimed at improvement of local infrastructure and resource management. In addition there are efforts aimed at local capacity and public participation improvement.

Small-scale infrastructure investments play a major role in government and donor thinking regarding how to reduce poverty and balance regional development to Kyrgyzstan's poorest areas. And as the idea that development often works better when control over decisions and resources are handed over to local communities takes root in both the Government and donor circles, such small-scale investments are increasingly being community-driven: a combination of local authorities, villages and community-based organizations (CBO) are taking the lead in selecting, planning and managing local area development plans and activities.

The general trend towards more community driven development in Kyrgyzstan has been backed by significant funding. Community Development and Investment Agency

¹ <http://www.kg.undp.org/content/kyrgyzstan/en/home/countryinfo.html>

² The 2014 Corruption Perception Index (CPI) ranks Kyrgyzstan at 136th among 175 nations: <http://www.transparency.org/cpi2014/results>

(CDIA) was established by Kyrgyz Government and Kyrgyz Association of Municipalities especially for the purpose of centralized distribution of such funds. To date, it has realized infrastructural and capacity building projects with subprojects in every corner of Kyrgyzstan and even in two major cities, Bishkek and Osh with total budget of roughly \$200 millions. There are other initiatives and institutions using CDD approach funded from Government and donors' side or local companies such as State Stimulating Grant Program, Issyk Kul Development Fund, USAID Local Development Program & Office of Transition Initiatives, Development Policy Institute, etc.

It is widely acknowledged today that small-scale development projects at the community level are not immune to the corruption problems that plague probably all projects in Kyrgyzstan. This is particularly the case for infrastructure projects. To date, no systematic survey of the likely magnitude of fund loss to corruption exists, but there are signs that the problem of corruption maybe serious – suspending of some donor funded programs¹ dedicated to local infrastructure development and media² and anecdotal reports of corruption in development projects. As usual with corruption, the fear is that reported incidents represent only the “tip of the iceberg”.

There are three interrelated factors in community driven development projects on which vulnerability to corruption depends.

The first factor is program design. Generic corruption risks in infrastructure projects can be mapped through the project cycle, from needs assessment and scheme identification to the certification of completed works and final accounting.

The second key factor is the institutional context in which programs are implemented. The overall governance characteristics of a country will help determine how local accountability relationships between actors (such as local authorities and community members, project contractors, supervisors etc.) are structured and how effectively they are enforced.

The third factor is the features of the social order and mass consciousness of the population. Two previous factors are backed by the fact that informal social control is virtually absent³. Moreover significant portion of the citizens consider bribes as a normal way to solve their own problems, and corruption and own actions in cases of corruption - as a normal social practice. People even consider the state as “investment market”⁴.

I. Project cycle

Analysis of corruption risks in the implementation of infrastructure projects should be carried out not only at the implementation stage, but also at the pre-project stage when the risks are just beginning to take shape, as well as during the operational phase of

¹<http://adb.org/sites/default/files/projdocs/2013/46350-001-kgz-tar.pdf>

² <http://slovo.kg/?p=13327>

³ Society & corruption in Kyrgyzstan (2014), research commissioned by OSCE Centre in Bishkek. Available in Russian here: <http://www.osce.org/bishkek/140481>

⁴ http://www.ucrs.uu.se/digitalAssets/86/86335_JohanEngvallPhDDissertation.pdf

established infrastructure. It is necessary to take into account not only the general risks inherent in the project as a whole, but also the threats of corruption typical of a particular stage of its implementation, as well as the accumulation of these risks to the extent of the project.

The generic project cycle consists of next stages: a) Project identification; b) Project design; c) Project bidding/contracting; d) Project management and financial reporting; e) Project monitoring and evaluation; f) Project completion, hand over/certification.

a) Project identification

Grounds for corruption emerge at the time of the adoption of strategic decisions on the necessity of the project, because at this stage consideration of strategic importance and the value of the discussion are at the first place. Elite capture poses some of the greatest potential for corruption during the project identification stage of community-driven, small-scale works. Various local elites can potentially identify infrastructure works that end up benefiting only a small number of people in the community and not necessarily the poor for whom the projects are primarily aimed. Among other things, the potential for elite capture is intimately related to how participatory the project identification and selection process is.

The democratic accountability mechanism is essential for elite capture risks mitigation. Where community members are well informed regarding the project and its potential benefits for the community and are unafraid to speak out in their interests, the vulnerability to corruption is likely to be very low in this stage. However, this condition is not likely to always hold. It is usually dependent on existence of “champions” in local office and community¹. In addition, the level of consultation with local people may generally decline after the initial scheme selection stage.

b) Project design and planning

Project design and planning stages (together with the next stage – bidding and contracting) are particularly prone to the risk of systematic corruption. Project design and planning involves “cost estimation” wherein much inflated “estimates”, rigged contractor approved lists, collusion and kickbacks, all lay the groundwork for a corrupt distribution of resources among key project stakeholders. There is a possibility of intentional distortion of financial model to justify inefficient investments at this stage: overstatement of capital expenditures and the choice of nonoptimal financing structure, moreover settings laid at this stage are not required for execution. The weakness of the project design and planning is to be used to hide corruption component in the cost of the project.

Indeed, in virtually all the villages visited during local capacity building activities in the frame of UNDEF-Transparency International Kyrgyzstan Project: Development Pact: An Accountability Tool in The Hands Of Communities, it was this phase in the project cycle that both local authorities and villagers know the least about, particularly how companies are selected and how the project design work is actually done. There is a

¹ “Champions” are committed local leaders (particularly in public office), keen to demonstrate their integrity by providing space for informed, inclusive and institutionalized civil society participation

general lack of technical capacity and skills from among Ayil Okmot¹ and village personnel to support and understand detailed design aspects, particularly for first-timers. Local officials at the Ayil Okmot level thus need technical assistance for the proper execution of project design and planning, even though there are binding resource constraints (financial and human) for effective support.

c) Project bidding/contracting

This is perhaps the most vulnerable stage of small-scale projects to corruption, mostly due to direct contracting arrangements. Almost always, the final decision making power in the appointment of a contractor is held by either the district or province, resulting in an increased likelihood for collusion between designing company, construction company and district/provincial authorities. There is also possibility of direct contracting for under threshold amount of contracting on municipality authority level with fewer/simplified requirements². Most usual manifestations of corruption risks along the process of procurement are following:

Needs assessment phase

- The investment or purchase is unnecessary. Demand is induced so that a particular company can make a deal but is of little or no value to the society.
- Instead of systematic leak detection or grid loss reduction (both of which offer little reward), new capacity (which offers bribe potential) is installed.
- Goods or services that are needed are overestimated to favour a particular provider.
- Old political favours or kickbacks are paid by including in the budget a “tagged” contract (budget for a contract with a “certain”, pre arranged contractor).
- Conflicts of interest are left unmanaged and decision makers decide on the need for contracts that impact their old employers.

Preparation (process design & bid documents preparation) phase

- Bidding documents or terms of reference are designed to favour a particular provider so that in fact, competition is not possible or very restricted.
- Goods or services needed are over- or underestimated to favour a particular bidder.
- Unnecessary complexity of bidding documents or terms of reference is used to create confusion to hide corrupt behaviour and make monitoring difficult.
- Design consultants prepare a design that favours a particular bidder.
- Grounds for direct contracting are abused.

Contractor selection and award phase

- Decision makers are biased (bribes, kickbacks, or conflicts of interest are involved).
- Selection criteria are subjective in ways that allow biases to play a role and remain unattended.

¹ Ayil Okmot (county, municipality) – lowest executive level of the state in Kyrgyzstan, may consist of one or more villages

² This was addressed by the new Law on Public Procurement adopted in 2015

- An advantage to a particular bidder is granted through the exchange of confidential information before bid submission or during the clarification period. Clarifications are not shared with all the bidders.

- Confidentiality is abused and extended beyond legally protected information making monitoring and control difficult.

- The grounds for the selection of the winner are not made public (transparency of bid evaluation).

- Excessive (unnecessarily high) price as a result of limited or non-existent competition or bidders collusion.

Contract Implementation phase

- Winning bidders/contractors compensate bribes and other extra payments with poor quality, defective or different specifications than those contracted. Faulty or sub-specification work execution, requiring early repairs or expensive correction.

- Contract renegotiation or “change orders” introduce substantial changes to the contract, often in small increments that can be decided by site engineer/ authority.

- Price increases during execution through “change orders” reflecting changes in specifications or cost increases, facilitated often by collusion between corrupt contractor and corrupt control official.

- False or inexistent claims are filed.

- Contract supervisors or monitors are “bought” or are not independent and willing to justify false or inexistent claims.

- Contract renegotiation is allowed or performed introducing substantial changes that render the bidding process useless.

Final accounting and audit

- Accountants doing final accounts and auditors are biased or “bought” and willing to support false certificates.

A very important aspect to consider when analysing corruption risks listed above is to differentiate problems related to inefficiency or to basic lack of capacity error from pure corruption.

d) Project management and financial reporting

This is another stage in the project cycle which presents particular vulnerabilities to corruption. One risk at this stage is outright fund theft before, during and/or after commitment of resources to infrastructure investment. Another risk at this stage involves collusion to misrepresent planning, administrative, monitoring, evaluation, and/or technical service expenses at various transfer points.

Vulnerability to corruption in this stage is quite high due in part to a combination of factors:

- limited involvement of local people in critical parts of the small-scale investment projects;

- generally poor accountability and financial documentation mechanisms;

- weaknesses in local infrastructure project monitoring and supervision;

- the limited transparency in financial matters;

- a disparity between ownership of projects and all financial matters; and

- a general lack of real independence from the technical companies hired by the project management body to monitor the critical stages of construction.

The management and financial process of local infrastructure projects often are highly dependent on skills of local accountant – an official whose numbers are rarely checked or questioned. Therefore corruption vulnerability here is also tied to personal characteristics of a person in charge. Furthermore, the closeness of individuals from project management and project supervision often negates the “independence” that exists between them on paper.

In many locations, capacity and training for physical and technical supervision, and for project accounting at the district and commune levels, are still inadequate.

e) Project monitoring and evaluation

There are relatively low corruption risks in this stage of infrastructure subprojects in comparison with other stages. The basic problem seems to be a lack of real incentives for local people and lower level political officials to spend the time and effort required to properly and timely oversee these local schemes. Limitedness and unawareness of the ability to lodge complaints effectively at the local level may also weaken incentives for close monitoring by villagers. The fact that contractors can potentially pay “technical” supervisors for their signature without a real inspection also cannot be ruled out completely.

II. Institutional context

After the last change of power in 2010 Kyrgyzstan adopted the new Constitution and declared transformation to the Parliamentary system of governance. But the executive dominance is still in place.

In fact, what might be broadly called the “executive” in government is, paradoxically, both fragmented and overbearing. The intention behind the government's high-profile Public Administration Reform (PAR) is broadly to ground all executive actions in a solid legal foundation, implying less frequent use of administrative decisions on important matters, and a more active role for overarching laws and decrees passed by the Jogorky Kenesh (Parliament) and local legislatures. Increasing emphasis is also being given to the formal oversight function of the legislative branch and the court system. All of these steps are highly consistent with the introduction of institutionalized oversight aimed at the design of many small-scale infrastructure programs.

The PAR effort is also meant to reduce the potential for corruption in Kyrgyzstan's administrative system. Executive dominance and fragmentation can be seen as key explanatory variables of corruption in any administrative system dominance, in that there are insufficient rules and restraints from horizontal bodies; and fragmentation, in that a partially unreconstructed bureaucracy offers a proliferation of opportunities for corruption to take root. Yet current government approaches to combating corruption in Kyrgyzstan reveal some limitations. Anti-corruption efforts have to date defined lower levels of government as the primary source of the problem, rather than acknowledging corruption as systemic. And the focus has been on the elaboration of criminal definitions

and penalties for corrupt activities, rather than on broader approaches to public transparency that might subvert the environment in which corruption thrives by changing a range of stakeholder incentives.

In an environment in which the executive is so dominant, oversight mechanisms specific to small-scale infrastructure projects are likely to be somewhat weak and ineffective particularly if based out of the local legislatures or civic organizations. Several factors conspire to weaken project oversight functions, including poor information availability outside the executive, poor incentives to raise complaints given potential “conflict of interests” of individuals moving between local legislatures and committees in succession, and the weak independence of non-executive actors once complaints are raised.

Another thing to consider is that Kyrgyz administration is still significantly centralized, in part because central ministries and agencies still have significant incentives to maintain direct control of decision-making in many areas. Partly as a result, there is still considerable reluctance in some provinces and ministries to fully hand over scheme management responsibilities to lower levels, despite the decentralizing aim of almost all of the small-scale infrastructure program funds. At the same time, powerful fiscal decentralization trends are increasing disparities between better-off and better-managed localities, on the one hand, and poor, and poorly governed, localities on the other. The astonishing variations in local capacity and implementation conditions throughout Kyrgyzstan suggest that uniform rules for small-scale infrastructure schemes are likely to be difficult to develop, and actually undesirable.

Finally the incentives of local executives to implement grassroots democratization are still weak, particularly where the level of social organization and interaction with local government is ineffective - as is notably the case in many poor, remote areas.

III. Social context

Since independence, the Kyrgyz society has become more cynical and tolerant of corruption. The old ideological system was destroyed, and although the society kept some positions of the Soviet social values by inertia for some time, the new state ideology, aimed at the creation of new social values was not established. The main ideology became the making profit by any means.

The main logic is that the state, particularly public (or related to the state) office, is approached as an investment object. Investing in public office in Kyrgyzstan should be understood as being grounded in rational calculations of expectations of making a return on the initial investment. It is essentially similar to an investment on financial markets or the real estate market. The main source of this argument is the logic of the recruitment system. The decisive factor for recruitment and appointment to public office is not meritocratic criteria associated with the modern state or strictly personalistic ties. This is not to say that no formal criteria apply or that personal contacts do not help a good deal, but neither of them is the decisive factor; unofficial financial payment is. In this state, office-holding is not primarily a public vocation, nor is it a right granted solely due to clear patrimonial reasons, but an investment made for the purpose of making immediate

profit. Thus a person holding public (or related to the state) office initially focused on private gain from their positions, and the society is aware of this and often adopts the structure of relations.

In these challenging conditions, the actions of officials of the state (and including projects to which the state is taking part) is also perceived by the population as a waste of time, which will not lead to any reaction. But even if there are individuals who still dare to any action, they often simply do not know the superior control and supervisory bodies, where to go to complain. More precisely, they may know of their existence, but they do not know the specific steps where to go and what.

The ability of communities to resist corruption is dependent of understanding what corruption is, and awareness of its manifestations, ways and tools to combat it. Unfortunately, such knowledge in the field in many respects quite archaic, there is not enough current understanding of corruption, its nature and methods of countering it.

Finally there are significant differences between urban and rural areas: in the cities anti-corruption attitudes among the population are more common. Since most of the CDD projects are aimed at rural areas, it is said that it is necessary to increase the capacity of the rural population in terms of systematic knowledge about corruption.

Anti corruption framework

Legal framework

Current anti-corruption legal framework in Kyrgyzstan is quite comprehensive and only missing a law on conflict of interests which has been drafted several times but did not adopted by the Parliament so far. There are plenty of legal acts containing anti-corruption components: the Law on Counteracting Corruption (replaced in 2012 the Law on Combating Corruption(2003), the Law on Public Service (2004), the Law on Municipal Service (2004), the Law on Asset Declarations (2004), the Law on Administrative Procedures (2004), the Law on Access to information (2006), the Law on Public Procurement (replaced in 2015 the old Law on Public Procurement (2004), the National Strategy on Sustainable Development (2012), Presidential Decree on Measures to Address the Causes of Political and Systemic Corruption (2013), the latest State Strategy on Counteracting Corruption (2012) and the Governmental Plan on Implementation of the State Strategy (2012) resulted in departmental and local governmental plans on implementation and finally the Criminal Code criminalizing the manifestations of corruption. Kyrgyzstan has also ratified the United Nations Convention Against Corruption in 2005. The main problem of legislation in Kyrgyzstan is that the enforcement of laws on a very low level.

Institutional framework

Anti-corruption institutions in Kyrgyzstan are represented by different level and jurisdiction entities. Law enforcement bodies dealing with corruption are following: Office of Prosecutor General (constitutionally defined as the only public body responsible for prosecution of public officials), Anti Corruption Service under State Committee on National Security, State Service on Combating Economic Crimes under the Government, Department on Combating Corruption of Ministry of Interior,

Department on Combating Corruption of State Tax Service, Department on Combating Corruption of State Customs Service. Law enforcement agencies with no exception are keen to receive a complaint on corruption, but only Office of Prosecutor General may file a case on corruption.

Coordination of anti-corruption efforts under Governmental Plan was duty of unit within Ministry of Economy which was recently shifted under Prime Minister's Office. In 2014 each agency under the Government designated a commissioner on preventing corruption (compliance officer), but capacity of these officers need to be significantly improved. Prime Minister's Office and almost each of these agencies has a corruption reporting channel working through website or hot line or sometimes both, but people are not keen to complain through this channel as the level of trust to the state is extremely low.

Anticorruption strategies applied

Various specific mechanisms as well as broader institutional approaches have been put forward to combat and prevent corruption in public infrastructure projects. The perception has long been that the only way to counteract corrupt practices is through stricter law enforcement and higher penalties, both imposed through improved "vertical" control of local implementation. However necessary this approach is, it is often unable on its own to address systemic corruption, and arrives late, after too much damage has been caused. It is important to think of ways of preventing corrupt behavior by giving actors the opportunity, the incentives and the sense of urgency to combat it.

It is increasingly understood by both state and non-state actors that systems and procedures drawing on the principle of transparency are among the most effective mechanisms for preventing corruption in small-scale infrastructure programs. Transparent systems and procedures promote accountability, facilitate oversight and citizen participation and bring legitimacy to local government decisions. In that sense, transparency enables accountability mechanisms to function more effectively.

Such systems and procedures used in Kyrgyzstan include Civic Councils (Citizen Advisory Boards), Government Contract Committees, Public Oversight Groups, Public Hearings, Public Meetings. This is of course not to say that they are used always and all over the country, but there is a tendency to grow of application.

Civic Councils (Citizen Advisory Boards)¹ – comprised of community volunteer residents, such boards provide local authorities or state bodies with information and recommendations pertaining to local issues. The level of independence with which the Civic Councils operate is different depending of the attitude of head of entity under which it was established. It is relatively new form of interaction of state institutions with the public and needs to be improved to serve as a useful safeguard against corruption and help in establishing transparent decision-making practices.

Government Contract Committees – these are structures established for public contracting purpose and may be formed on different tiers of institutions. Participation of

¹The link to the Civic Councils of state bodies website: <http://ons.kg/>

public here is limited, but this form of public participation can be an initial step or component in ensuring an open public procurement environment.

Public Oversight Groups - community-based organizations or grassroots associations, whose key role is civic activism and dissemination of information pertaining to local authority initiatives. Unlike civic councils, these groups have no formal relationship with government entities. Such groups monitor local government issues and policies, correspond with project teams, media and government authorities, attend public hearings and speak for or against public policy proposals.

Public Hearings – required by legislation for all budget consideration and approval actions on a municipality level. Public hearings are fundamental to the operation of open, democratic government administrations. As local authorities deliberate over policies and other administrative matters, public hearings afford citizens an avenue to address policy makers on important local issues, particularly budgetary concerns. By the same token, it also allows public officials to request comments and information and access expert advice from the public. Public hearings mean public deliberation and debate and can hold the key to engendering transparent decision-making processes.

Public Meetings - designated by legislation function of legislators and executive level officials. Such meetings are held at different levels of the municipalities from the village street to the local parliament. Previously, such meetings were held by local executives mostly in order to inform about the activities carried out, then the situation began to change and now the local parliaments taking lead for meetings and community taking more active part in the local discussion and decision-making, as well as implementation monitoring.

Another effort undertaken to better promote transparency and accountability in CDD projects, which was underlined along the document, is capacity building of local authorities, local communities and local media. It not only includes explaining the obvious negative effects of non-transparent practices, especially corruption, but also providing the public and media with the tools to identify and report corruption, fraud and unethical conduct in public office.

Finally the Internet is getting more accessible for communities and starting to play an increasing role in promoting transparency and accountability in interactions between authorities, communities and donors.

УДК 327

***Международно-правовой статус сторон и виды участников
вооруженного конфликта***

Начиная с конца Второй мировой войны, произошло около 250 крупных вооруженных конфликтов почти на каждом континенте в мире, приводящем к предполагаемым жертвам в пределах от 70 до 170 миллионов, большинство которых было мирным населением. Нарушения международного гуманитарного права государственными, а также негосударственными воюющими сторонами продолжается по сей день, несмотря на факт, что такие нарушения противоречат явным основным ценностям и верованиям большинства цивилизованных государств в мире. Огромное количество нарушений прав человека имеет место быть в связи с неточным и некорректным определением статуса сторон вооруженных конфликтов. Огромное множество случаев в современной истории, когда ввиду ошибочного восприятия определенной группы лиц, равно как и незнание прав и обязанностей установленного международным гуманитарным правом, погибает множество людей, сложивших своё оружие и попав в плен, это демонстрируют важность четкого установления статуса стороны в период вооруженного конфликта.

Сегодня представляется сложным установить корректный статус участников вооруженных конфликтов, ввиду появления новых видов участников вооруженных конфликтов, в связи, с чем необходимо создание новых нормативно правовых актов, регулирующих их права и обязанности. Четыре Женевские конвенции, которые были приняты почти полвека назад нуждаются в реформировании и дополнениях, с учетом реалий современного мира, ведь мироустройство сегодня кардинально отличается от того что было на момент подписания Женевских конвенций 1949 года. Появляются новые негосударственные банд-формирования, действующими за пределами государственного контроля, которые применяют силу, чтобы достигнуть политической/квазиполитической цели. Современный мир с увеличением международных потоков капитала, услуг, людей и информации помог вооруженным негосударственным субъектам расширить свой контроль. В связи, с чем необходимо описать круг прав и обязанностей к каждому современному виду законных участников вооруженного конфликта. Важным вопросом на сегодняшний день являются правила касающихся военнопленных. Действительно, эти правила существуют, потому что комбатанты подвергаются риску того, что они могут быть убитым. Этот риск реален, поскольку комбатанты должны отличаться от гражданских лиц. Недостаточно просто сказать, что каждый

- комбатант должен также явно быть комбатантом. Это, в любом случае, что описывается в правилах общей Третьей Женевской конвенции. Во время немеждународных вооруженных конфликтов задержанные лица, тем не менее, остаются под диапазоном Статьи 3, общей для четырех Женевских конвенций 1949 года и для Второго Протокола, дополнительного к Женевским конвенциям.

Второй дополнительный протокол обстоятельно разъясняет минимальные гарантии обращения с задержанными лицами. Даже во время редких случаев международных вооруженных конфликтов, применение Третьей Женевской конвенции подрывается. Понятия 'террористов' и 'незаконных воюющих сторон' призваны, чтобы отказать людям в получении определенных выгод защищенного статуса «комбатанта», законного участника вооруженного конфликта. В конце концов только посредством точного знания правового статуса участников и правил к захваченным людям, преступлений и убийств можно избежать.

Разделение воюющих сторон от других связано с принципом различия, ввиду того что, лишь у определенной группы комбатантов есть законная цель и статус. В конце двадцатого века попытка кодифицировать международное право отразила Европейскую идею вооруженного конфликта, в котором доминирующие государства установили успешно предпочтение многочисленным вооруженным силам, одетым в специальную отличительную форму.

Хотя разработчики Женевских конвенций 1949 года не считали реалистичным для участия организованных движений Сопротивления во время Второй мировой войны, ясно, что их использование привело к измененному взгляду на законность взятия в плен. Более тяжелая уверенность в косвенной войне во время холодной войны увеличила давление, чтобы расширить привилегированный класс воинов, как отражено в Дополнительном Протоколе I. Несмотря на нежелание многих государств ратифицировать это положение с середины 1970-х расширить гуманитарное право, возможно, неизбежно, что все более и более сложный характер современного конфликта принесет дальнейшее давление, чтобы продвинуть эту область закона в двадцать первом веке. В гуманитарных терминах неудачно, что стандарт отношения к захваченному личному составу, был – и во многих отношениях остается – связанным глубоко с понятиями законности. В то время как нет никаких промежутков в гуманитарной защите, предлагаемой воинам современного конфликта, также невозможно заявить, что есть равенство. Высший уровень защиты, связанный со статусом военнопленных, остается связанным с понятием законного комбатанта. Однако неточные критерии достижения боевого статуса и факта, что определение законности лежит на пленившей власти, могут означать, что любое требование быть законной воюющей стороной подвергается сомнению.

Проблема установления статуса сотрудников частных военных компаний — категории лиц, правовое положение которых вызывает споры в доктрине международного права, заслуживает, на наш взгляд, пристального внимания со стороны ученых и практиков, занимающихся проблемами международного

гуманитарного права. Можно прийти к выводу о необходимости отнесения сотрудников ЧВК к комбатантам.

Также дискуссионным является вопрос о международно-правовом статусе миротворческих сил ООН и НАТО. С одной стороны их можно назвать третьей стороной вооруженного конфликта, так как вооруженные силы ООН и НАТО удовлетворяют всем требованиям для признания их комбатантами, однако в виду специфики их мандата и особого статуса, с точностью определить их принадлежность к категории комбатантов не представляется возможным, в связи с чем, по нашему мнению необходимо принять международное соглашение об их правовом статусе, с детальным указанием прав и обязанностей в период вооруженного конфликта.

Определяющим моментом правового статуса комбатантов является то, что только такие лица в период вооруженного конфликта имеют право применять так называемое «дозволенное насилие». И в случае взятия в плен комбатант не будет преследоваться за это «дозволенное насилие». Он получает статус военнопленного и будет содержаться в лагере военнопленных.

В отличие от комбатантов, некомбатанты не могут быть захвачены в плен неприятелем, а могут быть лишь задержаны им. При этом они не считаются военнопленными, но удерживаются противником для оказания медицинской и духовной помощи военнопленным.

**КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН
ТЫШКЫ ИШТЕР МИНИСТРЛИГИНИН
КАЗЫ ДЫЙКАНБАЕВ АТЫНДАГЫ
ДИПЛОМАТИЯЛЫК АКАДЕМИЯСЫНЫН**

ЖАРЧЫСЫ

ВЕСТНИК

**ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ИМ. КАЗЫ ДИКАМБАЕВА**

BULLETIN

**OF DIPLOMATIC ACADEMY OF THE MINISTRY
OF FOREIGN AFFAIRS OF THE KYRGYZ REPUBLIC
NAMED AFTER KAZI DIKAMBAEV**

Объем 28 уч.изд.л.
Тираж 300 экз. Заказ № 239

Типография ОсОО «Алтын Тамга»
720000, г. Бишкек, ул. Орозбекова, 44
Тел.: (+996 312) 62-13-10
e-mail: altyntamga@mail.ru